

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ,
ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ»**

Новосибирск, 2011 г.

УДК 3
ББК 6/8
А 43

А 43 «Актуальные проблемы социологии, политологии, философии и истории»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (17 октября 2011 г.) — Новосибирск: Изд. «Априори», 2011. — 124 с.
ISBN 978-5-4379-0011-6

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы социологии, политологии, философии и истории» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современных общественных наук.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития общественных наук.

ББК 6/8

ISBN 978-5-4379-0011-6

Оглавление

Секция 1.1. История социально-политических учений зарубежных стран	6
ЗАПАДНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ Липская Лариса Алексеевна	6
Секция 1.2. Мировая политика	10
КОНФЛИКТ НАЦИЙ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ Одегова Анжелика Сергеевна	10
НОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЕС НА ПУТИ К ФОРМИРОВАНИЮ ЛИБЕРАЛЬНОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО РЫНКА Таран Евгений Иванович	15
Секция 1.3. Социология и психология политики	21
ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ Поддубная Александра Антоновна Бабинцев Владимир Алексеевич	21
Секция 2.1. Методология и методика социологического исследования	26
КОНТЕНТ-АНАЛИЗА КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТОВ Семакович Елена Александровна	26
Секция 2.2. Социология личности	31
УТОПИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ Синицина Наталья Алексеевна	31
Секция 2.3. Социология коммуникаций	36
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЁЖИ СРЕДСТВОМ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ Бережинская Надежда Ивановна	36

Секция 3.1. Динамика современной культуры	41
СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ПРОБЛЕМА Савинцев Алексей Александрович	41
Секция 3.2. Социальная философия	45
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА И ЭСТЕТИКА КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА Шишкина Анастасия Андреевна	45
Секция 4.1. История России	50
ВЛИЯНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР НАРОДОВ ЕВРАЗИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ В РОССИИ Баранова Любовь Васильевна	50
ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В 20-е–30-е ГОДЫ XX ВЕКА И ЕЕ РОЛЬ В ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ Борлакова Людмила Рашидовна	55
«ДЕЛО ЮМАТОВА»: СТРАНИЦА В ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЦЕНЗУРЫ Дианов Сергей Александрович	63
ОТНОШЕНИЕ ЦАРСКОЙ РОССИИ К ПРОВОЗГЛАШЕНИЮ НЕЗАВИСИМОСТИ БОЛГАРИИ Илюхин Михаил Юрьевич	68
СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНО- ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА Меркушева Екатерина Владиславовна	74
К ВОПРОСУ О РУССКО-АМЕРИКАНСКОЙ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 1904 ГОДУ Писчикова Наталья Петровна	78
СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В ДЕРЕВНЕ СТАВРОПОЛЬЯ КОНЦА XIX–НАЧАЛА XX ВЕКОВ Скляр Лидия Николаевна	85
НЕФТЕГАЗОВЫЙ КОМПЛЕКС И МОДЕРНИЗАЦИЯ (вторая половина XX–начало XXI вв.) Славкина Мария Владимировна	89

Секция 4.2. Этнология	99
ПЕРСОНАЖИ МАНСИЙСКИХ ДЕТСКИХ СКАЗОК А.М. КОНЬКОВОЙ (на примере сборника «Сказки бабушки Аннэ») Кумаева Мария Владимировна	99
Секция 4.3. Археология	103
ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЯКОВСКИХ ПЛЕМЕН Марьенкина Татьяна Анатольевна	103
Секция 4.4. Книговедение и библиотековедение	107
РАЗВИТИЕ КНИГОИЗДАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (1991–2010 гг.) Козловская Анна Игоревна	107
Секция 4.5. Историография, источниковедение и специальные исторические дисциплины	112
К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РОССИИ (вторая половина XIX–начало XX вв.): ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ Хвостова Ирина Алексеевна	112

СЕКЦИЯ 1.1

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ЗАПАДНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Липская Лариса Алексеевна

д. пед. н., доцент УралГУФК, г. Челябинск

E-mail: lipskayala@mail.ru

Концепции политической культуры сложились к середине XX века на Западе, благодаря ученым Г. Алмонду, С. Вербе, Е. Вятру, Р. Такеру и др.

В зарубежной политологии среди ученых нет единства в толковании понятия «политическая культура».

- Е. Б. Шестопап [5], систематизируя существующие в зарубежной научной литературе определения политической культуры, сводит их к четырем группам:

- «психологическая», где культура рассматривается как система ориентаций на политические объекты;

- «всеобъемлющая», включающая как установки, так и политическое поведение индивидов;

- «объективная», в которой культура представляется как определенный ограничитель поведения индивида;

- «эвристическая», рассматривающая культуру как гипотетическую конструкцию для аналитических целей.

Суть дискуссионной проблемы западных политологов — определение границ политической культуры. Одни из родоначальников теории вопроса, американские ученые Габриел Алмонд и Сидни Верба, видели в политической культуре совокупность психологических ориентаций людей по отношению к политическим объектам. «Когда мы говорим о политической культуре общества, — писали они в знаменитой монографии «Гражданская культура», то ведем речь о политической системе, интериоризованной в знаниях, чувствах и оценках населения». По их мнению, «политическая

культура есть совокупность индивидуальных позиций и ориентаций участников данной политической системы. Это субъективная сфера, образующая основание политических действий и придающая им значение» [1, с. 64–65].

Тем самым они ограничивали политическую культуру сферой политического сознания и политической психологии. Впоследствии сходные взгляды развивали Люсьен Пай и Доналд Дивайн, считавшие, что включение политического поведения в политическую культуру несовместимо с логикой исследования. Концентрация внимания на сугубо психологических факторах, вбирающих в себя только ориентации относительно политической системы, невключение в анализ таких компонентов как принятые в социуме модели и образцы политического поведения сужает понятие «политическая культура».

Ряд зарубежных политологов, возражая против того, что понятие «политическое поведение» шире, чем политическая культура», определяют последнюю как совокупность политического сознания и поведения, присущих данной социальной общности. В частности, согласно Е. Вятру, политическая культура есть «совокупность позиций, ценностей и образов поведения, затрагивающих взаимоотношения власти и граждан» [2, с. 259–260]. Польский ученый относит к политической культуре знание о политике, знакомство с фактами, интерес к ним; оценку политических явлений, оценочные мнения о том, как должна существовать власть; эмоциональную сторону политических позиций; признанные в данном обществе образцы политического поведения, которые определяют, как можно и следует поступать в политической жизни.

Американский социолог С. Липсет определял политическую культуру как некую совокупность ритуалов, «которые служат сохранению законности различной демократической деятельности», акцентируя тем самым внимание на поведении граждан в условиях демократии, сохранении ее ценностей» [3, с. 203].

В зарубежной политологии значительное место занимает проблема политической культуры личности. Ее изучение в ряде случаев ведется через раскрытие сущности политической социализации, политической секуляризации и политизации. Ряд зарубежных авторов, в том числе П. Шаран, трактуют политическую культуру гражданина как «субъективную реакцию людей на политическую систему» [4, с. 46]. В данном случае политическая социализация рассматривается ученым, как процесс, посредством которого, с одной стороны, насаждаются политические взгляды и ценности, а с другой — индивидуум формирует свой собственный

взгляд на политическую действительность. Это включает в себя отношение к личностям, политике, событиям и потребностям. Основная функция политической социализации заключается, прежде всего, в освоении политической культуры, которая создает условия для вхождения гражданина в политическую систему.

Одной из дискуссионных проблем остается типология политической культуры. Наиболее популярна классификация Алмонда и Вербы, которые исходили прежде всего из степени участия граждан в политической жизни. Они выделяют: «провинциальную» («патриархальную»), «подданническую» и «политическую культуру участия»:

- в патриархальной (провинциальной) культуре у населения полностью отсутствуют знания о политике и политической системе, у членов общества политические ориентации не отделены от иных (экономических, религиозных), отсутствуют какие-либо ожидания, связанные с политической системой;

- подданнической культуре свойственно «пассивное политическое поведение» и исключительная ориентация на господствующие ценности, при очень слабом их осмыслении; подданные хорошо понимают государственную власть и умеют эффективно (для системы) подчиняться ей, проявляя пассивность во всем остальном;

- партисипаторная или культура участия («рационально активистская»), где индивиды активно участвуют в политической жизни, пытаясь воздействовать на процессы принятия решений, умело артикулируют собственные интересы, уважают принятые решения и выполняют их.

В современном мире эти типы политической культуры в чистом виде отсутствуют. В действительности национальные политические культуры сочетают в себе различные типы, то есть являются смешанными. Комбинации этих типов могут быть разные. Г. Алмонд и С. Верба при сравнительном изучении политических культур задались вопросом, существует ли демократическая политическая культура, то есть некий набор ориентаций, который благоприятствует стабильности демократии, то есть «подходит» демократической системе.

Их основной вывод заключался в том, что наиболее оптимальным для стран стабильной демократии является смешанный тип политической культуры, выявленный в Великобритании и США, — гражданская политическая культура (или политическая культура гражданственности). В рамках этой культуры многие граждане могут быть активным в политике, но многие другие играют более пассивную

роль подданных. Политическая деятельность представляет собой лишь часть интересов гражданина, причем, как правило, не очень важную их часть. Каждый из предложенных Г. Алмондом и С. Вербой идеальных типов политической культуры на практике, как считали авторы типологизации, отражает специфику той или иной «идеальной» субкультуры. Особое сочетание этих субкультур обуславливает национальные особенности политической культуры в той или иной стране.

Список литературы:

1. Алмонд Г., Верба С. Культура гражданина / Г. Алмонд, С. Верба. — М.: Глобус, 2001. — 260 с.
2. Вятр Е. Социология политических отношений: Пер. с польск. / Под ред. Ф.М. Бурлацкого. — М.: Политиздат, 1979. — 390 с.
3. Липсет С. М. Политическая социология // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / С. М. Липсет. — М.: Наука, 1992. — 320 с.
4. Шаран П. Сравнительная политология / П. Шаран. В двух частях: Пер. с англ. — 4.1. — М.: Мысль, 1992. — 320 с.
5. Шестопад Е.Б. Личность и политика: Критический очерк современных западных концепций политической социализации / Е. Б. Шестопад. — М.: Мысль, 1988. — 294 с.

СЕКЦИЯ 1.2

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

КОНФЛИКТ НАЦИЙ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

Одегова Анжелика Сергеевна

*аспирант ННГУ им. Н. И. Лобачевского,
Факультет международных отношений*

Кафедра прикладной политологии, г. Нижний Новгород

Email: anzhelika.odegova@gmail.com

В последнее время особое место в научных дискуссиях занимает тема культурного многообразия и диалога культур. Это связано с особенностями мирового политического процесса, а также исторически значимыми событиями во второй половине XX в. (крах колониализма и распад коммунистических стран, пересмотр теории общественного развития). В данной статье речь пойдет о т.н. «третьем этапе» политической модернизации (стартовала в 80–90-е гг. XX в.), теории мультикультурализма (понятие, зародилось в 60-е гг. XX в., но актуализировалось в начале нового тысячелетия под воздействием глобализационных процессов) и о некоторых проблемах, актуализировавшихся в момент «столкновения цивилизаций» (по теории С. Хантингтона).

Одной из серьезнейших проблем современного мира является локальный межэтнический (межнациональный) конфликт в условиях глобализации и демократизации политических институтов в различных странах мира. «Межэтнические конфликты стали распространенным явлением в современном мире. По данным Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира в Осло, две трети всех насильственных конфликтов в середине 90-х годов были межэтническими. В нашей стране распад СССР также сопровождался острыми межнациональными, межэтническими противоречиями и конфликтами» [8]. По мнению В. А. Тишкова межэтнический конфликт — «любая форма гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны,

или одна из сторон, мобилизуются, действуют или страдают по принципу этнических различий» [5].

Смена научной парадигмы в политической теории (переход к неонституционализму или постбихевиорализму) и распад биполярной системы предопределили характер демократической модернизации в последнее десятилетие прошлого века: плюралистическая демократия на основе традиций (для неевропейских стран). При этом выделялись характерные черты модернизации в этот период: саморазвитие политической системы, объективные обстоятельства, поведение рядовых граждан (т. е. уровень развития гражданского общества). Таким образом, культурный фактор стал учитываться при проведении демократизации политических систем. «Политическую модернизацию мы можем определить как формирование, развитие и распространение современных политических институтов, практик, а также современной политической структуры. При этом под современными политическими институтами и практиками следует понимать не слепок с политических институтов стран развитой демократии, а те политические институты и практики, которые в наибольшей степени способны обеспечивать адекватное реагирование и приспособление политической системы к изменяющимся условиям, к вызовам современности» [4].

Появление новых стран с культурным и национальным разнообразием на карте мира в процессе деколонизации и дестабилизации коммунистических политических систем поставило перед мировым сообществом того периода следующий вопрос: каким образом выстраивать диалог с только что появившимися странами (у которых не было адекватного опыта государственности) и отличающимися в культурно-ценностном отношении от европейской модели общественно-политического устройства. Кроме того, еще один серьезный вопрос встал на повестку дня: как потушить пожар локальных межнациональных конфликтов, вспыхнувший в местах смены политической системы. Попытка установить демократические институты в новообразовавшихся странах, распространение на них действия принципов международного права, принятие мигрантов из Третьего мира и их ассимиляция в европейском сообществе не дали нужных результатов. А процессы глобализации и универсализации только обострили отношения между нациями и национальными государствами. Что еще важно, конфликты происходили (и происходят) не только между национальными государствами, но и внутри самих государств, где нет относительной этно-конфессиональной гомогенности. Такими примерами могут служить французский Квебек в Канаде, баски и каталонцы в Испании, Северная

Ирландия, Уэльс и Шотландия в Великобритании, фландры и валлоны в Бельгии, национальные республики в России (в 1990-е гг.), Косово в Сербии, Абхазия и Южная Осетия в Грузии, Приднестровье в Молдавии и т. д.

В 2004 году миру был представлен доклад ООН о развитии человека. В нем говорилось о культурном многообразии и о необходимости сохранять это разнообразие и налаживать диалог культур. Национально-культурная идентичность определялась как основа для дальнейшего развития человечества: «культурная свобода является важнейшей составляющей человеческого развития, потому что для полноценной жизни индивиду абсолютно необходимо определить свою идентичность» [1]. Подверглись критике предыдущие модернизационные курсы в мировой политике в отношении неевропейских стран. Говорилось, что «теории культурного детерминизма заслуживают критической оценки, поскольку их применение ведет к опасным политическим последствиям. Они могут подпитывать националистическую политику, направленную на уничтожение или подавление «примитивных» культур под предлогом того, что они якобы препятствуют национальному единству, демократии и развитию. Такие нападки на культурные ценности способны вызвать острую ответную реакцию, которая может стать источником как внутренней, так и межгосударственной напряженности» [1].

Мультикультурная теория развития человечества (новый уровень в теории демократии) стала крайне популярной. Федерализм в данном случае определялся в качестве лучшей модели взаимоотношений между национальными меньшинствами в многонациональных странах, таких как Россия, Бразилия, Испания и проч. по этому поводу можно привести в пример работу А. Лейпхарта «Демократия в многосоставных обществах», посвященную возможностям создания консенсуальных моделей политических систем в «проблемных» странах. По мнению отечественных исследователей мультикультурализм подразумевает то, «что в границах одного государства сосуществуют различные этнокультурные, конфессиональные и т. д. образования, имеющие право на публичную репрезентацию и сохранение своих особенных черт, образа жизни, продиктованного культурной спецификой» [3].

Мультикультурализм дал возможность решить проблемы межнациональных противоречий и конфликтов. Европейские страны тут же приняли его на вооружение. Однако, сегодня европейские страны (последовательно: Германия, Великобритания, Франция

за 2010–2011 гг.) начинают отказываться от мультикультурной политической системы, заявив, что она не решает проблемы в многосоставном обществе. «Обычно «мультикультурализм» критикуется справа, сторонниками ограничения миграции. Однако о провале этой политики говорят и левые публицисты» [6].

Конфликт наций по-прежнему злободневен, особенно сейчас, в ситуации мирового финансового кризиса (мы считаем, что уровень национализма зависит от фактора экономики). Политика «интеграции без ассимиляции» угрожает существованию «национального государства», но если ликвидировать мультикультуру, то можно уничтожить традиции, чего нельзя допускать (таково мнение и российского президента Д. А. Медведева) [6].

Культурное многообразие — серьезная и актуальная на сегодняшний день научная проблема, требующая качественной разработки. Очевидно, что нациям необходимо постоянно общаться. Конфликты возникают тогда, когда нет полноценного обмена информацией, т.е. нормальной коммуникации (наиболее точно, на наш взгляд, коммуникативная модель политической системы представлена Карлом Дойчем). Как известно, в споре рождается истина. В дискурсе межкультурного взаимодействия всплывают проблемы и их действительные причины, и научные круги рефлексируют их посредством дискуссий. Если врач, точно зная симптомы больного, ставит правильный диагноз и назначает правильное лечение, то выздоровление наступает быстро. Так и здесь: поняв причины, по которым нации конфликтуют между собой, можно предложить наиболее благоприятные варианты регулирования конфликтов. Разумеется, есть случаи, где медицина бессильна: существуют неизлечимые болезни, и больной обречен. Однако, как в медицинской науке постоянно ведутся исследования по поиску вакцин и лекарств от таких заболеваний, так и в политической науке должны вестись аналогичные исследования.

Список литературы:

1. Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире/ Пер. с англ. — М.: Весь мир, 2004. — 328 с.
2. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. — Пер. с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. — М.: Аспект Пресс, 1997. — 287 с.
3. Мамонова В.А. Мультикультурализм. Разнообразие и множество// Интелрос. — 2007. — № 2. — режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/07/06/print:page,1,vamamonova_multikulturalizm_raznoobrazie_i_mnozhestvo.html (дата обращения: 06.07.2007)

4. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа/ Е. Ю. Мелешкина [и др.]. — М. — Весь мир, 2001. — 304 с.
5. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. — 2-е изд. — М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997. — 528 с.
6. Трещанин Д. Мультикультурализм — это тупиковая стратегия. Европа пересматривает отношения с нацменьшинствами, Россия остаётся верна выбранному пути// Свободная пресса. — 2011. — 11 фев. — Режим доступа: <http://svpressa.ru/society/article/38872/> (дата обращения: 1.05.2011)
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. — 1994. — № 1. — С. 33–48.
8. Шарафулин М.М. Межнациональные конфликты: причины, типология, пути решения/ Проблемы образования, науки и культуры. Выпуск 20./ Известия Уральского государственного университета. — 2006. — № 45. — Режим доступа: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0045\(03_202006\)&xsl=showArticle.xml&t&id=a09&doc=../content.jsp#ref2](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0045(03_202006)&xsl=showArticle.xml&t&id=a09&doc=../content.jsp#ref2) (дата обращения: 1.05.2011)
9. Deutsch K.W., Singer D.T. Multipolar power systems and international stability// World politics, — Cambridge University Press. — 1964. — vol. 16, № 3. — p. 390–406. — Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/2009578> (дата обращения: 25.04.2011)
10. Deutsch K.W. On Political Theory and Political Action// The American Political Science Review, — American Political Science Association. — 1971. — vol. 65, №1. — p. 11–27. — Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/1955040> (дата обращения: 25.04.2011)

НОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЕС НА ПУТИ К ФОРМИРОВАНИЮ ЛИБЕРАЛЬНОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО РЫНКА

Таран Евгений Иванович

*аспирант кафедры общественно-политических наук, глобалистики и
социальных коммуникаций Университета «Украина», г. Киев*

E-mail: Evgeniy-t@mail.ru

Вопросы диверсификации источников энергетических поставок начало беспокоить страны ЕС, главным образом, после российско-украинских и российско-белорусских «энергетических войн» [1, с. 25], которые приводили к частичному, а иногда и к полному отключению европейских потребителей от трубопроводов, по которым они получали природный газ. Если еще 10 лет назад у западных потребителей не возникало сомнений в надежности поставок, то после вышеуказанных конфликтов западные страны с осторожностью верят в надежность поставщиков и транзитеров, занимаются поиском путей диверсификации энергоносителей. Этот вопрос на протяжении последних лет все больше и больше беспокоит страны ЕС.

На Европейском континенте ведущую роль в обеспечении энергобезопасности играют три субъекта: Европейский союз (или отдельные страны-члены — как импортеры), — Россия (как экспортер) и Украина (как импортер и транзитер).

Проблема обеспечения стабильных поставок зависит от надежности транзита. Это является одним из ключевых вопросов в энергодиалоге с Европой.

Основная цель импортеров ресурсов — это обеспечение бесперебойных поставок углеводородов по приемлемо низким ценам. В то же время, основной задачей экспортеров является обеспечение долгосрочных доходов от продажи ресурсов и удержание цены на них на достаточно продолжительном уровне.

Энергетическая безопасность ЕС в значительной степени зависит от стран-производителей, а так же от стран-транзитеров, которые обеспечивают транзит энергоресурсов через свою территорию, поскольку собственные ресурсы у стран Европы ограничены.

В то же время значение энергетического фактора в отношениях ЕС с другими странами, а также международными организациями усиливается.

Наиболее кризисными элементами в отношениях Россия-ЕС являются непрозрачность и негибкость энергетического рынка

Европы, его зависимость от монопольных поставщиков и «заполитизированность» энергетических отношений [2, с. 16–17].

Главная проблема страдающей от недостатка энергоносителей Европы заключается в том, что она, в данном случае, зависит от недемократических стран, которые склонны использовать энергетику в качестве инструмента политического давления. Борьбаться с этим можно за счёт снижения потребления энергоресурсов и использования возобновляемых источников энергии. Кроме того, в 2009 г. ЕС принял программу энергетической реформы, цель которой — более высокая конкуренция и эффективность в сфере поставок и распределения энергоресурсов. Один из способов это сделать — заставить поставщиков энергии ослабить контроль над трубопроводами и распределительными сетями [7].

ЕС разработаны целые комплексы мер, норм и положений, которыми регулируется сотрудничество в области энергетики с другими участниками энергорынка.

Важным документом последнего времени стал «Третий энергетический пакет ЕС», который вступил в силу 3 сентября 2009 года. Датой начала его применения стало 3 марта 2011 года — после истечения срока имплементации газовой и электроэнергетической директив, который составил 18 месяцев.

Третий пакет включает следующие документы [3, с. 69]:

- Газовая директива ЕС (Directive 2009/73/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 concerning common rules for the internal market in natural gas and repealing Directive 2003/55/EC);
- Электроэнергетическая директива ЕС (Directive 2009/72/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 concerning common rules for internal market in electricity and repealing Directive 2003/54/EC);
- Регламент о доступе к газовым сетям (Regulation № 715/2009 of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 on conditions of access to the natural gas transmission networks and repealing Regulation (EC) № 1775/2005);
- Регламент о доступе к электроэнергетическим сетям (Regulation № 714/2009 of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 on conditions of access to the networks for crossborder exchanges in electricity and repealing Regulation (EC) № 1228/2003);
- Регламент об Агентстве по сотрудничеству регулирующих органов (Regulation № 713/2009 of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 establishing an Agency for the Cooperation of Energy Regulators).

Третий пакет будет обеспечивать возможности всех европейских граждан воспользоваться преимуществами, которые предоставляет прозрачный и конкурентный энергетический рынок: свободный выбор потребителями поставщиков, более конкурентные цены, безопасность поставок энергетических ресурсов. С целью достижения этих задач новые правила предусматривают:

- отделение функции предприятий по добыче и продаже энергетических ресурсов от функций транспортировки, что сделает рынки электроэнергии и газа более либеральными;
- усиление трансграничной торговли в сфере энергетики;
- создание более эффективных национальных регуляторных органов;
- содействие трансграничному сотрудничеству и инвестированию;
- содействие более прозрачной деятельности энергетических компаний;
- повышение солидарности между государствами-членами ЕС.

Юридически Третий энергетический пакет (ТЭП) является набором директив в сфере поставок электроэнергии и газа, регламентирующих вопросы владения и использования газопроводов и электросетей, а также предусматривающих учреждение Агентства по вопросам сотрудничества регуляторных органов в сфере энергетики (ACER). В его основе лежит принцип разделения [7].

ACER является независимым от предприятий и производителей электроэнергии и газа, операторов транспортных и распределительных систем и во время осуществления своей деятельности будет учитывать специфическую роль национальных регуляторных органов, при этом обеспечивая одинаковое применение ими законодательства.

Целями ACER является помощь регуляторным органам стран-членов ЕС вместе с использованием ими национальных регуляторных задач на уровне ЕС и, при необходимости, координирование их деятельности с целью укрепления национальной безопасности.

Функциями ACER являются:

- мониторинг рынков электроэнергии и природного газа, в том числе и розничных цен на электроэнергию и газ, возможности доступа к сетям, включая доступ к электроэнергии, которая производилась с возобновляемых источников энергии;
- мониторинг регионального сотрудничества между предприятиями-операторами транспортных систем;
- разработка руководствующих рекомендаций по соответствующим вопросам;

- Помощь в углублении сотрудничества национальных регуляторных органов на рынках электроэнергетики и газа в соответствии с директивами Третьего энергетического пакета.

Также ACER открыт для участия третьих стран, которые заключили договора с ЕС, согласно с которыми они внедрили и применяют право ЕС в сфере энергетики, где необходимо, в сферах окружающей среды и конкуренции [2, с. 148].

В той ситуации, где одна компания владеет и энергоресурсом, и инфраструктурой, потребитель не имеет возможности выбирать, какая компания ему будет поставлять газ или электроэнергию. Но если эти составные части разъединить, на рынок может выйти большее число альтернативных компаний-поставщиков. Это дает потребителю большую свободу выбора у кого покупать газ.

Структурные меры Третьего пакета принципиально отличаются для существующих и новых систем транспортировки газа.

К существующим системам государства-члены ЕС вправе по своему усмотрению применить одну из трех моделей разъединения:

- полное разъединение по собственности (самая жесткая): означает, что вертикально-интегрированное предприятие утрачивает право собственности и контроля над системой транспортировки газа, то есть полностью дезинтегрируется;

- независимый системный оператор (средняя): означает, что вертикально-интегрированное предприятие, формально оставаясь собственником системы транспортировки газа, фактически передает все функции по ее управлению независимой компании;

- независимый транспортный оператор (самая мягкая и популярная): означает, что вертикально-интегрированное предприятие передает право собственности на систему транспортировки газа и все функции по ее управлению своему дочернему обществу, которое отделяется от других сегментов предприятия «высокими и надежными китайскими стенами».

Очевидно, что применение этих структурных мер к европейским газотранспортным системам, которые принадлежат поставщику газа, повлечет либо полную утрату, либо значительное ослабление контроля над соответствующими сетевыми активами. Все зависит от степени жесткости выбранной модели [4, с. 20].

Введение норм третьего пакета предусматривает реформирование вертикально-интегрированных предприятий, направленных на отделение естественно-монопольного (транспортировка) от конкурентных видов деятельности (производство, продажа). Декларируемая цель разъединения —

лишение собственника системы транспортировки. Имплементация этой модели влечет полную дезинтеграцию вертикально-интегрированных предприятий. Предприятие должно либо передать систему транспортировки независимому лицу, либо разделиться на принадлежащие разным собственникам компании, занимающиеся транспортировкой и производством (поставкой) энергии.

Политика Европейского союза в газовой сфере к этому времени очень способствовала либерализации внутреннего рынка ЕС, но она не смогла полностью достичь поставленных целей: до сих пор отсутствует недискриминационный доступ на рынок и эффективный регуляторный надзор в каждом государстве-члене ЕС.

Новое законодательство ЕС устанавливает общие правила транспортировки, разделения, продажи и сохранения природного газа, условий доступа на рынок, критериев и процедур. Новые правила направлены на эффективное отделение функций предприятий по продаже и добыче газа от функций транспортировки. Только уход от стимула для вертикально-интегрированных компаний относительно дискриминирования участников рынка и потенциальных инвесторов может обеспечить такое отделение. Единственным регулятивным способом избежать конфликта интересов между предприятиями по добыче, продаже и транспортировке газа и для гарантирования безопасности поставок является независимость оператора системы от любого интереса относительно продажи и добычи газа.

Новые правила способствуют созданию стимулов для инвестиций и будут гарантировать прозрачные и эффективные условия доступа новых участников на рынок, а также будут содействовать избавлению от формально-отягощающегося регуляторного режима работы национальных регуляторных органов. Конечно же, для этого необходимо реформировать соответствующие предприятия, что потребует немало времени, для чего в Директиве и установлен переходный период.

Эти правила касаются не только европейских, но и предприятий из третьих стран, которые работают в ЕС.

Подчеркивается, что европейская страна может отказать предприятию во входе на ее внутренний рынок, если это не отвечает принципу эффективного отделения, или если его появление на рынке будет угрожать энергетической безопасности стран-членов ЕС.

Третий энергетический пакет был резко раскритикован Россией, которая неоднократно заявляла о возможности повышения цен на газ для стран Европы в случае его имплементации [6].

Условия Третьего энергетического пакета Россию не устраивают, поскольку российский газовый монополист «Газпром» владеет и транспортными сетями, которыми поставляются энергоресурсы в Европу, и ведет добычу ресурсов, параллельно владея территориями, на которых ведется добыча.

Желания стран ЕС очевидны. Они хотят обезопасить себя от политического влияния России, в то же время Россия, не желая терять выгодных потребителей своего сырья, не намерена идти на уступки, предлагаемые Европейской комиссией под лозунгом либерализации энергетического рынка.

Даная ситуация может говорить о том, что назревает новый международный конфликт между Европейским Союзом и Россией, что может проявиться в очередном энергетическом кризисе.

Список литературы:

1. Взаємовідносини України та Росії в енергетичній сфері // Національна безпека і оборона. — 2009. — № 4. — С. 24–27.
2. Горячая Ю.П. / Нові ініціативи ЄС у сфері правового регулювання енергетичних відносин: актуальні питання для України // Стратегічні пріоритети. — 2001. — № 1. — С. 147–152.
3. Гудков И. / Третий энергетический пакет Европейского союза // Нефть, Газ и Право. — 2010. — № 3. — С. 66–69, с. 69
4. Дубик Н., Кузнец С., Гудков И. Третий энергетический пакет» ЕС и российские инвестиции в Европе. // Газовый бизнес. — 2011. — № 2. — С. 20–23, с. 20
5. Російсько-Українська газова криза 2009: порівняльний погляд з Києва, Бухареста та Кишинєва, ІСАС, Київ — 2010. — С. 16–17.
6. Україна готова приєднатися до третього енергетичного пакету [електронний ресурс] — Режим доступу URL: <http://news.liga.net/ukr/news/NU114981.html>
7. Чесловас Ишкаускас Третий энергетический пакет: борьба между Россией и ЕС // Геополитика. — 2011/03/21 [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.geopolitika.lt/?artc=4555>.

СЕКЦИЯ 1.3

СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Поддубная Александра Антоновна

*студентка исторического факультета,
Уральский Федеральный Университет, г. Екатеринбург*

Бабинцев Владимир Алексеевич

*к. ист. н., доцент УФУ, г. Екатеринбург
E-mail: hist@usu.ru*

18 ноября 2010 года канцлер ФРГ Ангела Меркель сделала вывод о том, что европейская политика мультикультурализма привела к замкнутому и раздельному существованию этноконфессиональных общин в рамках одного государства. Вслед за ней эту же мысль повторил и британский премьер Дэвид Кэмерон [10]. Однако, 5 февраля 2011 г. в речи на 47-й международной конференции по безопасности в Мюнхене он углубил постановку вопроса, подчеркнув, что проблема осложняется отсутствием единой британской идентичности: мусульманским обитателям Великобритании гораздо ближе единоверцы в других странах, нежели формальные сограждане — англичане. Позже президент Франции Николя Саркози, также связал крах политики мультикультурализма с недостаточностью гражданской интеграции: этноконфессиональные различия не вливаются в национальное сообщество [6, с. 3]. В сущности, лидеры европейских стран пришли к выводу о кризисе гражданской идентичности.

В связи с этим возникает вопрос о возможности распространения кризиса и на Российскую Федерацию, представляющую из себя многонациональное государство. Разумеется, нашей стране не чужда проблема межкультурной и межэтнической коммуникации, однако она носит принципиально иной характер. Дело в том, что Россия издревле формировалась как полиэтничное и поликонфессиональное государство. Если в Западной Европе необходимо решать проблему

гражданской идентичности, прежде всего через политические институты, то у Российской Федерации более широкие возможности использовать культурно — историческое наследие, апеллируя, прежде всего, к коллективной памяти.

Коллективная память

Концепции, касающиеся коллективной памяти, рождаются в те периоды, когда общество испытывает кризис идентичности. Так случилось в 20-е г.г. XX века, после Первой Мировой войны. В сознании общества как бы разорвалась «ткань событий», возникло чувство утраты власти над временем, отсутствие видения будущего. Поэтому интеллектуалы обращались к прошлому, пытались «обратить» его, продлить в настоящее, выстроить из него недостающее будущее [2, с. 6–21]. «Пионером» этого направления стал французский социолог, представитель школы Э. Дюркгейма, Морис Хавалькабс (1877–1945).

Следующий «кризис идентичности» разразился после Второй Мировой войны. Одним сложно было принять и пережить травмы прошлого (Холокост, оккупации, ужасы концентрационных лагерей), другим — идентифицировать себя с группой (народом, страной), творившей подобные преступления. Поэтому в Западной Германии возник концепт *Vergangenheitsbewältigung* («преодоление прошлого»), правда, применимый только к Федеративной Республике Германии и Третьему рейху. Но уже следующий концепт «проработка прошлого» (*Aufarbeitung der Vergangenheit*), восходящий к статье Теодора Адорно (1959 г.), не ограничиваясь Западной Германией, приобретает более широкий смысл [8, с. 90].

Возникают понятия «работа памяти» (*travail de memoire*), связанного со статьей французского ученого Пьера Нора (1978 г). Но главный его труд, 7-ми томное исследование «Места Памяти», вышел в эпоху «мемориального бума» 1980-х гг. (1984–1986) Совместно с коллективом авторов, он связывает историческую идентичность Франции с различными «местами» памяти — тем, что может служить сохранению памяти о прошлом эмблемами, символами, памятниками, праздниками, архитектурными сооружениями, учебниками, словарями, календарями, историческими произведениями и многим другим [5, с. 273] Эта была классическая постановка вопроса мемориальных исследований: связь идентичности и коллективной памяти.

Коллективная память напрямую связана с идентичностью — она является выражением «коллективного опыта, объединяющего группу, объясняющего ей смысл ее прошлого, причины нынешнего совместного бытия и определяющего надежды на будущее» [1, с. 60] Т. е., как определял Хавалькабс, коллективная память «обволакивает»

снаружи опыт и память отдельных индивидов, не смешиваясь с ними, образуя некое общее свое видение исторической действительности. Индивид сознательно или бессознательно сверяется с этим «безличным» хронометром и формирует свое представление о реальности на основе группового. При этом прошлое группы присутствует в настоящем, оно актуализировано [7].

Чтобы включить в память новые идеи и явления, коллективу необходимо, чтобы новое стало частью исторической традиции. Поэтому группа постоянно реорганизовывает, переделывает прошлое. Чаще всего это происходит, когда старые коллективные представления перестают соответствовать действительности, т. е. в моменты радикальных исторических перемен [1, с. 59].

Также коллективная память формирует особую символику, сплачивающую группу, для того, чтоб отделить «своих» от «чужих». Скорее всего, именно с избытком таковых символов и обострением антитезы «свои — чужие» связан нынешний кризис идентичности (крах политики мультикультурализма) в Европе.

Российский пример

Но Россия с ее индивидуальным историческим опытом, не избежала собственных кризисов идентичности. Особенность нашей коллективной памяти заключается в ее избыточной идеологизованности и политизированности. С одной стороны, наличие общего политического прошлого является мощной интегративной линией для различных субъектов в рамках федерации. С другой стороны, резкие изменения политического организма неизменно оборачиваются децентрализацией и кризисами идентичностей. Это способствует укоренению мифа: в силу слабости культурной связи [3], заново собрать воедино страну может только авторитарная центральная власть. Так после Первой Мировой войны и Событий (Революции) 1917 года, обернувшихся распадом Российской империи, встал вопрос о новой идентичности. Сформированный в 1922 новый политический организм — Советский Союз, основан на идее движения к светлому будущему и построения социализма. (Кризис идентичности был решен при помощи идеологии, в которой главную роль играла идентификация не по национальному принципу, а по классовой принадлежности). Возникла новая, «советская идентичность».

Важную роль в ее развитии сыграла Великая Отечественная Война, появление цепи «условно — мифологизированных образов», (вооруженного врага и героя — воина) направленных на сплочение нации. После капитуляции Германии начинает создаваться образ — символ Победы, на который переносится основная риторика правительства и

внимание народа. Посредством этого приема «...Уводились в тень не только тяжелейшие поражения советской армии в 1941–42 годах, массовое взятие в плен военных и гражданских лиц, жизнь в условиях оккупации, страдания мирного населения в тылу, штрафные батальоны и власовская армия, депортация «неблагонадежных» народов, темные эпизоды поведения победителей на освобожденных территориях и многие другие неприглядные стороны огромной войны. Главное, что планировалось заслонить с помощью нового, триумфального образа войны...был террор и ГУЛАГ, а далее — социальная и человеческая цена коллективизации, голодомор и т. д.» [2, с. 6–21].

Следующий кризис идентичности разразился с развалом Советского Союза. Рухнул политический колосс, а с ним и идентичность «советского человека». Народы на территориях субъектов постсоветской России обращаются к коллективной памяти, хранящей остатки национального прошлого. В итоге, рождается такое явление, как конфронтирующая память. Пример — регион Кавказа. Эльдар Исмаилов, директор Института стратегических исследований Кавказа, и кандидат психологических наук Рауф Карагезов, разрабатывая эту проблему, пришли к выводу, что исток феномена конфронтирующей коллективной памяти кроется в специфике истории и этно-лингвистических особенностях региона. Один этнический коллектив попросту противопоставляет себя другим, не стремится к взаимодействию. Для решения этой проблемы исследователи предлагают культивировать единую Кавказскую идентичность [4, с. 117–126].

Кроме того, негативно сказывается отрицание советского прошлого. В первое десятилетие после развала Советский Союз представлялся империей зла, каждый эпизод его истории преподносился только со знаком минус. Но ведь это прошлое коллектива, продолжающее жить и в настоящем вместе с каждым индивидом. Резкий поворот к ценностям дореволюционной России (возрождение православия, культ Царственных мучеников, создание образа «благородного белого генерала» (Колчака) и пр.), прошлого, которое мы никогда не переживали, не может заменить опыт коллективной памяти. Это порождает противодействие, а то, что пытаются вытеснить, напротив, укореняется и приобретает идеальные черты.

Оба эти фактора заставляют обратить внимание на западные технологии исследования коллективной памяти. Для правильной ориентации в российской действительности необходимо, прежде всего, тщательно изучить исторический материал, культурные особенности регионов федерации, определить направление работы и создать соответствующий инструмент [9].

Список литературы:

1. Васильев А. Г. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // *Фундаментальные проблемы культурологи*. Т. VI. Культурное наследие: от прошлого к будущему / отв. ред. Д. Л. Спивак — М., Спб.: Новый хронограф, Эйдос, 2009. — С. 56–68
2. Дубинин Б. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий // *Отечественные записки*. 2008. № 4 (43). С. 6–21. [Электронный ресурс]/URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/5023-boris-dubin-pamyat-vojna-pamyat-o-vojne-konstruirovanie-proshlogo-v-socialnoj-praktike-poslednix-desyatiletij.html
3. Ерохина Е. А. Коллективная память в этническом самосознании горноалтайской молодежи // *Социологические исследования*. — 2009. — N 3. — С. 115–120
4. Исмаилов Э., Карагезов Р. Конфронтирующая память на Кавказе: как преодолеть «проклятие прошлого»? // *Кавказ & Глобализация*. 2007. Том 1 (4). С. 117–126. [Электронный ресурс] / URL: http://www.ca-c.org/c-g/2007/journal_rus/c-g-3/k-g-R-03-2007.pdf (дата обращения 10.10.2011)
5. *Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки*: / под ред. И. П. Дементьева, А. И. Патрушева. М.: 2002. 432 с.
6. Паин Э. Мирное сосуществование XXI века. [Электронный ресурс] / URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Mirnoe-sosuschestvovanie-XXI-veka-15174> (дата обращения 09.10.2011)
7. Хавалькабс М. Коллективная и историческая память // *Память о войне 60 лет спустя. Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2005. № 2–3 (40–41). [Электронный ресурс] / URL: <http://urokiistorii.ru/memory/org/2010/01/pamyat-o-voine-60-let-spustya-rossiya-germaniya-evropa> (дата обращения 11.10.2011)
8. Шеррер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // *Pro et Contra*. 2009. №3/4. с. 89–108.
9. Исмаилов Э., Карагезов Р. Конфронтирующая память на Кавказе: как преодолеть «проклятие прошлого»? // *Кавказ & Глобализация*. 2007. Том 1 (4). С. 120. [Электронный ресурс] / URL: http://www.ca-c.org/c-g/2007/journal_rus/c-g-3/k-g-R-03-2007.pdf (дата обращения 10.10.2011)
10. [Электронный ресурс] / URL: <http://webground.su/topic/2011/02/05/t144> (дата обращения 15.10.2011)

СЕКЦИЯ 2.1

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

КОНТЕНТ-АНАЛИЗА КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТОВ

Семакович Елена Александровна

аспирант, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

E-mail: angrajess@mail.ru

Метод контент-анализа стал использоваться сравнительно недавно, в середине XX века, сегодня он становится все более популярным. Квантификация текстового материала получила широкое распространение, в 30-х гг. XX века для нее была разработана специальная процедура, названная «контент-анализ». Его основные операции были разработаны американскими социологами Г. Лассуэлом, в сфере политики, впервые предложившим использовать для анализа массовой коммуникации статистический учет абстрактных языковых единиц-символов, а также Б. Берельсоном в его работе «Контент-анализ в коммуникационных исследованиях» [1]. В начале 60-х гг. Ж. Кайзер разработал систему изучения больших текстовых массивов, основанную на учете внешних форм их организации: расположения, оглавления, оформления и т.д.

Контент-анализ — метод качественно-количественного анализа содержания документов с целью выявления или измерения социальных фактов и тенденций, отраженных в этих документах [4, с. 145], а также получения достоверной информации об объективной реальности [3, с. 502].

Контент-анализ полезен для исследования таких проблем, которые предполагают изучение больших объемов текста с использованием выборки и сложным кодированием (многолетних подшивок газет), исследование «на расстоянии» (при изучении исторических документов, мемуаров), а также обнаружение в тексте сообщений, которые трудно увидеть поверхностным взглядом (создатель текста или его читатель может не видеть все затронутые в нем темы, их разветвления или особенности).

В процессе становления и развития метода качественно-количественного анализа содержания отработаны и сформулированы принципиальные требования, которым он должен отвечать:

Во-первых, принцип объективности, представляющий независимость идентификации элементов содержания и последующей их классификации от субъективного мнения аналитика. Объективность достигается при условии точного и однозначного определения категорий и единиц анализа, чтобы разные аналитики, приложив их к одинаковому содержанию, получили бы одинаковый результат (при компьютерном контент-анализе);

Во-вторых, принцип систематичности реализуется в том случае, если все исследуемое содержание всех без исключения документов, попавших в выборку, будет проанализировано по единой методике. Здесь нельзя производить частичный анализ, допуская произвольное исключение тех или иных текстов, и анализировать лишь по некоторым выборочным категориям;

В-третьих, принцип обобщенности, который заключается в получении из текста информации о внетекстовой реальности. В литературе выделяют три возможности сопоставления текста и внетекстовой реальности:

1) к событиям, фактам, явлениям и условиям реальной действительности (реконструкция событий на основе документа);

2) к создателю, автору текста, т.е. коммуникатору (реконструкция стратегии коммуникатора, предлагаемых им ценностей, моделей поведения, коммуникативных намерений);

3) к получателю информации, т.е. реципиенту, аудитории (реконструкция информационных потребностей, интересов и предпочтений аудитории) [5, с. 500–502].

Качественный анализ документов — необходимое условие для всех количественных операций. Вместе с тем, следует заметить, что квантификация текстов не всегда целесообразна. Неразумно прибегать к количественному анализу текста, если мы имеем дело с уникальным документом. Главной целью изучения будет всесторонняя содержательная интерпретация материала. Количественный анализ текстов уместен, если требуется высокая степень точности при сопоставлении однопорядковых данных. Наиболее целесообразно использовать количественный анализ, если сопоставлять текст с иными, также количественными характеристиками.

Обращаясь непосредственно к практике применения рассматриваемого метода, проанализируем тематику публикаций научных печатных изданий «Социология: теория, методы, маркетинг»

и «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология».

Предмет нашего исследования — социальный престиж науки как профессии, который содержится в моделях профессиональных групп и категорий, объективированных в текстах научной периодики. Для определения содержания данной проблемы необходимо уточнить понимание того, что такое престиж вообще.

В научный оборот понятие «престиж» было введено английскими социологами в 1911 г. «в связи с изучением тех дифференцированных оценок, которыми общественное мнение наделяет различные виды профессионального труда...» [7, с. 34] Престиж в переводе с французского языка означает обаяние, очарование [2, с. 656]. Зачастую, в научных исследованиях данное понятие отождествляют со статусом, авторитетом, уважением, привлекательностью. Социальный престиж, как и авторитет, уважение, привлекательность, представляет собой общественно-индивидуальную оценку, но в отличие от них имеет более безличностную, социальную окраску, демонстрируя положение данного феномена в иерархической системе общественных отношений. Он является, скорее, стимулом достижения этого положения, чем мотивацией его достижения, что обеспечивается авторитетом, уважением и привлекательностью.

Социальный престиж — отражение в общественном сознании реального положения в системе общественных отношений отдельного человека, социальной, профессиональной группы и т.п., характеризующее то влияние, уважение, которыми они пользуются в обществе [6, с. 252]. В более узком смысле под социальным престижем понимается место, значимое с точки зрения общественного мнения определенным социальным статусом в иерархии других статусов.

Ограничение рассматриваемого понятия до границ «социальный престиж профессиональной научной деятельности» предполагает уточнение понятий «профессия» и «наука». Что касается последнего, то в социологии принято рассматривать науку в двух ее главных аспектах: 1) взаимодействие науки и общества и 2) социальные отношения людей, коллективов и организаций в процессе научного труда [4, с. 218]. В соответствии с этим, наука определяется как особый вид общественной деятельности и относительно самостоятельная социальная система, которая объединяет ученых и научные организации, служит познанию объективных законов действительности и определению форм, путей их практического применения [3, с. 35].

Рассматривая определение понятия «профессия» заметим, что данное понятие является своеобразной категорией, в общем виде которой, целесообразно представить сущность как особый вид специализированной деятельности, особый вид социальной общности, а также социального института [6, с. 281]. Поэтому профессиональную деятельность научного труда исследуют как специализированный вид деятельности, как профессиональную общность, функционирующую по особым правилам, нормам, ценностям и существующим в науке традициям.

Итак, принятые нами категории анализа, описывающие на теоретическом уровне внетекстовую реальность, позволяют исследовать структуру рассматриваемой проблемы. В связи с этим для выполнения данной задачи обратимся к полученным результатам исследования тематики публикаций журналов «Социология: теория, методы, маркетинг» и «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология». Для этого были строго определены хронологические рамки анализа данных материалов периодами 1998–2010 гг., в которых рассматривалась частота публикаций проблематики общественного престижа науки, рассматривалась тенденция к повышению либо снижению интереса печатных изданий к этому вопросу. Еще одной особенностью изучаемых изданий является то, что оба журнала выходят 4 раз в год, в то же время первый журнал, «Социология: теория, методы, маркетинг», выходит с 1997 г. При этом другой журнал, «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология», выходит с 1991 г., когда до 1991 г. материалы по проблемам социологии и общественным наукам публиковались в реферативных журналах «Общественные науки в СССР. Сер. 3, Философские науки» и «Общественные науки за рубежом. Сер. 3, Философские науки». В свете изложенного особый интерес вызвала степень информативности аспекта престижности науки каждого из печатных изданий в отдельности, выражающего свое особое видение актуальной социологической проблемы исследования.

Так, из 52 номеров журнала «Социология: теория, методы, маркетинг» всего за рассматриваемый период было опубликовано 12 статей, посвященных общественному престижу науки. Отмечается значимый интерес к проблемам исследования образа науки в общественном мнении, интеллектуалам, профессиональной структуре современного общества, миграции на протяжении 7 лет: 2001, 2002, 2004, 2005, 2006, 2008, 2009. В то время как, начиная с конца 90-х гг. и включая начало 2000-го г., вопросы престижа науки не были освещены

вовсе (1998, 1999, 2000, 2003, 2007, 2010 гг.). Вместе с тем, как и предыдущее анализируемое печатное издание, журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология» на протяжении 13 лет издавался также 52 раз, но за этот период было опубликовано всего 9 статей по проблемам престижа профессиональной научной деятельности (1998, 2002, 2003, 2004 гг.). Наряду с этим наблюдается отсутствие интереса ученых к этому вопросу в следующий период: 1999, 2000, 2001, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010 гг.

Таким образом, анализ публикаций по основному предмету анализа — престижу науки в обществе в рассматриваемых журналах «Социология: теория, методы, маркетинг» и «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология» показывает, что отношение многих исследователей к этому аспекту неоднозначное. С начала 90-х гг. происходит процесс «размывания» так долго устанавливавшихся границ общественного мышления и к 2000-м гг. формируется новая линия ориентира, формируется новый образ науки.

Список литературы:

1. Бабосов Е.М. Общая социология: учеб. пособие для студентов вузов — 2-е изд. — Мн.: Тетра Системс, 2004. — 640 с.
2. Новейший словарь иностранных слов и выражений — М.: АСТ Мн.: Харвест, 2001. — 975 с.
3. Соловьев С.Н. Основы научных исследований: учебное пособие — Николаев, 1974. — 176 с.
4. Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А. Н. Данилова — Мн.: Беларуская Энцыклапедыя, 2003. — 384 с.
5. Социология: учеб. пособие для студентов вузов / под общ. ред. А.Н. Елсукова. — Мн.: Тетра Системс, 2003. — 544 с.
6. Социологическая энциклопедия: В 2 Т. Т. 1 / под ред. В.Н. Иванова. — М.: Мысль, 2008. — 693 с.
7. Черноволенко В.Ф., Осовский В.Л., Паниотто В.И. Престиж профессий и проблемы социально-профессиональной ориентации молодежи. Киев, 1979. — 214 с.

СЕКЦИЯ 2.2

СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УТОПИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Синицина Наталья Алексеевна

к. соц. н., доцент

Северо-Кавказского социального института, г. Ставрополь

E-mail: sinicina3112@mail.ru

Феномен исторической памяти является одной из самых малоисследованных сфер общественного сознания применительно к социологии культуры, с точки зрения их взаимодействия в процессе социокультурной интеракции. Существующее положение дел вряд ли может считаться приемлемым, особенно в ситуации, когда российский социум пребывает в состоянии интенсивного поиска путей сохранения собственной культурной идентичности при одновременном поиске возможностей интеграции в мировое социокультурное пространство. Без ясного осознания того, каким образом осуществляется детерминация культуры историческим сознанием, каковы возможности и перспективы культурного строительства в исторически детерминированном социуме, невозможно никакое рациональное целеполагание, никакое социокультурное проектирование и прогнозирование.

Продуктивный научный поиск в очерченном когнитивном пространстве предполагает выявление диалектики, связывающей ретроспективное содержание общественного сознания и наличную социокультурную практику. Здесь принципиально важно установить те детерминанты, которые формируют не только культуру в целом, но и формы повседневной жизнедеятельности людей. Принципиально важно установить тот алгоритм социокультурного развития, который напрямую зависит от ретроспективы человеческого сознания и, соответственно, соподчинен ретроспективной логике исторического, этнического, социокультурного, политического и экономического факторов.

Как свидетельствует опыт новоевропейской истории, ностальгическая составляющая исторической памяти благоприятствует появлению различных утопических социокультурных моделей. Парадоксальным образом западная прагматика сосуществует с фантазийностью, поскольку и первая, и

вторая в равной степени используются как для анализа культуры прошлого, так и для моделирования будущей культурной парадигмы. По-видимому, речь идет о такой способности исторической памяти, как способность продуцировать детальные и логически выдержанные описания воображаемого культурного идеала, потенциальная возможность объективации которого не должна вызывать сомнений.

Думается, что есть основания для констатации наличия компенсаторной функции в исторической памяти, действующей по «принципу надежды» (Э. Блох). Утопическая составляющая исторической памяти, с точки зрения культуры, непосредственно вытекает из дисгармонии между социально обусловленными культурными потребностями и социально возможными средствами их удовлетворения.

Обращает на себя внимание тот факт, что склонность исторической памяти к актуализации утопических интенций, в полной мере используется идеологией, несмотря на то, что последняя активно дистанцируется от утопии по причине ее явной антинаучности. Вместе с тем трудно не заметить и очевидные различия, существующие между идеологией и утопией в контексте исторической памяти. Применительно к исторической памяти, утопия оппонирует актуально существующей культуре, в то время как идеология своей сверхзадачей видит перманентное репродуцирование наличной культурной модели. Тем не менее, существует очевидное диалектическое взаимодействие между идеологией и утопией: утопия объективируется, переходит в практическую плоскость, видоизменяет существующую культуру и становится идеологией, консервирующей произошедшие культурные изменения.

Некоторые различия между утопистом и идеологом весьма убедительно продемонстрированы Б. Гудвином, отметившим, что утопист соотносится с теоретиком как поэт, воспевающий красоту сада с садовником, знающим, как вызревают сады. «Многие утописты прошлого не обладали ни серьёзными знаниями, ни высокой культурой, их образ хорошего общества выражал просто жажду свободы, справедливости, демократии, и при том в символической форме. Другие люди превращали их видения в теории и политические манифесты. Утопия — явления в принципе двухфазовое, но сегодня, в век академизма и экспериментов, мы забыли о первой фазе — утопической идее — и сосредоточились на второй — теоретизировании и политике» [3, с. 147].

С точки зрения социологической теории, проблематичным видится дифференциация культуруобразующего статуса утопии в

историческом сознании, где как последняя может быть представлена, либо идеальной моделью, либо нормативной праксеологической установкой. Оптимальным является тот вариант, когда утопическая составляющая исторической памяти ограничивается продуцированием идеалов, что как раз и будет позитивной функцией социокультурного потенциала утопии.

Однако в подавляющем большинстве случаев утопия продуцирует в исторической памяти иллюзию возможности нахождения простого решения сложных социально-культурных проблем, она изначально предлагает готовый проект культурного развития, настаивает на проведении масштабного эксперимента с негарантированными последствиями. Дополнительную опасность придаёт утопии её доступность массовому сознанию, что одновременно делает её весьма жизнеспособной. Учитывая это, идеология постоянно сталкивается с соблазном актуализации утопизма как средства повышения уровня общего уровня культуры. Достаточно вспомнить китайскую «культурную революцию», требующую от ее участников многочисленных «актов героизма» (Ж. Сорель).

Перемещаясь из ментального пространства исторической памяти в сферу социокультурной практики, культурная утопия может вступать в прямую конфронтацию с жизненными реалиями или, напротив, приобретать реалистические контуры, отказываясь от своей иллюзорной составляющей. В любом случае, речь идёт о болезненном процессе, сопровождающимся неизбежным культурным шоком.

Утопизм исторической памяти несводим исключительно к реформированию наличной культурной среды. Вместе с тем утопия может выступать и в качестве одной из фобий исторического сознания, служить своеобразной защитной реакцией на различные деструктивные сценарии культурного развития, представляющей собой стремление «ухода» от культурного дискомфорта. Здесь отчётливо просматривается намерение затормозить процессы культурных изменений, построить отношения с историей на собственных условиях.

Очевидная неосуществимость социально-экологических, этических и культурных и иных утопических проектов, неоднократно доказывалось многочисленными экспериментами, осуществляемых в самых разнообразных исторических условиях и в различные периоды времени.

Впрочем, ущерб, нанесенный утопическим культуротворчеством, означает не только напрасную трату человеческой энергии и материальных ресурсов. Логическим итогом утопии, в контексте

социокультурного пространства, становится ее противоположность своему изначальному целеполаганию, поскольку реализованная утопия, что и подтверждает «культурная революция» в Китае, оборачивается тоталитаризмом (П. Александер).

Таким образом, одной из основных проблем здесь становится проблема противоречия между позитивными, самими по себе, утопическими императивами и издержками их практической реализации. Думается, необходима программа целенаправленных, институционально оформленных усилий, ориентированных на эмансипацию исторической памяти от утопических представлений.

О репродуктивных способностях утопии говорил еще Н. А. Бердяев, подразумевая под этим именно специфические особенности исторической памяти. В силу противоречивости своего содержания, историческая память очень часто оказывается неспособной адекватно реагировать на связанные с культурой изменения, не в состоянии выявлять и задействовать адаптивный потенциал общества, обеспечивающий его интеграцию в новую социокультурную ситуацию.

Одновременно следует подчеркнуть, что в утопии нельзя видеть культурную доминанту исторической памяти. Утопическое и реалистическое начала существуют в исторической памяти в качестве бинарных оппозиций. Локализация утопического начала весьма существенно ограничивается осознанным или полубессознательным обращением к ретроспективе конкретно-исторической эмпирии, достаточно четко проводящей грань между возможным и невозможным.

Идею утопического отношения к традициям культуры весьма четко отметил П. И. Новгородцев: «Мысль о всецелом преобразении существующего требовала безусловного отрицательного отношения к истории и безусловного разрыва с прошлым» [2, с. 271]. Очевидно, что радикальное отрицание культурного наследия выступает необходимым условием утверждения культурного идеала. Провозглашая общественную потребность в новой культурной парадигме, утопизм настаивает на прерывании культурной традиции в качестве препятствия для культурных преобразований. По сути, речь идет об отрицании действительности сформировавшейся историей культуры, её объективности и независимости. Эмансипация от культурного наследия открывает простор для опасной релятивизации культурного пространства.

Впрочем, когда мы говорим об утопической составляющей исторической памяти, то подразумеваем, в первую очередь,

определённые интеллектуальные традиции, а не общее состояние массового сознания, так же не лишённого утопизма, хотя это уже совсем другая разновидность утопии. Более того, ориентации массового сознания предпочитают убедительность эмпирически оправдавшей себя культурной традиции любым теоретическим конструктам. Достаточно прямолинейно о культурном иммунитете исторического сознания заявил Ж. Бодрийяр: «Было бы бесполезно побуждать массы к поискам позитивного мировоззрения или к критическим умонастроениям, ибо они попросту этим не обладают; всё, что у них имеется — это сила равнодушия, сила отторжения. Они черпают свои силы лишь в том, что изгоняют или отвергают, и, прежде всего, это — любой проект, превосходящий их понимание, любая категория или рассуждение, которые им недоступны. В этом есть элемент хитрой философии, источником которой служит наиболее жестокий опыт — опыт животных или крестьян: нас-то уж больше не надуешь, мы-то себя в жертву «светлому будущему» не принесём» [1, с. 107].

«Отрицательный баланс» исторической памяти создает благоприятные условия как для утопий, так и для их противоположностей. В качестве примера достаточно вспомнить о мифологии техногенной культуры, порожденные научно-техническим прогрессом. Технократам, убежденным в способности науки и техники решить любые проблемы культуры, противостоят не менее утопичные идеи антисциентистов. Причем замеры изменений содержания общественного сознания последних десятилетий, произошедшие благодаря издержкам научно-технической революции, обусловили изменение расстановки акцентов внутри самой парадигмы современной культуры.

Список литературы:

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М., 2000.
2. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. — М., 1991.
3. Alexander P. (ed) *Utopias*. — L., 1984.

СЕКЦИЯ 2.3

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЁЖИ СРЕДСТВОМ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Бережинская Надежда Ивановна

аспирантка, ОмГУПС, г. Омск

E-mail: n.i.berezhinskaya@mail.ru

Интересы любого общества, его процветание, безопасность в значительной степени во все времена определялись интеллектуальной мощью и уровнем воспитания и образования населения. Общество всегда заинтересовано в воспроизводстве не только биологическом, но и духовном, культурном, а воспитание изначально было тем механизмом, который обеспечивал социализацию индивида, его интеграцию в общество через переосмысление социокультурных ценностей. Гуманистическая традиция требует от индивида быть достойным великой культуры, которую создало человечество. Мировой опыт свидетельствует, что многие страны достигли социально-экономического прогресса за счет приоритетного развития системы образования и социального воспитания, которая обеспечила социокультурное развитие молодого поколения, постоянное возрастание духовного и материального богатства общества.

Средовой подход к воспитанию, понимание его как социокультурного феномена хорошо подчеркивает значимость, актуальность воспитания для общества. Хотя идея воспитательного процесса как скоординированной социальной среды не открыла способа кардинального разрешения кризиса воспитания, но она дала главное — показала, что стремление к повышению степени целостности воспитания неизменно приводит к повышенному вниманию как к отдельному индивиду, так и к группе индивидуумов [3, с. 86].

Молодёжь как наиболее образованная и социально активная макро-группа общества особенно остро ощущает происходящие перемены в жизни общества. Вследствие известных инновационных и деструктивных тенденций в общественном развитии происходит

фиксируемый социологами рост прагматизма и индивидуализма у молодежи.

В этих противоречивых условиях социальное и культурное воспитание становится востребованным на всех уровнях общественной жизни. Именно социально-культурное воспитание может и должно оказывать сегодня свое эффективное влияние на формирование у молодого поколения социальных, духовных ценностей и идеалов, индивидуального и общественного мировоззрения, поведенческих стереотипов и конкретных поступков [1, с. 165].

Концепт «социокультурное воспитание» со стороны его структуры и функций в социологии представляет собой не только отражение действительности, но и источник саморазвития, характерный для гуманитарных наук в целом.

При рассмотрении процесса социального воспитания личности в социальной сфере исследуется важная проблема соотношения понятий «воспитание» — как системы целенаправленных и спланированных действий по формированию у индивида общественно и личностно значимых качеств и навыков поведения, и «социализация» — совокупности как целенаправленных, так и стихийных, никем не запланированных воздействий [2, с. 21].

Социокультурное воспитание содействует участникам воспитательного процесса в приспособлении и обособлении в наличных социальных обстоятельствах, в сочетании приспособления и обособления человека к социальному существованию (в рамках общественной жизнедеятельности); обеспечивает воспроизводство жизнедеятельности индивидов и социальных общностей, предполагает трансляцию новым поколениям некой социокультурной сущности (образа жизни), что формирует у новых поколений своеобразный социокультурный способ восприятия мира; осуществляется благодаря социокультурной обусловленности вариативности, где коллективная жизнедеятельность воспитательных организаций уподобляется жизнедеятельности организаций взрослых людей.

Социокультурное воспитание несет в себе многочисленные свойства социализации, при этом «относительная управляемость» существенно детерминирована со стороны самовоспроизводящегося общества и культуры, когда действия субъектов социального воспитания (детей, педагогов, родителей и т. д.), воспитательных организаций (как социальных субъектов), существующей в них коллективной жизнедеятельности, в которой происходит относительно

управляемое сочетание приспособления и обособления воспитанников, в значительной степени социокультурно обусловлены [6, с. 124–128].

Социокультурное воспитание молодёжи возможно средствами культуры и искусств (кино, театры, музеи, выставки), каналов транслирования информации или СМИ (телевидение, радио, Интернет, печатные носители (газеты, журналы, брошюры, листовки), учебными подразделениями (детский сад, школа, учреждения дополнительного образования, специальные и высшие учебные заведения), муниципальными и государственными органами (Департамент по делам молодёжи, Министерство по делам молодёжи, администрация города, центры социальных услуг). И большое значение в привитии социокультурных норм играет социальная реклама, поскольку она направлена на изменение моделей общественного поведения и привлечение внимания к проблемам социума и выступает разновидностью социального продукта.

Согласно статье 18 Закона «О рекламе» социальная реклама представляет общественные и государственные интересы и направлена на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства [4].

Для составления полной картины эволюции социокультурного воспитания молодёжи средством рекламы сравним социальную рекламу советского и современного периодов.

В советское время правительство стремилось привить обществу «правильные» взгляды, «подвигнуть» на смелые, нужные обществу виды деятельности, например, переселение на неосвоенные земли.

Социальная реклама советского периода была яркая, запоминающаяся, многие слоганы становились крылатыми выражениями. Можно сказать, что директивы и лозунги коммунистической партии становились социальной рекламой.

В конце 50-х при ослаблении режима тональность социальной рекламы несколько меняется, она становится менее идеологизированной, наблюдается смещение смысла в сторону соответствия потребностям граждан, а не только партии. Больше становится неполитической рекламы. Темы касаются физкультуры и спорта, здорового образа жизни, однако, политическая тематика все же остается приоритетной. Примером служит знаменитая женщина в красном платке, чей палец прижат к губам, а рядом совет: «Не болтай!» [5, с. 143–146].

Иногда социальная реклама принимала вид песен, кинофильмов. Например, знаменитую песню «Пусть всегда будет солнце!» можно причислить к виду социальной рекламы. Советские кинофильмы,

например, «Высота», «Девчата» рекламируют новые профессии, образ жизни простого советского гражданина, его характер и основные ценности.

Реклама советского периода была не слишком разнообразна, большей частью политизирована, идеологизирована, однако, по признаниям специалистов того времени, высокого качества. Советская социальная реклама выполняла ряд важных функций: информационную (доносила до граждан необходимую информацию), коммуникативную (служила связующим звеном между государством и гражданами, однако не слишком эффективно, так как обратная связь в реальности почти не была предусмотрена), имиджевую (обеспечивала позитивный образ государства, заботящегося о своих гражданах), но особенно, можно выделить функции воспитания и пропаганды, которые были одними из главных задач социальной рекламы советского периода [7, с. 39].

Настоящее время в отличие от советского диктует несколько другие темы социальной рекламы. Объясняется это, прежде всего, изменившимися ценностями и установками, пришедшими в Россию с Запада. Одна из наиболее популярных тем социальной рекламы — это борьба со СПИДом и наркоманией. Проблемы современного общества напрямую отражаются в социальной рекламе. Если продолжить список тем, наиболее затрагиваемых в социальной рекламе в современной России, то это: насилие в семье; алкоголизм и курение; аборт; профилактика чрезвычайных ситуаций; гражданские права и обязанности (налоги); профилактика личной безопасности граждан.

Современная социальная реклама использует более широкий спектр носителей, она более разнообразна, как технически, так и творчески. Отчасти это связано с прогрессом в технических возможностях, отчасти с тем, что ее созданием занимается не только государство (в советское время в виде партии большевиков), а более широкий спектр субъектов (бизнесмены, политики, «третий сектор»). Специализированные мероприятия (конкурсы социальной рекламы, социальных плакатов, видеороликов, презентаций, проектов) посвящённые социальной рекламе, проводимые в настоящее время, позволяют увеличивать потенциал индустрии социальной рекламы и социокультурного воспитания молодёжи.

Проведённый сравнительный анализ социальной рекламы советского и современного периодов, показывает, что в настоящее время общество более информировано о проблемах в городе (области, стране, мире); современная социальная свободна в оформлении и использовании технических средств, проста для понимания, анализа и

свободна в транслировании по всем массовым информационным каналам. А это значит, что и социокультурное воспитание гораздо шире по своему объёму, проще для восприятия и принятия молодым разумом, чем в советский период.

Суть социальной рекламы гораздо легче и быстрее доходит до своего конечного потребителя и целевой аудитории (в данном случае до молодёжи) поскольку молодое поколение собирает, перерабатывает, анализирует информацию в разы больше, чем зрелое поколение, что полезно для всего общества в целом, поскольку молодёжь — это «золотая середина» общества, основа настоящего социума и залог здорового, интеллектуально развитого и надёжного будущего всего мира.

Список литературы:

1. Боров В. Ю., Коваленко А. В. Культура и массовая коммуникация. — М.:Наука, 1986. — 301 с.
2. Василькова Ю.В., Василькова Т. А. Социальная педагогика. М.: Академия, 1999. — 440 с.
3. Гурова Р. Г. Социологические проблемы воспитания. — М.: Педагогика, 1981. — 170 с.
4. Закон РФ «О рекламе» от 14 июня 1995 г. № 108 — ФЗ
5. История России XX век. Энциклопедия для детей т. 5. гл. ред. Исмаилова С., М.: «Аванта+», 1995
6. Карпухин О.И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения // Социолог, исследования, — 2000, № 3.
7. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. — М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер» — 2001. — 656 с.

СЕКЦИЯ 3.1

ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ПРОБЛЕМА

Савинцев Алексей Александрович

преподаватель кафедры философии НОУ ВПО «Самарская гуманитарная академия», г. Самара

Email: agamai@yandex.ru

В соответствии с классическим идеалом рациональности познавательная деятельность — это объективный, инвариантный, в перспективе завершаемый процесс постижения истины, чёткость и неизменность которого легитимируется неизменностью самого познаваемого: «...разум мыслит бытие и... в этом состоит его подлинная сущность, гарантирующая объективность, необходимость научного знания» [1, с. 11]. Эта философская позиция, базирующаяся на оптимистической вере в силу рационально-теоретического постижения мира, властвовала умами людей на заре Нового времени.

На пути к XX столетию эта установка претерпела множество изменений, однако, можно с уверенностью сказать, что до 60х годов XX века представление об эксплицируемой и рационально познаваемой истине среди исследователей научного знания в целом не подвергалось сомнению [2, с. 76]. Рациональность мыслилась как одна-единственная, она же — научная: «Наука выступала как образец рациональности» [1, с. 11].

Однако послевоенные годы XX века ознаменовались радикальным изменением здания науки, которая существует отныне как социальный институт («Большая наука» [2, с. 78]), сложная дифференцированная система, встроенная в государственный аппарат и имеющая далеко не только когнитивные цели. В начале 60х годов в свет выходит «Структура научных революций» Т. Куна, выражающая зарождающееся стремление научного сообщества применить к анализу науки и рациональности социологический подход, исследовать знание с точки зрения его социальных предпосылок. С этого момента берёт своё начало постпозитивистское направление в философии науки, а в каком-то смысле и философия науки в целом [3, с. 12].

Именно в это время философия в очередной раз меняет свой облик и сталкивается с рядом серьезных трудностей. Основная связана с тем, что исследование науки с точки зрения её социальных предпосылок «элиминирует проблему истины как ведущего критерия научного знания» [2, с. 78]. Корень науки и, стало быть, рационального усматривается в различных формах социальных практик, а не в когнитивной целесообразности и стремлении к истине. Последняя радикально переосмысливается или в ряде случаев вообще лишается статуса научного ориентира, ввиду чего и сама рациональность теряет четкие границы и становится проблемой. Если раньше единство рациональности базировалось на неизменных свойствах познаваемого (всеобщее, находимое разумом в индивидуальном), то теперь любое конкретное может стать конечной целью (и, стало быть, формой) разума.

Таким образом, современная философия во всех своих проявлениях испытывает множество принципиальных методологических сложностей. Отсутствует общее понимание целей и задач философии, а значит, статус самой философии — под вопросом. Вместо общностей на первый план выходят различия, происходит выделение и локализация отдельных философских проблем, которые оформляются в самостоятельные направления. Чрезмерная дифференциация знания приводит к уничтожению философии и науки как целостных образований. В точных дисциплинах начинает господствовать принцип относительности, который выступает не только как внутринаучное явление, но имеет более широкое, мировоззренческое значение. Относительными становятся сами идеалы научности: «Сегодня наука подчеркнуто политизирована и ангажирована, так что любые рассуждения о научной объективности, особенно в гуманитарной сфере, заставляют заподозрить их авторов в откровенной неискренности и в неуважении к читательской аудитории, которую сознательно пытаются ввести в заблуждение» [4]. Объективность «обесценивается», что вполне характерно для ситуации кризиса. В связи с этим вполне очевидно, что проблема рациональности и её различных форм является сегодня одной из наиболее актуальных в философии [1, с. 6].

Особую яркость и отчётливость данная проблема приобретает в связи с культурным и философским движением второй половины XX века, которое условно можно обозначить как постмодернизм.

В качестве вектора философского мышления постмодернизм воплощает в себе ряд тех моментов, которые с точки зрения классического идеала рациональности воспринимаются как враждебные,

противоречащие началам логики тождества. Среди этих моментов уже упоминавшаяся *интердисциплинарность*. У современной философии в лице постмодернизма нет строгих границ: ни предметных, ни дисциплинарных. Философская мысль живёт в творчестве специалистов различных сфер, мыслителей и интеллектуалов, которых почему-то сложно назвать философами в строгом смысле слова.

С другой стороны, размывание границ предметности компенсируется определённой однобокостью: любое исследование осуществляется как исследование текста. Любые факты и явления существуют лишь в рамках знаковой системы, которая и становится центром внимания мыслителя. Данная установка выражается в концепции «*нарратива*»: традиционно понимаемый мир переносится в сферу текста, мир есть рассказ, в качестве текста можно рассматривать буквально все (*интертекстуальность*). Быть — значит быть изложенным в тексте, который, в свою очередь, анализируется по всем правилам литературы: исследуется сюжетная линия, жанровые особенности, тропы. Традиционные методы философствования заменяются отдельными методами гуманитарных дисциплин (история, филология).

Особого внимания заслуживает *деконструкция*, метод работы постмодерниста, подход к анализу текста. Суть его в том, что внимание исследователя фокусируется не на традиционно понимаемом смысле или основной идее текста, а на скрытых (как от читателя, так и от автора), бессознательно используемых речевых конструкциях, имеющих историческое и социальное происхождение. Деконструкция, таким образом, используется как метод разрушения рациональной метафизики, становится в центр философской рефлексии.

Важно также, что в рамках философской оптики постмодернизма обыденное сознание, повседневность становится не менее важным источником анализируемого материала, чем специально настроенное, очищенное сознание учёного. И то, и другое теряет свою уникальность, растворяясь в языковых формах и структурах текста.

Наконец для постструктурализма как своеобразного философско-теоретического воплощения постмодернизма характерная всесторонняя критика рационалистических схем объяснения: кристальная ясность и очевидность, некогда почитаемые как начала любой философии, оказываются чересчур подозрительными, навязчивая чёткость, определённость и объективность рассматриваются как проявления стратегий власти.

Очевидно, что подобные традиционные формулировки «не подходят» постмодернистской философии, которая намеренно отказывается от проведения чётких границ где бы то ни было. Понятие

предмета познания рассыпается ввиду особой оптики мышления, равно как и понятие автора, дисциплины. В бегстве от «устаревших» классических формулировок современная мысль сама потеряла идентичность, оказалась в ситуации, когда самоопределение весьма проблематично.

В связи с этим становится очевидно, что жесткий разрыв вышеописанной формы философии с традиционной оборачивается серьезными проблемами для обеих. Возникает необходимость примирить эти «версии» философии, как кажется, не имеющие ничего общего. Речь идёт о классической рациональности с одной стороны, и о философии постмодерна — с другой. В этом «примирении» может быть обнаружена польза и для того, и для другого. Подобное нахождение точек соприкосновения даст возможность понять современность как целостность. Появится возможность описать движение мысли, используя при этом уже имеющиеся формы и понятия, которым эта мысль так сопротивляется. Современная философия, несмотря на все свои попытки ускользнуть от формальных определений, может быть обнаружена как, собственно, философия. Весьма вероятно, что деконструктивная установка может быть вполне вписана в общую рационально-конструктивную работу философа.

Для того чтобы провести подобное «примирение» областей философского мышления, необходимо найти подходящую для этого исследовательскую позицию, которая сохраняла бы нейтралитет по отношению к обеим линиям. Такой точкой является для автора позиция логико-теоретического анализа историко-философского и научного материала. Более конкретно, стоит обратиться к судьбоносному для новоевропейской мысли моменту, ко времени зарождения классической рациональности, науки и экспериментального метода познания. Анализ последнего и должен предоставить ответы на поставленные вопросы.

Список литературы:

1. Гайденко П. П. Научная рациональность и философский разум — М.: Прогресс-Традиция, 2003. — 528 с.
2. Огурцов А. П. Куда идёт философия науки? // Актуальные проблемы философии науки: сборник. — М.: Прогресс-Традиция, 2007. — 344 с.
3. Розов М. А. Проблемы и задачи философии науки // Актуальные проблемы философии науки: сборник. — М.: Прогресс-Традиция, 2007. — 344 с.
4. Филатов Т. В. Большая наука. — Режим доступа. — URL: <http://vadim-filatov.narod.ru/nauka.doc>

СЕКЦИЯ 3.2

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА И ЭСТЕТИКА КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Шишкина Анастасия Андреевна

*аспирантка кафедры «Философия» ФГБОУ ВПО «ИжГТУ»,
г. Ижевск*

E-mail: shishkinaa18@mail.ru

Культурный ландшафт является частью сложной макросистемы «общество — природа», а потому — одновременно индикатором всех процессов и явлений, которые в ней происходят. Культурный ландшафт, тем самым, напрямую может свидетельствовать и о базовой системе ценностей современного ему общества: нравственных, познавательных, воспитательных, политических, экологических и др. ценностей. Экологический потенциал культурного ландшафта, на наш взгляд, наиболее целостно отражается в его эстетическом восприятии, а именно в категории красоты.

«Что есть красота?» — один из вечных философских вопросов, который занимает умы мыслителей уже многие столетия. Вопрос об условиях становления истинной экологической этики также грозит стать вечным... «Вечность» этих вопросов предопределена, прежде всего, идеалистичностью рассматриваемых объектов: идеала красоты и идеала добра (этики), а также тем, что сами понятия красоты и истинной экологической этики во многом субъективны. Однако, по замечанию А. В. Гулыги, «Глубже на дело смотрят те, кто считает «эстетические свойства» порождением не индивида, а общества, определенной стороной человеческой деятельности, в которой выражается свобода человека от утилитарных потребностей» [4, с. 49]. То же можно сказать и об этических нормах взаимодействия с окружающей средой. Когда человек свободен от всепоглощающей жажды обладания объектами естественной природы, он способен выработать универсальные для всего человеческого общества принципы экологической этики.

Многими исследователями сегодня обосновывается необходимость целенаправленного и осмысленного формирования экологической культуры населения. Однако, и целенаправленное формирование может быть подразделено на два основных вида: прямое и косвенное.

Прямое — осуществляется посредством внушения, представления готовых экологических принципов, кодексов поведения в окружающей среде, т.е. главным его источником является внешний импульс — желание другого человека, сообщества о принятии вами чьих-то индивидуальных или общепризнанных норм взаимоотношения с окружающей средой. Косвенное — осуществляется через создание определенной атмосферы, способствующей возбуждению человеческого интереса к познанию и сохранению природы, т.е. его основным импульсом является внутреннее стремление человека, его желание ошутить себя частью большого, живого, разумного мира.

Именно второй способ формирования экологической культуры видится нам наиболее действенным, когда через те или иные мероприятия мониторинга осуществляется косвенное (но от того не менее позитивное) воздействие на восприятие человеком среды его обитания. Формирование определенных эстетических качеств культурного ландшафта (прежде всего, его «вписанность» в естественный ландшафт) также будет иметь определенное значение в становлении экологической этики современности.

На наш взгляд, проблема становления истинной экологической этики не просто связана с эстетическим восприятием, но и может быть частично разрешена посредством него. Таким образом, как это ни парадоксально, один «вечный вопрос» может помочь не стать «вечным» другому, позволит многомерно и детально разработать его практическое разрешение.

Проблему взаимосвязи красоты и добра, истинных этических норм, поднимали в своих трудах очень многие философы: Демокрит, Аристотель, Платон, Дж. Бруно, Г. В. Лейбниц, Г. Лотце, А. Г. Баумgarten, Н. Гарман, В. Г. Белинский, Л. Н. Толстой, В. С. Соловьёв, и др. Один из наших современников Д. Х. Хацкевич проявляет эту взаимосвязь так: «Человечество, испытывая потребность в красоте, вначале интуитивно, и лишь впоследствии осознанно, не только охраняло отдельные объекты природы как духовную ценность, но и создавало ландшафтную панораму, обладающую эстетической значимостью» [10, с. 11].

Более того, окружающий человека ландшафт сам формирует многие его представления и привычки, прежде всего, это формы расселения, архитектуры, хозяйствования, воспринимавшиеся для него

как психологически комфортные, ценные, прекрасные. В результате этого ландшафт (в том числе и культурный) является одной из значимых основ формирования патриотизма, поскольку «знакомый с детства ландшафт ассоциируется в сознании с понятием родина» [10, с. 20]. При этом обеднение растительного покрова, животного мира, разнообразия ландшафтов играет отрицательную роль в судьбе личности. «Вместе с исчезновением видов сужается и сфера познания эстетического, обедняются социальные возможности человека» [10, с. 16].

Вероятно в результате этого рассмотрение объектов окружающего мира, в том числе и культурного ландшафта, как носителей свойств прекрасного, гармонии, идеала всегда сопровождалось с оценкой их полезности и истинности. Это отмечается не только в концепциях современных культурологов и философов, но и классиков (В.С. Соловьев, Н.Ф. Федоров, Б.С. Ерасов, И.Г. Гердер, П. Тейяр де Шарден, А. Пуанкаре и др.), которые являются «сторонниками идеи единства мира» [7, с. 196].

Гуманист эпохи Возрождения, Джордано Бруно, демонстрирует эту связь через понятие истины, которую он определяет как «... самое искреннее, самое божественное из всего, даже — сама божественность и чистота, добро и красота вещей» [1, с. 75].

Немецкий культуролог, философ эпохи Просвещения, И. Г. Гердер называет красоту не иначе как «чувственный феномен истины». «Нет красоты без истины, так же как нет истины без красоты. Чувственная форма истинного всегда прекрасна» [4, с. 125–6]. Стремясь к прекрасному, человечество устранялось от безобразного, а значит и вредного, небезопасного для своей жизни. Таким образом, красота становится для человечества своеобразным вектором и условием эволюции. Эта смежность прекрасного и полезного особенно отчётливо прослеживается в современном культурном ландшафте, создаваемом посредством ландшафтного дизайна, ставшего одним из видов современного творчества.

При этом одним из условий такого творчества остаётся использование особенностей рельефа, геологического строения местности, общей цветовой и природной гаммы [10, с. 18]. Чем богаче, разнообразнее окружающий человека ландшафт (естественный и культурный), тем больше обнаруживается возможностей для творчества человека, его духовного развития, стремления познавать окружающий его мир.

«Всякое истинное познание переходит в переживание. ...знание о мире становится моим переживанием мира. Познание, ставшее

переживанием, не превращает меня по отношению к миру в чисто познающий субъект, но возбуждает во мне ощущение внутренней связи с ним. Оно наполняет меня чувством благоговения перед таинственной волей к жизни, проявляющейся во всём» [9, с. 217]. Познание-переживание становится одним из главных условий единения с природой, пробуждения истинно этических норм поведения по отношению ко всему миру.

А. Г. Баумгартен словно уточняет высказывание А. Швейцера, называя низшей ступенью гносеологии, наукой о чувственном познании эстетику. В таких ее определениях как «искусство прекрасно мыслить», «искусство мыслить аналогично разуму» [11 с. 3] мы находим связь не только с целесообразностью, но и с этичностью.

Через чувство прекрасного мы как бы отрицаем в себе современную рационалистическую образованность, которая «даёт человеку множество экспериментально доказуемых истин, незаметно подменяя ими одну-единственную: живое и естественное понимание глубокого единства мира, Вселенной и собственного «я»...» [6, с. 85].

Часто культурный ландшафт — это не желаемый результат сотворчества человека и природы, а полностью искусственный объект (гранитовые берега и хлорные реки), тогда красота природы сводится к нулю и уже не может быть отождествлена с истиной и добром.

В культурном ландшафте человек пытается выразить свое эстетическое восприятие, отражая тем самым в нем красоту своей души. Поэтому, если тот или иной культурный ландшафт не являет собой пример гармонии, соотношения природного и искусственного, он служит сигналом о нарушении системы этичности. Таким образом, объекты (в данном случае части культурного ландшафта) — вместилище субъективной деятельности. Человек изменяет внешние предметы, запечатлевает в них свою жизнь, и «...делает это для того, чтобы в качестве свободного субъекта лишить внешний мир неподатливой чуждости и в предметной форме наслаждаться лишь внешней реальностью самого себя» [3, с. 37].

Таким образом, можно убедиться во взаимосвязи экологической этики и эстетики культурного ландшафта, одной из главных составляющих культурного пространства, которое позволяет в полной мере проследить эту связь: сохранение и развитие материальных практик преобразования мира и духовного освоения действительности. Изучение и использование этой взаимосвязи может стать действенной основой для формирования экологической этики современности.

Список литературы:

1. Бруно Дж. Изгнание торжествующего зверя. М.: Директ-Медиа, 2010. — 406 с. (по изд. СПб.: Огни, 1914).
2. Вальковская В.В. Ценность природы // Философия и общество. — 1998. — № 6. — С. 103–123.
3. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. В 4-х т. М. : Искусство, 1968. — Т.1. — 312 с.
4. Гулыга А. В. Гердер. Изд. 2-е, дораб. М. : Мысль, — 1975. — 181 с.
5. Гулыга А. В. Эстетика в свете аксиологии. Пятьдесят лет на Волхонке / Научное издание; отв. ред-сост., авт. предисл. И. С. Андреева. СПб.: Алетейя, 2000. — 447 с.
6. Панченко О. Г. Нравственный потенциал личности как антропологическая проблема // Личность в социокультурном измерении: история и современность. — М. : Индрик, 2007. — С. 83–87.
7. Самохвалова В. И. Достоевский и Мисима (о метафизике красоты) / В.И. Самохвалова // Вопросы философии. 2002. № 11. — С. 196–211.
8. Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии. — М. : Республика, 1994. — 464 с.
9. Швейцер А. Благоговение перед жизнью: Пер. с нем./ Сост. и посл. А.А. Гусейнова; общ. ред. А.А. Гусейнова и М.Г. Селезнева. — М. : Прогресс, 1992. — 576 с.
10. Хацкевич Д. Х. Природа как эстетическая ценность: Учебное пособие. М. : Высш.шк., 1987. — 120 с.
11. Baumgarten A. G. Theoretische Aesthetik: Die grundlegenden Abschnitte aus der “Aesthetica”. Hamburg: Meiner, 1983.

СЕКЦИЯ 4.1

ИСТОРИЯ РОССИИ

ВЛИЯНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР НАРОДОВ ЕВРАЗИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ В РОССИИ

Баранова Любовь Васильевна

к. филос. н., доцент СИЭУ ФПГГТУ, г. Ставрополь

E-mail: 159-2@yandex.ru

Одним из решающих факторов прогресса человеческой цивилизации является взаимодействие и взаимовлияние культур различных народов. В этой связи евразийский континент представляет собой уникальное образование, на котором происходит синтез культур большого числа народов, различающихся между собой по таким кардинальным признакам, как традиционные занятия и материальная культура в целом, духовная культура, в первую очередь, формы религиозных верований и некоторые другие. Процессы взаимодействия культур народов, в целом играющие, безусловно, созидательную в истории человеческой цивилизации, имеют диалектически сложный, противоположный характер, в силу чего, в особенности на ранних стадиях своего развития, может приобретать разрушительный характер. Данное противоречие было особенно свойственно взаимоотношениям народов Восточной и Юго-Восточной Европы с кочевыми народами, приходившими в эти места из Азии в первые века нашей эры. При этом, с наибольшей рельефностью рассматриваемый феномен проявился в истории Русского государства и населяющих его народов [2, с. 34].

Одним из самых драматических эпизодов в многовековой истории России является период, получивший название татаро-монгольского ига. В литературе, как научной, так и художественной, а также публицистике до сих пор происходят острые дискуссии по вопросу о месте и роли названного феномена в истории русского общества, его влияния на всю дальнейшую историю страны, её народов. Практически все исследователи сходятся во мнении о том,

что данное явление оказало громадное по силе воздействие на всю последующую историю российского общества. При этом, многие авторы сходятся в мнении о том, что историю взаимоотношения Руси и Орды, соответственно, тюркских и славянских народов, нельзя сводить к одной вражде и противостоянию. Данный феномен имел, в особенности, в исторической перспективе и немалое положительное значение для судеб страны, её народа.

Главным инструментом экономического закабаления Руси, эксплуатации её населения ордынскими ханами было взимание дани. При этом, одним из важнейших способов упорядочения процесса сбора дани, придания ему всеобщего, тотального характера послужила всеобщая перепись населения Руси. Данное мероприятие было осуществлено в два этапа: в 1248 г. переписи подверглось население Южной Руси, в 1257 г. — Северной Руси [3, с. 12].

Переписи населения очень скоро подтвердили свою значимость одного из ведущих инструментов управления государством и обществом, позволяя получить достаточно оперативную, полную и объективную информацию о численности и составе населения. Это, в свою очередь, позволяло определить многие кардинальные направления развития общества, наметить оптимальные формы и способы разрешения возникающих противоречий. Вследствие этого, данное нововведение, наряду с некоторыми другими мерами, принесёнными на Русь ордынскими захватчиками, например ямской службы на дорогах, было сохранено и использовалось руководителями государства и после обретения независимости.

Важность получения полной и достаточно объективной информации о составе населения, как одного из необходимых условий управления государством и обществом особенно возрастала в переломные периоды истории страны. Так, одним из направлений политики Петра I по модернизации страны было кардинальное изменение системы налогообложения — введения подушной подати. Эта мера также потребовала всеобщей переписи населения. Глубокие перемены во всех сферах жизни российского общества происходили на рубеже XIX—XX вв. Основным содержанием данного всеобъемлющего процесса стала медленная, но неуклонная трансформация российского общества из традиционного, аграрного в индустриальное. Указанное обстоятельство также обусловило необходимость в получении полной и достоверной информации о численности и структуре населения России. Источником такого рода информации стали итоги всеобщей переписи населения 1897 г.

В дальнейшем, особенно на протяжении первой половины XX в., переписи населения проводились в наиболее сложные и ответственные периоды развития страны. В 1920-е гг. переписи населения проводились в 1920, 1923 и 1926 гг. Каждая из этих переписей совпадали по времени, а, следовательно, и отражали важнейшие этапы в развитии российского общества — окончание Гражданской войны, переход к НЭПу и его первые результаты, итоги пятилетнего развития НЭПа и необходимость определения стратегии дальнейшего развития страны. Затем очередная перепись была проведена в конце 1930-х гг. Составление данного документа совпало по времени с выполнением пятилетних планов форсированного развития индустриальных отраслей экономики, что по объективным результатам означало завершение продолжавшегося почти пол столетия периода модернизации российского общества, перехода его из стадии традиционной, аграрной в стадию индустриальную.

Материалы переписей населения играют чрезвычайно важную роль и как исторический источник. В значительной мере это является следствием того, что данный документ и все документы подобного рода достаточно полно отражают все основополагающие тенденции и противоречия времени своего создания.

Одним из важнейших событий в мировой и важнейшим событием в отечественной истории XX выступает революция 1917 г. Данное событие явилось итогом длительного противостояния сил традиционализма и модернизаторства и, в свою очередь, надолго определило многие тенденции в развитии России и всего остального мира. В этой связи особый интерес и актуальность представляет вопрос о соотношении различных социально-политических сил на рубеже XIX—XX вв., когда противостояние сил традиционализма и модернизаторства стало определяющим фактором в развитии общества. Кроме того, анализ указанного соотношения сил позволяет получить ответ и на вопрос о движущих силах революции, о возможностях альтернативного развития событий, реальных перспективах установления общественного строя, не противопоставляющего себя ходу общемирового прогресса.

Анализ материалов переписи населения 1897 г. показывает, что важнейшим объективным фактором, определявшим состояние российского общества на рубеже XIX—XX вв. был характер «догоняющего» развития. Для социальной структуры это означало наличие как групп населения, сохраняющих приверженность старым, традиционным формам организации жизни страны, так и групп, выступающих за их кардинальное обновление, модернизацию.

Причём, взаимодействие данных групп между собой носило достаточно сложный, противоречивый характер, нередко приобретая форму открытого противоборства. Далее, рассмотрение материалов переписи показывает, что в составе населения страны имелась весьма немногочисленная прослойка социальных элементов, сознательно выступавших за глубокое и всесторонне обновление общества и обладавших достаточно крупным потенциалом творческих, созидательных возможностей для претворения данной задачи в жизнь. В свою очередь, это означало, что, в силу стечения целого ряда объективных и субъективных обстоятельств, наиболее вероятной альтернативой развития российского общества в начале XX в. становилось установление общественного строя, одной из главных отличительных черт которой являлась система тоталитарной власти.

Становление нового качества в жизни общества — процесс длительный, имеющий сложную внутреннюю логику развития. Захват власти в стране одной из леворадикальных политических группировок — партией большевиков, выражавших интересы, главным образом, маргинальных групп города и села и попытка обустройства общества в соответствии с собственной идеологической догматикой послужила одной из главных причин перерастания противоборства различных социально-политических сил в экстремальную форму — Гражданскую войну. Завершение её потребовало от новой власти разработки планов развития страны, что, в свою очередь, обусловило необходимость получения точной и объективной информации о состоянии различных аспектов российского общества, в том числе и о количественном и качественном составе населения. Этим обстоятельством и было обусловлено проведение Всероссийской переписи 1920 г. Материалы её находятся в крайне неудовлетворительном состоянии, что не даёт возможности анализировать данный документ как исторический источник [4, с. 31].

Необходимость преодоления голода и разрухи, выхода из глубочайшего социально-политического кризиса, в котором страна оказалась после окончания Гражданской войны, вынудили руководство партии большевиков отказаться от доказавшей свою полную несостоятельность политики “военного коммунизма” и выработать новый курс социально-экономического и политического развития страны, получившего название НЭПа. Вскоре после его введения — в 1923 г. была проведена перепись всего городского населения. Её итоги показали, что в начале 1920-х гг. городское население России, в первую очередь рабочий класс в городах

отличались явно выраженной неоднородностью своего состава. При этом, основными факторами, обуславливавшими подобного рода неоднородность, являлись заметные диспропорции между отдельными отраслями народного хозяйства, а также регионами страны. Подобного рода различия порождали острые противоречия между отдельными социально-профессиональными слоями, что, в свою очередь, в значительной степени препятствовало ускорению социально-экономического развития российского общества, преодолению царившего в стране голода и разрухи [4, с. 11].

Главной заслугой НЭПа стало определённое оживление производительных сил общества, позволившее преодолеть наиболее разрушительные последствия периода Гражданской войны и военно-коммунистического эксперимента. Вместе с тем, в непродолжительное время в развитии страны обнаружились многие серьёзные противоречия, в первую очередь противоречия между традиционализмом и модернизаторством. Для объективного анализа сложившейся ситуации потребовалась полная информация, в том числе, и о количественном и качественном составе населения. такого рода информацию предоставила Всесоюзная перепись населения 1926 г. Её анализ показал, что в развитии страны сохранялись многие признаки отсталости, для преодоления которых требовалась выработка во многом принципиально иной внутренней политики. Подобная политика была выработана на рубеже 1920—1930-х гг. Её основные результаты стали в полной мере зримы к концу 1930-х гг., в связи с чем была проведена очередная перепись населения.

Переписи населения 1937 и 1939 гг. показывают, что, несмотря на огромные трудности и потери, российское общество решило задачу кардинальной значимости: совершило цивилизационный скачок, перейдя из традиционной, аграрной в индустриальную стадию развития. Одновременно, анализ материалов показывает, что новая модель общественного развития, важнейшей составляющей которой был механизм тоталитарной власти, неспособна, в необходимой мере, учитывать потребности общественного развития, в первую очередь интересы всех групп населения. Это обстоятельство в решающей мере определило её историческую бесперспективность [1, с. 27].

Если подвести итоги, то следует отметить, что переписи населения играют важнейшую роль в развитии общества и как инструменты выработки и проведения политики государства, и как исторический источник. При этом, в конкретных условиях России возникновение подобного документа стало следствием сложного и противоречивого процесса взаимодействия народов Евразии.

Список литературы:

1. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. — М., 2004.
2. Борко Ю. Россия и Европа: состоится ли партнерство // Свободная мысль. — 2006. — № 3.
3. Конрад Н. И. Запад и Восток. — М., 1996.
4. Левяш И. Я. «Запад» — «Восток» — центральное социокультурное противоречие современности // Белорусская мысль. 2006. — № 3.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В 20-е–30-е ГОДЫ XX ВЕКА И ЕЕ РОЛЬ В ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

Борлакова Людмила Рашидовна

*соискатель, Карачаево-Черкесский Педагогический Университет
им. У. Алиева, г. Черкесск*

E-mail: borlakova.lyudmila@mail.ru

Современная Россия переживает пору, которую можно назвать временем трансформации, или коренного изменения общества. Вторично за последние сто лет страна оказалась в состоянии социального транзита, приведшего к серьезной трансформации сферы воспитания подрастающего поколения. Крушение казавшихся незыблемыми авторитетов, отказ от масштабных пластов национальной педагогической культуры стали издержками явления, обозначаемого в науке термином «модернизация». Не вдаваясь в дискуссии, идущие в ученом сообществе относительно определения указанной категории, скажем, что, суть модернизации заключается в переходе от традиционного общества, существующего благодаря воспроизводству готовых образцов и уже апробированных решений, к инновационному обществу, нацеленному на непрерывные изменения. Указанный социальный транзит модифицирует ценностные и нравственные ориентации воспитательной деятельности, их темпоральный вектор. Если в традиционном обществе воспитатель с пиететом смотрит в прошлое, имея там все высшие образцы поведения, то в инновационном обществе он начинает с оптимизмом смотреть в будущее.

В России процесс модернизации общества растянулся не на одно столетие, принимая особо болезненные формы в первой трети XX века

и на его исходе. Отмеченное сходство между обеими эпохами не может не обратить нашего взгляда в прошлое, не побудить к рассмотрению современных проблем воспитания через призму исторического опыта.

Хронологические рамки исследования объясняются тем, что 1917–1930-е годы являются строго определённым этапом в развитии отечественного общества, с присущими только ему макросоциальными задачами. В эту пору Россия осуществляла переход от традиционного общества к инновационному. Исходной темпоральной точкой выступает 1917 год — начало большевистской революции, ставшей, по сути, очередной попыткой модернизации России. Вторая рубежная черта исследования — конец 1930-х годов — знаменует время, когда завершилась глубокая социально-экономическая, культурная и технологическая трансформация отечественного социума, позволившая ему встать в ряд ведущих держав индустриальной эпохи. Большевистская модернизация проводилась в короткие сроки, с крайним напряжением сил общества, что дает нам основание именовать ее форсированной модернизацией. Эти же годы стали временем реализации воспитательного макропроекта — формирования «нового человека» как субъекта глобального социального транзита [4].

Воспитание нового поколения неизменно делалось для всякого модернизируемого общества важной, хоть и не всегда в полной мере осознававшейся, задачей. Высоким был уровень ее постижения в России в период между двумя мировыми войнами, в условиях большевистской модернизации.

В этом опыте интерес представляет деятельность по воспитанию рабочей молодёжи, являвшейся одним из главных субъектов перехода от мануфактурного производства к фабрично-заводскому и далее к поточно-конвейерному производству соответственно. Оговоримся, что термином «рабочая молодёжь» мы маркируем трудящихся фабрик и заводов в возрасте от 14 до 23 лет (в таких границах ее обозначали в постреволюционную эпоху большевистские идеологи модернизации, создав для молодёжи специальную авангардную общественно-политическую организацию — комсомол).

Воспитание реализовывалось в прямой взаимосвязи с перипетиями общественной жизни страны и политики форсированной трансформации общества. Данное обстоятельство явилось основным критерием для выделения в развитии теории и практики воспитания следующих периодов:

1) 1917–1920-е годы — генезис государственно-общественной воспитательной системы, формулирование общих целей воспитания молодежи;

2) 1921–1929-е годы — становление системы учреждений и организаций, осуществлявших воспитание рабочей молодёжи, дискуссии в рамках «русифицированного марксизма» о цели и содержании воспитания;

3) 1929–1930-е годы — функционирование воспитательной системы посредством сложившихся в 1920-е годы элементов, прекращение концептуальных поисков в области целенаправленной социализации рабочей молодёжи [3].

В настоящее время имеется достаточный круг литературы, рассматривающей избранный нами историко-педагогический сюжет. Однако подавляющая часть конкретно-исторических исследований о воспитании молодежи 1917–1930-х годов ангажирована идеологически и затрагивает преимущественно историко-политический аспект (деятельность партийных и комсомольских организаций). К тому же их авторами, как правило, не привлекался теоретический и методологический багаж современной социально-гуманитарной науки (прежде всего культурной антропологии, социальной философии). Что касается «персональной истории» советской воспитательной системы 1917–1930-х годов, то ею охвачено преимущественно творчество выдающихся педагогов (П. П. Блонского, Н. К. Крупской, А. С. Макаренко, С. Т. Шацкого). За пределами анализа остается позиция ключевых фигур политико-воспитательной работы довоенного отрезка советского периода — Н. И. Бухарина, А. А. Сольца, Л. Д. Троцкого, Е. М. Ярославского и других. Следовательно, как это парадоксально ни звучит, в начале XXI столетия мы находимся приблизительно на том же уровне научного понимания проблем воспитания рабочей молодежи 1917–1930-х годов, что и в 80-е годы XX века [2].

Налицо противоречия между:

- назревшей необходимостью комплексного изучения исторического опыта воспитания молодежи и научным уровнем реализации этой необходимости;

- потребностью в разработке системы мер по воспитанию молодежи на современном этапе модернизации и отсутствием научно обоснованных рекомендаций, базирующихся на анализе воспитательной деятельности прошлых этапов модернизации российского общества;

- общественной необходимостью в идеологически нейтральном исследовании воспитательной деятельности периода модернизации и сложившимся концептуальным аппаратом, не позволяющим удовлетворить ее в полной мере.

Осознание указанных противоречий привело к выделению **проблемы исследования**. Она заключается в том, чтобы в интересах оптимальной организации целенаправленной социализации современной молодёжи обнаружить, изучить и концептуально представить сущностные черты процесса воспитания рабочей молодёжи периода 1917–1930-х годов.

Актуальность проблемы, а также недостаточная степень её изученности определили выбор **темы** исследования «Трансформация российского общества в 20-е–30-е годы XX века и ее роль в воспитании молодежи».

Объектом исследования является трансформация общества и воспитание советской молодёжи в 1917–1930-е годы.

Предметом исследования выступает теория и практика воспитания молодёжи в период трансформации российского общества.

Цель работы — раскрыть процесс воспитания рабочей молодёжи в период трансформации российского общества.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие **исследовательские задачи**:

- определить категориальный аппарат и концептуальный инструментарий, способные обеспечить целостное осмысление воспитания рабочей молодёжи как социокультурного феномена и позволяющие всесторонне рассмотреть процесс формирования личности молодого рабочего;
- обнаружить отечественные идеалы воспитания, обусловившие существование в российском педагогическом сознании первой трети XX века строго определенных воспитательных идеалов и систем ценностей;

Авторы многих воспитательных идей в свое время выпали из «проверенной обоймы» или даже были зачислены в список «идеологически вредных». К примеру, главный теоретик второй половины 1920-х годов Н. И. Бухарин, без ссылки на которого редко обходился какой бы то ни было «директивный орган» того периода, оказался ошельмован, а работы его не позволялось непредвзято цитировать. Не лучшей была судьба трудов крайне популярного в молодежной среде первой половины 1920-х годов Л. Д. Троцкого. И после своей трагической гибели он вызывал откровенную ненависть в

партийных структурах, что делало невозможным упоминание его имени хоть в сколько-нибудь положительном контексте.

Глубокое, всестороннее и целостное осмысление воспитания рабочей молодёжи как социокультурного феномена возможно только в случае применения комбинированной методологии, погружения фактов и явлений образовательно-воспитательной деятельности в контекст различных подходов: социокультурного, культурно-генетического и мир-системного. Их применение позволяет обнаружить, что воспитание, «программируясь» исторически сложившимся типом культуры, концентрирует и транслирует систему ценностей, зафиксированную в «культурном генотипе» общества. Эта система фундаментальных мотивов жизнедеятельности, пройдя проверку практикой и получив одобрение носителей массового педагогического сознания, приобретает наибольшие возможности для освоения подрастающими поколениями. Поэтому молодые российские рабочие 1917–1930-х годов были предрасположены для восприятия долгосрочных жизненных ориентиров и идеалов, имевших автохтонное происхождение.

Динамика отечественных воспитательных идеалов определялась социокультурной знаковостью России, сформировавшейся под влиянием природно-климатического, геополитического и геокультурного факторов. Благодаря этим факторам в массовом педагогическом сознании россиян стал превалировать нравственный и воспитательный идеал, генерировавший личность социоцентристского типа, полагавшую в качестве высших интересы социальной целостности (общины, государства). Появление же в России воспитательного идеала противоположного типа, антропоцентристского, нацеливавшего педагогов на репродукцию автономной личности, стало по-настоящему возможным только с проведением политики модернизации. Эта политика не только повлияла на целевой, содержательный и процессуальный компоненты воспитания, но и породила социокультурный раскол и сегментацию отечественного педагогического сознания в канун 1917 года. Линия раскола разделила на две части воспитательное пространство страны. В среде трудящихся доминировала социоцентристская педагогическая культура, а в элитарных слоях превалировала антропоцентристская педагогическая культура (что не исключало наличия среди представителей властной элиты крайне влиятельных носителей социоцентристского мировидения) [1].

Воспитательный проект осуществлялся в среде рабочей молодёжи посредством организации ее активной совместной

деятельности. В процессе участия в переустройстве социальной жизни у молодых труженников стремились изменить весь образ жизни, выработать у них такие способы и формы жизнедеятельности, которые способствовали бы решению задач форсированной индустриальной модернизации. Реализовывавшуюся модель воспитания можно представить как вертикально структурированную ценностную коммуникацию: смыслы нисходили от иерархов государственно-общественной воспитательной системы к воспитанникам. Данная модель воплотилась в жизнь в виде советского молодого рабочего — личности, соединявшей в себе добродетели человека традиционного общества (нетребовательность, смирение, готовность пожертвовать индивидуальными интересами в общих целях) с достоинствами человека инновационного общества (инициативность, целерациональность, желание трудиться с возрастающим результатом).

Подводя итоги, отметим, что период 1917–1930-х годов оказался судьбоносным для российской молодежи. Если в начале XX века отечественное педагогическое сообщество находилось на развилке дорог между следованием различным парадигмам воспитания, то социальные катаклизмы 1917–1920-го годов окончательно поместили его в русло гибридного воспитательного идеала. Однако в среде политиков, ученых, воспитателей-практиков, занимавшихся разработкой концептуальных основ воспитания рабочей молодежи и их реализацией, в 1920-е годы обозначился невидимый, но явный раскол. По разным сторонам расположились авторы, осознававшие реальную культурную значимость антропоцентристских заимствований, и работники, использовавшие их, по сути, в рамках традиционных ценностей. Обеими группами предлагались различные версии воспитательного идеала, с акцентом на антропоцентристском сегменте в одном случае (А. В. Луначарский, Н. А. Семашко, А. С. Макаренко, С. Т. Шацкий и др.) и на социоцентристском — в другом (И. В. Сталин, Е. М. Ярославский, А. Б. Залкинд и др.). Верх одержала позиция сторонников социоцентризма, что было связано с объективными обстоятельствами, прежде всего влиянием «почвы», без опоры на которую новая социальная мегаконструкция не могла существовать. Переломным для педагогического сознания стал 1929 год, когда поворот в сторону форсирования модернизационных процессов предопределил превалирование социоцентризма над антропоцентризмом.

Гибридный характер нравственного и воспитательного идеала приводил к тому, что заимствованные из западноевропейской

культуры ценности (свобода, инициатива, новшество и др.) могли приобретать иное содержание, превращаться из самооценности в средства. Так, свобода в массовом педагогическом сознании интерпретировалась как произвол, диалог начинал восприниматься не как необходимое условие консенсуса, а как средство доведение до субъекта сложившегося смысла.

Стратеги и организаторы воспитания, не смотря на различия в подходах, сошлись в общем понимании тех главных требований, которые следовало предъявлять к процессу реализации воспитательного проекта. Всеми крупными политиками и учеными разделялись в той или иной степени такие принципы организации воспитания как целенаправленность и целесообразность. Отсутствовали разногласия и по вопросу о необходимости освободить воспитательный процесс от голого морализаторства, которое должно было уступить свое место вовлечению воспитанников в деятельность (при приоритете ее коллективных форм). От воспитателей также требовали превращения целей, выдвигаемых педагогами, в цели самих подростков и юношества. Собственно говоря, воспитательным структурам и отдельным педагогам предлагалось осуществлять подход, который вскоре будет обозначен в науке как системный и целостный. К такому выводу нельзя не прийти, если не забывать о следующих моментах. Во-первых, лидеры партии-государства и крупные ученые рассматривали институт воспитания как сегмент более широкой системы — социума. Они считали, что все «рецепты воспитания» должны обязательно соотноситься со знаниями об «анатомии и физиологии» целостного общественного организма (степень адекватности этих знаний природе объекта оставляем за скобками). Причем воспитателям предлагалось организовывать свою интеллектуальную деятельность по всем правилам системного анализа. Сначала воспитательным структурам и педагогам следовало обнаружить проблему, затем оценить ее актуальность, далее — определить цели и возможности их реализации, найти решение проблемы, после чего только можно было запускать решение в жизнь. Вторым моментом, говорящим в пользу реализации стратегиями воспитания основ системного и целостного подхода, является квалификация ими воспитания как целостного социального феномена. Иначе говоря, они понимали, что воспитание «пронизывает» все сферы общественной жизни — экономику, политику, идеологию. Воспитание не замыкалось лидерами партии-государства на одном специально созданном институте, но «разливалось» по различным структурам и институтам социума. Третье, на что нельзя не обратить

внимание, так это на рассмотрение авторами воспитательного проекта объекта целенаправленной инкультурации как целостного явления. Педагог, «работая» над конкретным качеством, не должен был, по их мнению, забывать, что его конечной целью остается формирование личности.

Опыт первой трети прошлого века вполне мог бы быть востребованным сегодня, когда Россия стремится одновременно завершить позднеиндустриальную модернизацию и перейти к постиндустриализации. Вследствие этого страна нуждается в появлении, как массового социального типа, личности «нового рабочего» — носителя модернизаторской идеологии, проводника постиндустриального развития. Между тем, нынешние молодые рабочие вступали во взрослую жизнь в условиях радикальных реформ, породивших настроения социальной апатии, неуверенности в завтрашнем дне. Попад в ситуацию морального вакуума, вызванного обвальным крушением устоявшейся системы ценностных координат, юные производственники начали утрачивать культурные ориентиры, занялись поиском врагов, виновных в обрушившихся бедствиях, увлеклись лженауками и т.д. Данное обстоятельство и делает актуальным ретроспективный анализ процесса воспитания рабочей молодежи в 1917–1930-х годах в социально-педагогическом плане.

Список литературы:

1. Алаторцева А. И.. Как начиналась «советизация». // Россия в XX веке : Историки мира спорят. М., 1994
2. Новиков С. Г. О природе советского воспитательного мегапроекта 1917–1930-х годов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Педагогические науки» — 2007. — № 1
3. Новиков С. Г. Воспитание рабочей молодежи в условиях форсированной модернизации России (1917–1930-е годы): монография // С. Г. Новиков. — Волгоград, 2004
4. Сабиров В. Ш. Общество как предмет философского исследования // Философия в России. — 2004

«ДЕЛО ЮМАТОВА»: СТРАНИЦА В ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЦЕНЗУРЫ

Дианов Сергей Александрович

*к. ист. н., доцент кафедры новой и новейшей истории России
Пермского государственного педагогического университета, г. Пермь
E-mail: dianov-sa@rambler.ru*

О первых руководителях Главлита РСФСР написано немало научных публикаций. Так, в работах А. В. Блюма, Т. М. Горяевой предстает политический портрет П. И. Лебедева-Полянского, возглавлявшего Главлит с момента его основания до 1931 г. [1, с. 117–122; с. 22–23]. Г. А. Бондарева в диссертационном исследовании, в свою очередь, разбирает некоторые факты из биографии Р. А. Пельше, который в середине 1920-х гг. руководил Главреперткомом РСФСР [2, с. 85–90]. Вместе с тем, определенную трудность представляет изучение портретов цензоров среднего звена — руководителей областных, окружных и уездных Литов. Практически не изученным является вопрос о репрессивных практиках в органах советской цензуры. В настоящей публикации предполагается восполнить данный пробел посредством представления результатов исследования по истории уральских отделений Главлита.

29 марта 1937 г. состоялось закрытое партийное собрание парторганизации Свердловского обллита — отделения Главлита в Свердловской области. В прениях выступали практически все присутствующие работники аппарата цензурного ведомства. Главный вопрос, обсуждаемый цензорами, — борьба с «троцкизмом» в уральских партийных организациях. «Мы подчас забывали проверить, кто с нами работает, что это за люди... Такое положение позволило врагу Юматову иметь возможность долгое время быть в наших рядах», — говорилось в одном из выступлений. Так называемое «Дело Юматова» было сфабриковано накануне Большого террора и стало самой трагичной историей в жизни парторганизации обллита.

Родился Николай Иванович 8 мая 1900 г. в г. Кунгуре Пермской губернии в семье рабочего кожевенного завода. В 1912–1915 гг. проходил курс обучения в Кунгурском высшем начальном училище. Его трудовая деятельность началась в 1916 г. в слесарной мастерской железнодорожного депо на станции Кунгур. В этом учреждении Н. И. Юматов проработал до весны 1918 г., после чего вступил в ряды Красной армии. В годы Гражданской войны Н. И. Юматов воевал в составе 263-го полка 30-й стрелковой дивизии Восточного фронта,

прошел путь от рядового до командира роты [5, л. 8об.]. В 1919 г. он был принят в члены РКП(б), получив партийный билет № 522189. После демобилизации в 1922 г. Н. И. Юматов вернулся в Кунгур и получил от местного исполкома Советов назначение на должность заведующего Домом отдыха железнодорожников.

В 1923–1926 гг. Н. И. Юматов повышал свой образовательный уровень в комвузе г. Свердловска. После его окончания молодой пропагандист был включен в состав партгруппы при Свердловском обкоме ВКП(б). На партийной работе в Свердловске произошел инцидент, последствия которого спустя десять лет стали для Н. И. Юматова трагическими. Весной 1927 г. на его квартире состоялось собрание коммунистов, на котором присутствовал А. Г. Белобородов, являвшийся одним из лидеров «объединенной оппозиции». В ноябре 1927 г. А. Г. Белобородов решением ЦКК ВКП(б) был исключен из партии за «фракционную» деятельность. В мае 1930 г. его восстановили в рядах ВКП(б), и до августа 1936 г. он трудился на руководящих должностях [4, с. 178].

Поиск «соучастников» А. Г. Белобородова велся органами государственной безопасности с особой тщательностью. Присутствие Н. И. Юматова на указанном «фракционном» собрании вскоре было выявлено. Свердловская окружная контрольная комиссия ВКП(б) незамедлительно постановила объявить Н. И. Юматову строгий выговор с предупреждением [6, л. 38]. Пытаясь оправдать свои действия, Н. И. Юматов заявлял, что не знал А. Г. Белобородова как лидера «троцкистов» и был введен последним в заблуждение. В 1929 г. в период очередной партийной чистки данное взыскание с Н. И. Юматова было снято, после чего он считал себя полностью реабилитированным.

После этой неприятной истории осенью 1927 г. Н. И. Юматов был командирован в Кунгур, где занял должность инструктора агитационно-пропагандистского отдела окружкома ВКП(б) и, по совместительству, заведующего политпросветом. В этой должности он впервые ознакомился со спецификой цензурной работы. Два года спустя Н. И. Юматов был переведен в Артинский район на должность секретаря райкома ВКП(б), где проработал 1929–1930 гг. В 1930 г. Н. И. Юматов в очередной раз возвратился на родину и получил назначение на должность ответственного редактора кунгурской газеты «Искра». В характеристике на Н. И. Юматова, написанной секретарем Кунгурского райкома ВКП(б) в 1931 г., можно обнаружить, в частности, следующие моменты: «Тов. Юматов во время пребывания в Кунгурской организации уклонов от генеральной линии партии не имел и не имеет, партийно выдержан,

политически грамотный, дисциплинированный, активный, аккуратно и добросовестно выполняет директивы райкома... В настоящее время работает редактором газеты «Искра», с работой редактора справляется» [5, л. 10]. В редакции «Искры» Н. И. Юматов проработал до 1933 г.

В 1933 г. Н. И. Юматов был выдвинут на должность политреда Уралгиза и вновь переехал в г. Свердловск. Наконец, в начале 1934 г. Н. И. Юматов получил назначение на должность уполномоченного Свердлобллита при Свердлогизе. С этого момента до августа 1936 г. он занимался цензурной работой. Кроме того, Н. И. Юматов сразу же был включен в парторганизацию Свердловского обллита при Сталинском районном комитете ВКП(б) г. Свердловска. Достаточно часто его избирали председателем партийных собраний. На собраниях Н. И. Юматов всегда имел свою позицию и порой не стеснялся в выражениях, особенно в тех случаях, когда предметом обсуждения являлась деятельность аппарата цензуры. В частности, на партсобрании 21 июня 1935 г. он говорил следующее: «Позорно для Обллита, что Обком партии узнает об извращениях в газетах не от нас. Требуется громадная бдительность, а мы еще до сих пор являемся только фиксаторами, своевременной сигнализации не даем» [5, д. 3, л. 6]. В период работы в цензуре Н. И. Юматову доверяли управление аппаратом Свердлобллита. Так, в августе–сентябре 1934 г. он занимал пост временно исполняющего обязанности начальника Свердлобллита. За его подписью в райгорлиты Свердловской области были направлены резолюции первого областного совещания работников цензуры, состоявшегося 3–5 июля 1934 года [5, л. 48].

В августе 1936 г. Н. И. Юматова внезапно вызвали на допрос в областной отдел НКВД. В этот период времени набирал обороты маховик политических репрессий. В частности, А. Г. Белобородов был снова исключен из партии и арестован как «враг народа». Н. И. Юматова же допрашивали на предмет его связи с лидерами «троцкистов». Допрос в НКВД явился поводом для партийного разбирательства. 27 августа 1936 г. состоялось закрытое партийное собрание парторганизации Свердловского обллита. Предметом обсуждения стал вопрос о «партийности» Н. И. Юматова. В вину бывшему коллеге по работе ставилось сознательное «сокрытие» факта его участия в 1927 г. во «фракционном троцкистском» собрании. Так, Е. Н. Козлова высказала такое мнение: «Юматов обманул партийную организацию, не поставил в известность парторганизацию о том, что у него было. Случаев для того, чтобы довести об этом до сведения парторганизации — у него было достаточно. Между

тем он этого не сделал, этим самым поставил себя наравне с контрреволюционерами» [5, л. 37об.]. Обвиняя коллегу в «троцкизме», цензоры аппарата обллита не принимали во внимание, что партийное взыскание с Н.И. Юматова было снято еще в 1929 г. постановлением Свердловской окружной КК ВКП(б).

В свою очередь, Н. И. Юматов отвергал предъявленные ему обвинения. «Я никакой связи с троцкистами не держал, — говорил он на собрании. — В душе против партии я камня никогда не держал. Я боролся против троцкистов и зиновьевцев делами... Я признаю, что я в официальных документах последнее время из-за малодушия не указывал о своем выговоре. Если бы у меня были факты связи с троцкистами — я бы покончил жизнь самоубийством...» [6, л. 38]. Подобный крик души честного человека не встретил понимания. Присутствующая на собрании Р. Д. Ковнатор так прокомментировала выступление Н. И. Юматова: «Юматов — грамотный член партии, знает, как нужно себя держать перед партией. Отсутствием храбрости это объяснить нельзя. Он просто хотел выйти чистеньким из всего этого. Если бы его не вызвали в НКВД — до сих пор мы бы ничего не знали, обманывал парторганизацию. Везде писал, что не подвергался партвзысканиям» [5, л. 37об.].

В итоге прений сторон партийная организация Свердловского обллита приняла постановление, в котором, в частности, отмечалось: «Данные Юматовым объяснения... партсобрание считает не искренними, двурушническими. Собрание отмечает, что Юматов не разоблачил до конца всех участников указанного контрреволюционного собрания, своей роли на этом собрании и дальнейших связей с троцкистами... Во время убийства т. Кирова С.М. контрреволюционной троцкистско-зиновьевской бандой, Юматов клеймил позором убийц и их вдохновителей, но двурушнически скрыл при этом свое активное участие в троцкистской работе в 1927 г.» [5, л. 38]. Резолютивная часть постановления содержала решение об исключении Н. И. Юматова из партии «как обманщика и двурушника». Таким образом, коллеги не дали Н. И. Юматову ни малейшего шанса оправдаться.

Исключение из партии повлекло и увольнение с работы в обллите. Трудоустроиться Н. И. Юматов не успел: несколько дней спустя он был арестован. 9 октября 1936 г. Сталинский районный комитет ВКП(б) утвердил решение первичной парторганизации об исключении Н. И. Юматова из членов ВКП(б) с формулировкой «за двурушничество, скрытие своего участия в троцкистской группировке». 23 января 1937 г. исключение Н.И. Юматова утвердил в

своем постановлении Свердловский обком ВКП(б). За месяц до этого «Дело Юматова» рассматривалось Особым Совещанием при НКВД СССР. 30 декабря 1936 г. Н. И. Юматов был осужден по ч. 10, 11 ст. 58 и ч. 1 ст. 182 УК РСФСР. Отметим, что бывшего цензора осудили за «контрреволюционную троцкистскую деятельность», а также и за «незаконное хранение оружия». Мера наказания была избрана в виде 5 лет лишения свободы с отбыванием всего срока в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ) [5, л. 3].

13 февраля 1937 г. на очередном общем партийном заседании парторганизации Свердловобллита был вновь поднят вопрос о «Деле Юматова». В принятом на этот раз постановлении отмечалось: «Парторганизацией Обллита не был своевременно разоблачен троцкист — Юматов, в силу чего последний получил новый партийный билет и только в августе был исключен из партии, как враг и двурушник. Несмотря на то, что ряд моментов в работе и поведении Юматова (пьянство, не выход на работу, оторванность от парторганизации) должны были бы парторганизацию проверить его как члена партии, она этого не сделала» [6, д. 5, л. 4об.]. Далее последовало решение об усилении большевистской бдительности в аппарате Свердловобллита. О дальнейшем жизненном пути Н.И. Юматова нам не известно. В период перестройки в СССР Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. он был реабилитирован. 27 июня 1989 г. бюро Свердловского обкома ВКП(б) приняло постановление «О реабилитации в партийном отношении т. Юматова» [5, л. 1].

Список литературы

1. Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917–1929 гг/ А.В. Блюм. СПб., 1994; Горяева Т. М. Исключить всякие упоминания о цензуре...: Очерки истории советской цензуры / сост. Т.М. Горяева. Минск, 1995.
2. Бондарева Г. А. Советская цензура зрелищ в период новой экономической политики. 1921–1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
3. ГАПК (Государственный архив Пермского края). Р-684. Оп. 3. Д. 111.
4. Игишева Е. А. Политическое развитие Урала в 1920-е гг. в современной историографии. Екатеринбург, 2008.
5. ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 4. Оп. 20. Д. 6754.
6. Отечественной историографии. Екатеринбург, 2008. ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 4.

ОТНОШЕНИЕ ЦАРСКОЙ РОССИИ К ПРОВОЗГЛАШЕНИЮ НЕЗАВИСИМОСТИ БОЛГАРИИ

Илюхин Михаил Юрьевич

старший преподаватель

Орловский государственный университет, г. Орел

E-mail: m-ilyukhin@yandex.ru

1908 год стал годом серьезных испытаний для дипломатии ведущих европейских стран — Боснийский кризис, разразившийся вследствие объявления 6 октября Австро-Венгрией аннексии Боснии и Герцеговины, поставил на повестку дня вопрос о радикальном пересмотре status quo, зафиксированного статьями Берлинского трактата 1878 г. Дипломатическая борьба, развернувшаяся вокруг аннексии; позиция, занятая по данному вопросу министерством иностранных дел России достаточно подробно освещены в отечественной исторической науке [4]. Другое, не менее важное событие, столь же вопиюще нарушающее status quo на Балканах и реакция на него великих держав и, в частности России, обойдено, по большому счету, вниманием историков — факт провозглашения 5 октября, днем ранее аннексии, независимости Болгарии, сопровождавшееся принятием князем Фердинандом Кобургским титула Царя болгар. Однако, как свидетельствуют архивные материалы, царская дипломатия уделяла весьма пристальное внимание планам Болгарии относительно ликвидации вассальной зависимости от Османской империи.

Последовательное продвижение Болгарии в сторону обретения полной независимости имело давнюю историю. Уже при первом князе, Александре I Баттенберге, Княжество Болгария предпринимает действия, прямо нарушающие установления Берлинского конгресса. Наиболее впечатляющим из них, имевшим широкий международный резонанс, было фактическое объединение Княжества и Восточной Румелии в 1885 г. Благодаря наличию серьезных противоречий между великими державами, нежеланию их развивать конфликт, авантюра болгарского князя тогда увенчалась успехом, бесспорным с фактической, но сомнительным с юридической точки зрения: согласно Топханейскому протоколу 1886 г. князь Болгарии на пять лет провозглашался губернатором Восточной Румелии. Однако болгарская сторона открыто пренебрегла протоколом, когда представители Восточной Румелии были избраны в Народное собрание Княжества, начавшее работу летом 1886 г. Тогда же Александр Баттенберг в

тронной речи дал понять, что расценивает Восточную Румелию как неотъемлемую часть Княжества Болгария. Данное событие обострило отношения между Россией и Болгарией, а затем привело к их разрыву. Россия не признала княжеского достоинства Фердинанда Сакс-Кобург Готского, сменившего в 1887 г. на болгарском престоле Александра Баттенберга. Только после крещения в феврале 1896 г. по православному обряду наследника болгарского престола Бориса русско-болгарские отношения были восстановлены. Тем не менее, в Болгарии события 1885 г. воспринимались как реальное объединение болгарских земель, а юридические «тонкости», в целом, не воспринимались всерьез.

В середине 90-х гг. XIX в., заложив, с одной стороны, основы режима личной власти в стране, с другой — восстановив дипломатические отношения с Россией и добившись международного признания, Фердинанд Кобургский настойчиво продолжал вести линию на достижение полной государственной независимости Болгарии. Для России намерения болгарского князя не остались незамеченными. Так, в доверительном письме посланнику в Болгарии Ю. П. Бахметеву от 5 июля 1897 г. В. Н. Ламздорф выражал «полное несочувствие» к притязаниям Болгарии. Товарищ министра иностранных дел писал, что «... было дано княжескому правительству дружеское предостережение против всяких стремлений его к политике приключений, могущей создать препятствия делу общего умиротворения и невыгодно отразиться на истинных интересах княжества» [1, л. 1 об.].

Став в 1900 г. министром иностранных дел, Ламздорф продолжал тот же курс в отношении «стремлений» правительства Фердинанда Кобургского. Тем не менее, в июне 1902 г., во время визита в Петербург князя Фердинанда и премьер-министра Болгарии С. Данева, в противовес австро-румынской, была подписана двусторонняя русско-болгарская военная конвенция.

В мае 1906 г. министром иностранных дел России стал А. П. Извольский, приход которого знаменовал резкий поворот в направлении внешнеполитической активности России. Новый министр, преследуя цель сближения с Англией (договор о разграничении сфер влияния с которой был подписан, как известно, 31 августа 1907 г.), одновременно стремился к активизации политики на Балканах, что предопределялось как усилением здесь австрийского и германского влияния, так и насущными задачами, стоящими перед страной на международной арене ввиду актуальных потребностей экономического и политического развития.

На Балканах к тому времени существовало, по крайней мере, два политических режима, связанных с Россией, а потому могущих, по мнению петербургской дипломатии, стать проводниками русского влияния. Во-первых, режим черногорского князя Николы, в финансовом отношении полностью зависимый от России; во — вторых, пришедшая в результате кровавого переворота 1903 г. к власти в Сербии династия Карагеоргиевичей, сменившая проавстрийски настроенных Обреновичей. При таком раскладе превратить в верного союзника еще и Болгарию означало, фактически, установление в регионе русской гегемонии. Однако в отношении «инициатив» болгарского князя, нацеленных на достижение независимости, российское министерство иностранных дел при Извольском сохраняло ту же позицию, что и при Ламздорфе.

В Петербурге прекрасно понимали, что любые попытки пересмотреть сложившийся на Балканах status quo чреваты самыми серьезными осложнениями в международных отношениях уже на общеевропейском уровне. Россия, пережившая поражение в русско-японской войне и революционные потрясения, ни материально, ни морально к подобным осложнениям не была готова. «Мы не должны, мы не можем предпринимать ничего такого, что привело бы нас к вооруженному столкновению с кем бы то ни было, ибо Россия, прежде всего, нуждается в мире, нуждается в восстановлении своих сил после внешних и внутренних потрясений последних лет», — говорил Извольский, выступая перед депутатами Государственной думы 4 апреля 1908 г. [5, стб. 1776]. Вот почему, определяя публично основные цели российской дипломатии в данном регионе, министр утверждал, что «основные черты нашей политики остаются неизменными: Россия по прежнему не ищет никаких территориальных приобретений на Балканском полуострове и стремится лишь к улучшению судьбы христианского населения Турции, к мирному развитию балканских государств и к сохранению status quo» [5, стб. 1775].

Следует заметить, что и в дипломатической переписке с российской миссией в Софии Извольский оставался верен выбранной линии относительно планов Болгарии. В частности, в одной из секретных телеграмм он требовал «напомнить Станчову ... разговор с ним в Петербурге и самым решительным образом объяснить ему, что при настоящих обстоятельствах провозглашение Королевства не может встретить с нашей стороны никакой поддержки и что последствия опрометчивого решения лягут всецело на ответственность Болгарии» [1, л. 11]. Очевидно, глава МИДа прекрасно понимал, что, в

случае «возникновения осложнений» в связи с провозглашением болгарской независимости, Россия автоматически вынуждена будет вмешаться в конфликт на стороне Болгарии, рискуя, в противном случае, «разом потерять плоды вековых усилий» и утратить роль великой державы.

Однако, несмотря на все предостережения и беседы российской стороны, 5 октября 1908 г. в столице Второго Болгарского царства Велико-Тырново состоялся акт провозглашения независимости Болгарии. Одновременно было заявлено об аннексии Восточной Румелии. Вслед за этим Тырновский митрополит венчал князя Фердинанда I на царство. Это событие поставило европейский концерт и Россию, в частности, перед свершившимся фактом.

Показательно, что принятие Фердинандом «царского», а не «королевского» титула (в отличие от, к примеру, Милана Обреновича в 1882 г. и Николы Черногорского в 1910 г.) сразу привлекло внимание российского МИД. В составленной русским посольством справке сообщалось, что «титул Царя, свойственный болгарскому языку есть «Царь болгарский», что значит «Царь болгар», а не — «Царь Болгарии». Начиная с Петра, наследника Симеона (X век, эпоха Первого Болгарского царства — И. М.) и до завоевания Болгарии турками — носили титул «Царь болгар», независимо от границ царства в разные времена» [2, л. 21об].

Представляется, что, сотрудники российской миссии в Софии уделили внимание истории данного вопроса отнюдь не из праздных соображений, пытаясь, на наш взгляд, с первых дней независимости Болгарии просчитать уровень притязаний новоявленного суверенного монарха, которые, судя по всему, распространялись не только на полную юридическую независимость и суверенитет над Восточной Румелией, но и на гегемонию на Балканах, что, по ряду причин, не входило в планы России. Вместе с тем, в условиях неразрешенного Боснийского кризиса оставлять Болгарию без «русского участия и присмотра» было опасно — последняя все еще рассматривалась как весьма перспективный союзник России на Балканах. Именно поэтому российская сторона приняла самое активное участие в деле урегулирования болгаро-турецкого финансового спора, переговоры по которому к концу 1908 г. зашли в тупик. Вмешательство России в данный процесс привело к подписанию в марте 1909 г. соглашения, которое год спустя получило официальное оформление в виде декларации.

Согласно последней, Российское правительство отказывалось от сорока аннуитетов из числа 74 аннуитетов, еще не выплаченных

Турцией в качестве «военного вознаграждения» по договору от 8 февраля 1878 г. и конвенции 14 мая 1882 г. [2, л. 43 об.]. Турки, в свою очередь, отказывались от претензий на болгарскую дань [2, л. 44 об.]. Болгарское правительство признавалось должником России. Долг — 82 млн. франков — Болгария должна была погасить в течение 75 лет, причем ежегодный взнос составлял 4025600 франков [2, лл. 46 об. — 47 об.]. При этом Болгарии, для выплаты долга России, предоставлялся заем на льготных условиях.

В итоге, 19 апреля 1909 г. был подписан болгаро-турецкий договор о признании независимости Болгарии. Уже 21 апреля царь Фердинанд получил поздравительную телеграмму от Николая II. Россия, таким образом, первой из великих держав (опередив на два дня Англию и Францию, на шесть дней — Германию, Австро-Венгрию и Италию) признала Болгарию независимым государством, а Фердинанда Кобурга — царем Фердинандом I [3, с. 72].

Причины кардинального изменения отношения царской России к объявлению независимости Болгарии очевидны. Во-первых, Россия стремилась хоть как-то компенсировать провал политики Извольского по отношению к аннексии Боснии и Герцеговины. Во — вторых, для русского правительства, вынашивавшего идею создания антиавстрийского блока балканских государств под эгидой России, Болгария, как наиболее мощная на тот период в военном отношении страна региона была форпостом славянства в Европе. Понятно, что именно Болгарии прочилась роль лидера в будущем Балканском союзе. В третьих, операция с «выкупными платежами» Болгарии была задумана и проведена из расчета привязать Третье Царство к России, превратить его в сателлита.

Однако надеждам, возлагаемым на Болгарию, не суждено было сбыться. Хотя реальный (а не гипотетический) Балканский союз был создан при активном участии России, действия его участников Россией уже не контролировались. И наиболее «неуправляемым» из лидеров балканских стран стал как раз Фердинанд I, чьи амбиции и претензии на гегемонию, в конечном итоге, подвели Болгарию к «первой национальной катастрофе» — поражению во второй балканской войне и определили место его страны в системе противоборствующих группировок в Европе.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что позиция России по отношению к провозглашению независимости Болгарии в целом была логична и последовательна. На протяжении нескольких десятилетий русская дипломатия стремилась к сохранению status quo на Балканах, сложившемуся на основе статей Берлинского трактата

1878 г. Вот почему Россия всячески противилась амбициозным планам болгарских монархов относительно любого расширения собственных полномочий. Провозглашение независимости Болгарии, соответствующее чаяниям родственного народа, произошло в тот момент, когда России это было крайне невыгодно, и в такой форме, которая была для России наименее приемлема. Только насущная потребность в реванше за «бухлаусское поражение» вынудила Россию резко изменить отношение к провозглашенной независимости Болгарии. В то же время, как представляется, глубокой стратегической ошибкой русской дипломатии было стремление видеть в Болгарии не столько субъект, сколько объект международных отношений великих держав. Патерналистский, основанный на «славянофильских сантиментах» взгляд на молодое балканское государство, присущий официальным кругам, оказался несостоятельным.

Список литературы:

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 192. Миссия в Софии. Оп. 527. Д. 9.
2. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 192. Миссия в Софии. Оп. 527. Д. 21.
3. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991.
4. В «пороховом погребе Европы». 1878–1914. М., 2003; Воронкова И.Е. Боснийский кризис и его оценка конституционными демократами (К 100-летию события)//Вестник Московского государственного областного университета. 2008. № 4. С. 143–154; История внешней политики России. Конец XIX—начало XX века. М., 1999 и др.
5. Государственная Дума. Созыв II. Стенографические отчеты. Сессия I. Часть 2. СПб., 1908.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА

Меркушева Екатерина Владиславовна

к. ист. н., УдГУ, г. Ижевск

E-mail: ekaterina.merkusheva@gmail.com

Возникновение и развитие культурно-познавательного туризма неразрывно связано с историей возникновения понимания культурных ценностей, признания необходимости их систематизации и разработке нормативных актов по охране.

В последние годы во всем мире наблюдаются тенденции пересмотра отношения к природному и культурному наследию, что связано с глобальными процессами создания общего информационного пространства. Тенденция направлена в сторону перемещения культурного наследия из сферы преимущественно декоративного элемента жизни общества в базовую ценность современной цивилизации. Памятники природы, истории и культуры составляют весомую долю в культурном и природном наследии мира. Они поддерживают природное и культурное многообразие планеты и вносят существенный вклад в устойчивое развитие страны и человеческой цивилизации в целом.

Несомненно, что возможность выполнения наследием этой уникальной по степени ответственности исторической миссии напрямую зависит от его состояния. Осознание этого факта порождает все более активную работу международного сообщества по обеспечению гарантированной сохранности наследия.

Современный этап истории развития культурно-познавательного туризма. Конец XX–начало XXI века — этап осознания опасности глобального и бесконтрольного использования культурных ресурсов. Характеризуется наличием следующих факторов: межкультурное влияние, создание единого информационного пространства, законодательное регулирование, разработка и внедрение программ по сохранению культурного наследия.

90-е годы XX века характеризуются снижением показателей темпов роста массового туризма. Период неограниченного роста и бесконтрольной эксплуатации окружающей среды подходил к концу. Мировая экономика находилась в состоянии структурного спада. Процессы столкновения мировой экономики и геополитической реструктуризации породили новые глобальные процессы, угрожающие исчезновением мировому культурному наследию.

Бовтун И. В. в своей работе «Развитие туризма в Западной Сибири: история, опыт проблемы (1980–2005 г.)» выделяет два периода.

Первый период 1991–1998 — переходный от советского профсоюзного туризма к коммерческому. Эти изменения были обусловлены распадом в 1991 году СССР и утверждением демократической России. Резкий спад активности во внутреннем туризме, обусловленный сокращением плановых маршрутов из-за распада СССР, а также либерализацией цен, имеющей целью создания в стране рыночной экономики, и приведшей к резкому удорожанию туристско-экскурсионных услуг. Туризм теряет свою социальную направленность, так как главной целью новых туристических предприятий, основанных на частной и смешанных формах собственности, становится быстрое извлечение прибыли. В этот период в первую очередь развивается выездной туризм как деятельность, не требующая капиталовложений в местную туристскую индустрию [1, с. 28].

Однако, финансовый кризис 1998 года привел к резкому сокращению выездного туризма, туристские фирмы региона начинают развивать внутренний и экскурсионный туризм.

Второй период наступил после августа 1998 и продолжался по 2005 год. В посткризисный период в связи с интенсификацией внутреннего туризма возникает устойчивый спрос на внеклассные гостиничные услуги с низким сервисом и требовательностью, при адекватной низкой цене размещения. В условиях рыночных преобразований в государственном регулировании преобладали меры прямого законодательного воздействия, что было необходимо для быстрого запуска рынка. Упорядочение нормативно-правовой основы деятельности туристических фирм благотворно сказалось на их территориальном размещении и продвижении внутри региона. После 2000 г. наблюдается максимальный рост количества туристических фирм, осуществляющих организацию въездного туризма [1, с. 28–30]

С управленческой точки зрения усталость от туризма, экологический упадок, переполненность определяют необходимость сменить ассортимент услуг и практику управления. Данная тенденция связана также со сменой приоритетов в туризме, настроением и намерениями самих туристов, изменением потребностей.

На сегодняшний день в России ценности истории и культуры являются одним из незащищенных и уязвимых участков деятельности государства. Результатом данной тенденции является ряд объективных

факторов. В условиях бедности и социальной незащищенности, имущественного расслоения общества ценности культуры отодвигаются на второй план.

Объекты культурного наследия в последние десятилетия оказались под угрозой «экологической агрессии» распространенных способов ведения хозяйства и присущего современному человечеству образа жизни в целом. В результате многие ценные памятники истории и культуры были полностью или частично утрачены [4, с. 28]

Современное положение в рассматриваемой сфере характеризуется полномасштабным проявлением сформировавшихся в предшествующие годы тенденций негативного воздействия экологических факторов на памятники истории и культуры. В последние годы экологическая ситуация в стране в целом и в большинстве ее регионов не была более агрессивной, чем ранее. Однако, многолетний груз экологического воздействия все более явно дает о себе знать, демонстрируя, таким образом, переход количественных изменений в качественные. Острота этой проблемной ситуации во многом обусловлена резко снизившимися в последнее десятилетие объемами работ по поддержанию памятников (ремонт, реставрация и пр.), все шире распространяющейся их бесхозностью, а также снижением общей эффективности государственного и общественного контроля в рассматриваемой сфере.

Активное вхождение в Список Всемирного наследия стало одним из основных направлений реализации российской политики сохранения наследия. Другим направлением стало формирование национального Списка особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, ведущегося с 1992 г. Сейчас в этом списке насчитывается 62 объекта [3, с. 125].

В ноябре 2005 г. в Москве состоялась международная конференция «Инновационная политика в сфере сохранения культурного наследия и развития культурно-познавательного туризма», на которой обсуждались проблемы сохранения культурного наследия и перспективы использования этого наследия в культурном туризме [4, с. 33]

В ходе данной конференции был разработан ряд федеральных целевых программ по сохранению, возрождению и использованию культурно-исторического потенциала страны в интересах развития туризма. Согласно Федеральной целевой программе «Культура России (2006–2010 годы)» развивается тема «Культурное наследие исторических городов и территорий Русского Севера — фактор устойчивого развития культурно-познавательного туризма».

Федеральная целевая программа «Сохранение архитектурного наследия и развитие инфраструктуры исторических городов России на 2008–2012 годы до 2017» предусматривает решение задач развития исторического и культурного наследия исторических городов как туристических центров России; использование историко-культурного наследия исторических городов в качестве не только памятника, но и важнейшего ресурса социального и экономического развития региона в будущем [4, с. 29–30]

В настоящее время складывается механизм международного сотрудничества в сфере культурного туризма, который включает межгосударственные образования и неправительственные организации. Складывается правовая основа культурного туризма.

Таким образом, Российская Федерация обладает огромным культурно-познавательным потенциалом. В стране сконцентрировано большое количество объектов культурного наследия.

Наибольший потенциал историко-культурного наследия хранит себе Северо-Западный регион России, колыбель зарождения древнерусского государства. Так, на территории Ленинградской области сохранилось более 3900 памятников истории и культуры, около 690 памятников археологии, около 100 памятников искусства, 7 крепостей и 19 монастырей. Тысячи исторических памятников находятся на территории Архангельской области, Псковской и Новгородской областей [2, с. 134]

Для популяризации других регионов Российской Федерации в 2007 году в Суздале обсуждалась целевая программа «Развитие историко-культурных зон в Российской Федерации (2009–2013)» [4, с. 32]

Важнейшая функция общения государств в современных условиях — это сотрудничество в области культуры. Одним из видов такого сотрудничества является обмен и распространение культурных ценностей. В результате межгосударственного общения происходит взаимообмен культурными ценностями, на основе которого народы разных стран могут ознакомиться с культурным наследием, составляющими коллекции самых различных культурных учреждений мира

Список литературы:

1. Бовтун И. В. Развитие туризма в Западной Сибири: история, опыт, проблемы в 1980-х — 2005 гг.: диссертация кандидата исторических наук Барнаул, 2006. 261 с.

2. Власов Т. И. История Российского туризма: учеб. пособие. СПб., Д.А.Р.К. 2009. 432 с.
3. Соколова М. В. История туризма: учеб. пособие. 6-е изд. — М.: «Академия», 2010. 352 с.
4. Чеботарев И. А. Культурный туризм: международное правовое регулирование// Культура: экономика, управление, право 2004 № 4. — С. 28–35.

К ВОПРОСУ О РУССКО-АМЕРИКАНСКОЙ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 1904 ГОДУ

Писчикова Наталья Петровна

*к. ист. н., доцент кафедры истории России, Рязанского
государственного университета имени С. А. Есенина, г. Рязань*

E-mail: n.pischikova@rsu.edu.ru

Русско-японская война внесла коррективы во внешнеторговые отношения США и России. В связи с чем, значительно расширились сибирский и дальневосточный рынки для американских товаров. Объемы торговли между двумя странами постоянно росли.

Необходимо заметить, что годы, выпавшие на период русско-японской войны, складывались более удачно для США. В 1904–1905 годах США переживали подъем в экономической сфере по сравнению с предшествовавшими годами. Данный период был удачен и для внешней торговли страны. Если сравнить экономическое положение, в котором находилась Россия, то следует упомянуть, что после кризиса 1900–1903 годов в нашей стране только начинался процесс восстановления экономики. Кроме того, не надо забывать, что боевые действия, также не способствовали быстрой нормализации экономики, война затронула жизнь всего дальневосточного региона, который занимал немаловажное место в системе экономической жизни России. Ухудшение отношений с Китаем закрыли для России рынки этой страны, что повлекло за собой снижение уровня производства легкой промышленности.

Приведенный ниже анализ документов и материалов Российского государственного исторического архива, Архива внешней политики России, а также Обзоров внешней торговли России по Европейским и Азиатским границам за 1895–1905 гг. доказывают, что русско-японская война значительно повлияла на русско-американскую

торговлю 1904—1905 годов, а показатели 1904 года по ряду статей товарообмена не только не сокращаются, а наоборот, в несколько раз увеличиваются.

При тщательной сравнительной характеристике торговых отношений США с Россией и Японией во время войны можно с уверенностью сказать, что, несмотря на заявление США о «строгом нейтралитете» [1, л. 13 об.], симпатии представителей американского бизнеса были на стороне Японии. Особенно большие выгоды получали американские бизнесмены, прибегавшие к контрабандной торговле. Так, с началом войны Россия «объявила съестные продукты контрабандой» [1, лл. 230–231]. Однако многие американские фирмы, не взирая на запрет, вели контрабандную торговлю в пользу Японии этими товарами.

В японские порты постоянным потоком прибывали из Европы и Америки корабли с военной контрабандой, причем капитаны пароходов снабжались «двойными документами», т.е. по официальным документам грузы назначались в какой-нибудь нейтральный порт, а по другим документам — в Японию.

Борьба против военной контрабанды приняла весьма острые формы во второй половине 1904 года. Русское правительство объявило военной контрабандой ряд товаров, предназначенных для Японии, и русский флот начал проводить систематические операции по захвату нейтральных судов с контрабандным грузом. Отношение к «нейтральным» судам вызвало среди правящих кругов Соединенных Штатов большое негодование, ибо, во-первых, они наносили сильный удар по «крупной контрабандной торговле с Японией», которую вели с ней с начала войны «многие американские коммерческие фирмы» [3, лл. 224–231; 244–245], а во-вторых, эти действия могли поставить Японию в весьма тяжелое положение.

Правительство Соединенных Штатов немедленно поспешило на помощь Японии. США направили России ноты от 1 и 30 августа, 13 и 17 октября 1904 года с целью значительно урезать список товаров, объявленных контрабандными и подлежащих конфискации. Кроме того, в одной из своих последующих нот государственный секретарь США настаивал на том, что эти товары не могут быть захвачены и конфискованы, «если нельзя будет доказать», что они действительно предназначены для сухопутных или морских сил воюющего государства.

Претензии были сформулированы так, что предоставление подобных «доказательств» является практически неосуществимым делом. Зная, что Россия не сможет предоставить доказательства,

правительство США, заявляло, тем не менее, русскому правительству протест против захвата товаров.

В одной из своих нот, протестуя против захвата русскими контрабандных товаров, государственный секретарь США обвинял русскую сторону в потере здравого смысла из-за ввода в контрабандные товары угля, горючего, хлопка-сырца. Такое расширенное толкование контрабанды, при котором эти товары «подводятся под категорию военной контрабанды только из-за того, что они перевозятся нейтральными судами в неблокированный порт воюющего государства, противоречит здравому смыслу и законам нейтральной торговли» [4, лл. 276–276 об.].

США начали открыто выступать на стороне Японии. В начале июня в Петербурге было получено сообщение из Пекина, в котором говорилось, что «американская эскадра в южнокитайских водах получила приказание перейти в Чифу и крейсировать в Чжилийском заливе» [2, л. 914]. В июне морское ведомство США отдало приказ Тихоокеанской эскадре отправиться на север, к берегам Японии [2, л. 943].

Все эти передвижения американских военно-морских эскадр, преследовали одну цель — оказать помощь Японии, заставить Россию угрозами и шантажом прекратить или, по крайней мере, ослабить борьбу против военной контрабанды в пользу Японии. Правящие круги Соединенных Штатов, осуществлявшие широкую экономическую помощь Японии, с самого начала стремились угрозами заставить правительство России ликвидировать или максимально ослабить эту блокаду. Вопрос о контрабанде сравнительно скоро потерял свою остроту ввиду обозначившегося господства Японии на море, в результате чего блокада японских островов русским флотом стала практически совершенно неэффективной.

Таким образом, данный период внес коррективы во внешнеторговую деятельность между США и Россией. Так, в несколько раз вырос экспорт России в США. За первое десятилетие XX в. ценность вывоза России в США значительно возросла по сравнению с другими странами в период с 1891–1900 годы. В 1891–1900 годах вывоз в США составил 2,6 млн. руб., в 1901–1910 годах — 6,0 млн. рублей, за эти же периоды вывоз в другие страны составил соответственно 660,7 и 1073,0 млн. рублей. Следовательно, в 1901–1910 годах вывоз в США возрос более чем в два раза.

Заметим, что за рассматриваемые периоды привоз из США в Россию всегда превышал вывоз в США из России, однако, прямое сообщение между двумя этими странами было недостаточно развито,

поэтому некоторые товары, предусмотренные для вывоза в США, перегружались в портах Западной Европы (Голландия, Германия, Великобритания) и регистрировались как товары для этих стран. Кроме того, многие страны играли посредническую роль между Россией и США. В годы русско-японской войны большое место отводилось перевозке товаров из России на иностранных судах во избежание конфискации их японской стороной. По документам департамента таможенных сборов России и департамента торговли США по русско-американской торговле мы можем судить о роли иностранных посредников в русско-американской торговле.

Подводя итог рассмотрению товарообмена между Россией и США, отметим, что их торговые отношения имели большое значение. Однако вскрыть реальные размеры взаимоотношений двух стран сложно вследствие посреднической роли ряда западноевропейских стран и недостаточного развития сообщений между государствами.

Теперь обратимся к рассмотрению основных товаров, вывозимых в США в период 1901–1905 годы в сравнении с периодом 1891–1900 годы. Обратим особое внимание, что в 1901–1905 годах увеличились статьи вывозимых товаров: по статистическим данным новыми видами товаров стали щетина и резиновые отбросы. Особую роль в русско-американской торговле играли кожевенные товары, занимающие значительное место и в вывозе и в привозе. Американская кожевенная индустрия значительно зависела от стран, производящих кожевенное сырье, лидером среди которых была Россия. Немаловажное место в русско-американской торговле отводилось шерсти, особенно донской («Donskol wool»), которая в США шла на изготовление ковров. Из данного сорта шерсти получались лучшие виды ковров. Таким образом, первое место из вывозимых товаров в США занимали продукты животноводства — кожа, шерсть, щетина и т. д. Если в период 1891–1900 годов вывозилось кожи 6,0 тыс. пудов, то в 1901–1905 годах — 28,1 тыс. пудов; шерсть — 103,4 тыс. пудов (1891–1900 годы), 266,4 тыс. пудов (1901–1905 год); щетины — в 1891–1900 годах не вывозилась, в 1901–1905 годах — 0,3 тыс. пудов.

Вторым по объему вывоза был солодковый корень, который занимал существенное место в русско-американской торговле, так как США являлись важнейшим рынком для его сбыта. Вывоз его в США также увеличился в период 1901–1905 годы и составил 803,2 тыс. пудов. Кроме перечисленных выше товаров, отметим резиновые отбросы, лен, пеньку и марганцевую руду. Особо отметим, что вывоз пеньки, льна и марганцевой руды в отличие от других товаров в рассматриваемый период 1901–1905 годов заметно

уменьшился и составил: лен — 34,9 тыс. пудов, пенька — 0,4 тыс. пудов, марганцевая руда — 2481,0 тыс. пудов (1891–1900 годы); лен — 13,0 тыс. пудов, пенька — 0,2 тыс. пудов, марганцевая руда — 899,7 тыс. пудов. Сведения о вывозе резиновых отбросов, о которых ранее не упоминалось в статистике, мы можем найти именно в период 1901–1905 годы — 113,5 тыс. пудов.

Основными американскими товарами, поставляющимися в Россию, были продовольствие, цветные металлы, промышленное и сельскохозяйственное оборудование, предметы быта, хлопок.

Проанализируем привоз товаров из США в Россию в порядке занимаемой ценности. На первом месте стоял хлопок. США в начале XX века стали наиболее крупной страной по его производству. Кроме того, получаемый хлопок в США отличался высоким качеством и количеством. Поставки хлопка в рассматриваемый период увеличились незначительно: с 4 763 тыс. пудов в — 1891–1900 годах до 4 797 тыс. пудов в — 1901–1905 года. Проанализировав соотношение общего ввоза хлопка в Россию из других стран и отдельно из США, мы пришли к следующему выводу: в годы войны происходит уменьшение как общего ввоза, так и ввоза со стороны США — 1903 год — общий ввоз 14 055 тыс. пудов, из США — 6 154 тыс. пудов; 1904 год — 12 022 тыс. пудов и 4 940 тыс. пудов соответственно. Это было связано со снижением уровня работы текстильной промышленности России. Кроме того, до 36% уменьшилась доля США во ввезенном хлопке. Вследствие этого, половину потребности русской текстильной промышленности покрыли за счет отечественного хлопка.

После хлопка лидирующие позиции занимают сельскохозяйственные машины. В 1904 году США (37,1% от общего ввоза) по ввозу сельскохозяйственных машин в Россию догоняют главного ее поставщика — Германию (38,1% от общего ввоза) [6, с. 43, 52].

Среди сельскохозяйственных особое место отводится сложным уборочным машинам, изготовление которых было монополизировано в США. Нельзя забывать и о таких видах уборочных машин, как сенокосилки, жатки, сноповязки, которые наибольшую популярность нашли именно в России. Прослеживается увеличение ввоза сельскохозяйственных машин: 318,2 тыс. пудов (1891–1900 годы), 1261,4 тыс. пуда (1901–1905 годы) [5, с. 134].

Товарообмен между США и Россией в области металлов не имел особого значения. В привозимые из США металлы входили чугун, железо, жель, сталь, медь и ее сплавы, свинец. Можно отметить среди данных товаров только медь и свинец, меди по значению ввозимых

товаров отводилось третье место — 60,6 тыс. пудов, свинец 6,3 тыс. пудов (1891–1900 годы); медь 173,7 тыс. пудов, свинец — 80,1 тыс. пудов (1901–1905 годы). В период 1891–1900 годов из США в Россию ввезли металлов на 43 392,1 тыс. рублей, а в 1901–1905 годы — на 48 359,9 тыс. рублей [6, с. 23]. Хотя мы можем проследить рост ввоза металлов, но по сравнению с другими данные товары занимали малое место в товарообороте двух стран. Необходимо заметить, что в период русско-японской войны заметно увеличивается ввоз цветных металлов из США в Россию. В 1904 году США были вторым поставщиком меди, алюминия и никеля после Германии (Германия поставила 42,4%, а США — 19,1% меди, алюминия и никеля в процентном отношении ко всему их ввозу) [6, с. 43].

Необходимо упомянуть товары, привоз которых в период 1901–1905 годов по сравнению с 1891–1900 годами также увеличился — мука, сало и масло, семена растений, дубильные вещества, железные и стальные изделия, джут сырец. Отметим также товары, вывоз которых в рассматриваемый период сократился — хлеб (в зерне), кожа, гарпиус и галипот, краски и красящие вещества, шерсть. В 1891–1900 годах хлеб — 296,8 тыс. пудов, кожа — 103,1 тыс. пудов, гарпиус и галипот — 893,1 тыс. пудов, краски и красящие вещества — 819,8 тыс. пудов, шерсть — 2,9 тыс. пудов; в 1901–1905 годах: хлеб — 283,3 тыс. пудов, кожа — 89,8 тыс. пудов, гарпиус и галипот — 651,9 тыс. пудов, краски и красящие вещества — 578,9 тыс. пудов, шерсть — 0,9 тыс. пудов [7, с. 25].

Обратим внимание на такую статью товарообмена, как металлические изделия (железные и стальные), а также машины из чугуна и стали, пишущие машинки. Однако в данной области скорее можно говорить только о привозе в Россию из США, о вывозе этих товаров речь не шла. По всем перечисленным выше видам изделий прослеживалась динамика возрастания поставок в 1904 году по сравнению с довоенным уровнем и падение в 1905 году. В 1903 году: железные и стальные изделия — 12 тыс. пудов, машины из чугуна и стали — 53 тыс. пудов, пишущие машинки — 2,1 тыс. пудов; 1904 год соответственно — 14 тыс. пудов, 57 тыс. пудов, 204 тыс. пудов [6, с. 60]. Что касается других видов металлических изделий, ввозимых в Россию из США, таких как машины для переработки волокнистых веществ, компрессоры, швейные машины, станки для обработки металлов, машины для стирки, чугунные и стальные трубы, домовые приборы, ручной инструмент, то до 1906 года они регистрировались в статистике совместно с другими товарами или сведения о поставках

разделялись на поставки в европейскую и азиатскую Россию (отдельно и в долларах).

В итоге подчеркнем, что торговая сфера была наиболее развитой в экономических отношениях между США и Россией. По результатам исследований внешнеторговых отношений России и США можно сделать вывод, что русско-японская война внесла коррективы во взаимоотношения двух стран. По ряду статей торговля между ними увеличилась, появились новые статьи обмена. Однако существовали и противоречия, так как США заняли в период войны не «нейтральную» позицию по отношению к России и Японии, а больше привилегий отдали Японии, к тому же вели контрабандную торговлю на нейтральных судах. После запрета России ряда товаров и продуктов, США открыто поддержали позицию Японии. Проведенный анализ внешнеторговых отношений России и США показал, что США вели двойную политику и действовали сугубо в своих интересах. Прежде всего, их интересовали богатейшие земли русского Дальнего Востока. Однако данные земли при сильной России представлялись недостижимыми для США. Поддерживая Японию, также заинтересованную в этом регионе, США, сталкивая два государства, могли беспрепятственно вести неравноправную торговлю с Россией и Японией.

Список литературы:

1. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1903. Д. 114.
2. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1904. Д. 129. Т. 1. (22 мая (5 июня) 1904 г.
3. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 512. Д. 129. Т. 1.
4. АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512. 1904. Д. 179. Л. 276–276 об. Приложение (из «New York Herald» от 9 августа 1904 г. с изложением ноты Хэя).
5. Абрамов А.И. Экономическая история США. — Куйбышев: Книжное издательство, 1965.
6. Обзор внешней торговли России по Европейским и Азиатским границам за 1895–1905 гг. — Спб., 1897–1907. За 1904 год. — СПб., 1906. — С. 23.
7. Россия и США: торгово-экономические отношения. Сб. архивных документов. — М.: Наука, 1996. (Таблица № 5).

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В ДЕРЕВНЕ СТАВРОПОЛЬЯ КОНЦА XIX–НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Скляр Лидия Николаевна

к. ист. н., доцент СИЭУ ФПГГТУ, г. Ставрополь

E-mail: 159-2@yandex.ru

Вторая половина XIX века стала переломным периодом в истории российского крестьянства и его социальной эволюции в общегосударственную структуру общественных отношений. Отмена крепостного права и последовавшие за ней реформы ознаменовали собой не только переход на новые формы хозяйствования, но и стали отправным пунктом коренной ломки социальных стереотипов. Развитие крестьянского хозяйства в это время, с экономической точки зрения, как в России, так и в Ставропольской губернии характеризовалось углублением процесса выделения среди крестьян качественно отличных групп. Определенное воздействие на динамику этого процесса оказывали зарождавшиеся в стране капиталистические отношения в сфере производства сельскохозяйственной продукции. В конце XIX–начале XX века экономическое положение различных сословных групп сельского населения было неодинаковым, однако, по мере развития капитализма этот критерий динамично изменялся, а на первый план выдвигалась тенденция сближения различных групп по социальным признакам. Традиционно однородное русское село вступило в противоречивую эпоху, с одной стороны, разграничения жителей на четкие и конкретные категории, с другой — их интеграции на основе одинаковых условий жизни и деятельности.

Если обратиться к исторической ретроспективе, то она показывает, что в своём развитии процесс расслоения крестьянства проходил через определённые стадии. При господстве натурального хозяйства в среде сельского населения имела место простая имущественная дифференциация, обусловленная многочисленными факторами, имевшими обратимый характер. Другими словами этот процесс не был постоянным, и очень часто его участники менялись местами. Бедные богатели, а богатые в силу различных обстоятельств утрачивали, казалось бы, навсегда достигнутое благополучие. Поэтому, на наш взгляд, о расслоении крестьян, как устойчивом процессе, затронувшем все без исключения сферы сельской жизни, предпочтительней говорить в контексте перехода от натуральных хозяйств к товарному земледелию. В конце XIX — начале XX века капиталистический уклад в сельском хозяйстве стал господствующим и вовлёк в свою орбиту все социально —

экономические типы существовавших до этого крестьянских хозяйств, выравнивая их положение.

В этом смысле специфика Ставропольской губернии заключается в том, что существенные перемены в социальной структуре ее сельского населения тесно связаны с процессом колонизации и экономического освоения свободных территорий в пореформенный период. Совпав по времени с развитием капиталистических форм хозяйствования, а, скорее, став его следствием, этот процесс на первых порах не имел ярко выраженных характеристик. На самом деле интегрированное общество в ставропольском селе появилось позже, когда закончилась адаптация переселенцев и хозяева приступили к привычному для них роду занятий. Именно после этого под влиянием быстрого развития капитализма в сельском хозяйстве ускорился процесс социального объединения крестьян, правда, в сёлах и станицах появились социальные категории с присущими им групповыми признаками. Подтверждением служит мнение И. Д. Ковальченко, считавшего, что основным фактором, определявшим характер и глубину расслоения сельского населения, являлась степень развития в деревне товарно-денежных отношений, а одним из важнейших показателей степени расслоения — численное соотношение различных групп крестьян и его динамика [2, с. 31].

Ранее дифференциация крестьян обосновывалась количеством рабочего скота в хозяйстве. Этот показатель давал достаточно объективное представление о процессе расслоения сельского населения, являясь к тому же одним из основных критериев оценки состоятельности. На Ставрополье его значимость выделялась той особенностью, что в условиях многоземелья размер посевных площадей зависел главным образом от наличия в хозяйстве возможностей их обработки.

В качестве источника, дающего полный объем сведений о подворном распределении лошадей и рабочих волов, лучше всего использовать ежегодные обзоры Ставропольской губернии, которые прилагались к отчётам губернатора. Данные казенной статистики дают возможность судить об экономическом положении отдельных хозяйственных групп сельского населения. Например, подсчеты подворного распределения рабочего скота в каждом селении говорят о том, что в Медвеженском уезде Ставропольской губернии бедняцкая группа составляла 49,3 %, средняя группа — 38,1 %, зажиточная группа — 12,6 % [5, с. 12].

При использовании названного показателя следует учитывать, однако, что в 80-х–начале 90-х годов XIX века большую половину рабочего скота в крестьянских хозяйствах губернии составляли волы, за исключением Медвеженского уезда, где в это время в сельском хозяйстве

больше применялись лошади. В этом уезде к концу XIX столетия оставалось значительно меньше целинных земель, для поднятия которых необходимы были волы [3, с. 16]. Поэтому более или менее правильное представление об обеспеченности крестьянских хозяйств рабочим скотом можно составить при раздельном рассмотрении положения с рабочим скотом в Медвеженском уезде и других уездах Ставропольской губернии: Ставропольском, Новогригорьевском и Александровском.

В то же время, приведенные данные могут быть использованы как для выводов о темпах и динамике расслоения крестьянства, так и в качестве подтверждения интеграционных процессов в этой среде. Если ранее особенно быстро росли две противоположные группы сельского населения — беднота и кулачество, то с развитием капитализма стала появляться большая прослойка середняков, она постоянно пополнялась новыми партиями переселенцев, большая часть которых была хозяевами среднего достатка. В советский период бытовало мнение, что основная часть переселенцев относилась к беднякам, что противоречит правительственным планам экономического освоения северокавказского региона и не соответствует взятому курсу на повышение уровня производства товарного хлеба.

Как известно, основной поток крестьянской миграции направлялся на Ставрополье из Воронежской, Курской, Орловской и Полтавской губернии [6, с. 29]. В определенной мере можно говорить о том, что само переселенческое движение оказывало влияние на расслоение крестьянства, но это влияние носило временный характер, весь вопрос в том, как долго вновь прибывшие на Ставрополье крестьяне осваивались в новых условиях до того момента, когда они получали свой первый урожай. В местах выселения этот процесс был менее заметен, поскольку состав переселенцев по уровню благосостояния не был постоянным. Бедные крестьяне решались на переезд в надежде раз и навсегда покончить со своим жалким существованием. Их богатые односельчане строили планы расширения производства и преумножения своего состояния. Как правило, и тем и другим удавалось в итоге реализовать свои намерения, если не брать во внимание отдельные факты обратного переселения лиц, не выдержавших испытаний переходного периода из одного состояния в другое. Таких было немного по отношению к общей численности переселенцев, и их количество не влияет на общую картину рассматриваемой проблемы.

Процесс расслоения крестьянства на Ставрополье имел своим следствием возникновение, с одной стороны, многочисленных крупных хозяйств кулаков, с другой стороны — массы бедняков и особой категории безземельных крестьян — «иногородних». Официально

появление иногородних в сельской местности губернская администрация связывала в первую очередь с ростом населения и сокращением свободной земельной площади. В материалах землеустроительной комиссии указывалось на этот счет, что «пока количество земли, находившейся во владении ставропольских крестьян, превышало потребности населения, выходцы из внутренних губерний устраивались сравнительно без особых затруднений. Но с течением времени запас свободных угодий, пригодных для сельскохозяйственного пользования, заметно сократился, вследствие чего положение иногородних переселенцев резко изменилось к худшему» [1, с. 45].

Фактически «иногородними» назывались переселенцы, которые проживали в сёлах и станицах, но не являлись членами сельской общины. Они были ограничены в правах по сравнению с основным сельским населением: не могли получить земельного надела, не имели возможности выступать или вносить предложения на общих сходах. Их положение первоначально было действительно тяжёлым. Впервые проблема иногородних была официально поднята в обзоре Ставропольской губернии за 1885 год, при этом сообщалось, что наблюдался большой наплыв людей, прибывших из 42-х губерний и областей России. Эти переселенцы занимались ремеслом и сельским хозяйством, но к оседлому населению они не были причислены и не входили в число «коренных жителей». Таких людей насчитывалось в общей сложности около 26 тысяч, и среди них значились «отставные и запасные нижние чины, кроме того, живущие временно по отхожим промыслам. Указывалось, что «вообще подвижного населения, не поддающегося правильной регистрации приблизительно около 30 тысяч» [4, с. 25].

Список литературы:

1. ГАСК. Ф. 102. Оп. 1. Д. 11. Л. 41, 44–45.
2. Ковальченко И. Д. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства европейской России в эпоху капитализма. — М.: МГУ, 1988. — 126 с.
3. Обзор Ставропольской губернии за 1884 год. — Ставрополь: Типография Губернского Правления, 1885. — 112 с.
4. Обзор Ставропольской губернии за 1885 год. — Ставрополь: Типография Губернского Правления, 1886. — 215 с.
5. Обзор Ставропольской губернии за 1890 год. — Ставрополь: Типография Губернского Правления, 1891. — 110 с.
6. См.: ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 306. Л. 36–78, 217–245.

НЕФТЕГАЗОВЫЙ КОМПЛЕКС И МОДЕРНИЗАЦИЯ (вторая половина XX — начало XXI вв.)

Славкина Мария Владимировна

*к. ист. н., старший научный сотрудник Института проблем нефти и
газа РАН (ИПНГ РАН), г. Москва
E-mail: slavkina.oil@mail.ru*

В связи с дискуссией о роли отечественного нефтегазового комплекса (НГК) в жизни России актуальным представляется исторический анализ влияния НГК на социально-экономическое развитие страны в 1945–2008 гг. В основе исследования — модернизационная парадигма, рассматривающая исторический процесс как смену аграрного, индустриального, постиндустриального и информационного обществ [3, с. 32–34].

Индустриальный этап. В центре внимания — послевоенное двадцатилетие, включающее восстановление, завершение индустриализации и развитие страны до попыток реформирования 1965 г. Именно в этот период сложился и оформился нефтегазовый комплекс — единый промышленный комплекс, обеспечивающий разведку, добычу, транспортировку и переработку углеводородов — нефти и газа.

В 1945–1965 гг. НГК демонстрировал высочайшие темпы роста, гораздо более высокие, чем общая динамика развития народного хозяйства. За двадцать послевоенных лет добыча нефти выросла в 12,5 раз с 19,4 до 241,7 млн т. [2, с. 134], добыча газа — в 38,7 раза с 3,3 до 127,7 млрд м.куб. [1, с. 62].

Факторы, обеспечившие подобные результаты, были разные. Для нефтяной промышленности решающее значение имело открытие и освоение новой ресурсной базы — Урало-Поволжья, иначе называемого «Вторым Баку». Для газовой отрасли принципиальным явилось то, что на самом высоком уровне была сформулирована задача повышения доли газа в топливном балансе страны, что повлекло за собой целый комплекс мероприятий — начиная от целенаправленных усилий по поиску и разведке запасов газа до институционального оформления отрасли (решающее значение имело создание в 1957 году Главгаза СССР под руководством А. К. Кортунова). Работа НГК в этот период основывалось на самых передовых достижениях науки и техники, а комплекс являлся важнейшим потребителем того, что принято называть высокими технологиями.

В модернизационном аспекте форсированное развитие НГК отражало самые передовые тенденции, характерные для индустриального развития: 1) шла стремительная моторизация мировой экономики, а, следовательно, нефти требовалось все больше; 2) с развитием индустриального общества набирали остроту такие вопросы, как борьба за повышение эффективности производства и экологические последствия промышленного роста. В СССР, где имелись значительные углеводородные ресурсы, нефть и газ не только обеспечивали другие отрасли топливом и энергией, но и стимулировали модернизационные процессы, связанные с завершением построения индустриальной экономики, базировавшейся на суперсовременном топливно-энергетическом фундаменте.

Так, большое количество экономически крайне выгодных углеводородов сделало возможным мощный рывок в области транспорта. За 20 лет грузо- и пассажироперевозки выросли соответственно в 7,4 и 5,4 раза. При этом развитие транспорта сопровождалось качественными изменениями. Транспортная система приобрела гораздо более прогрессивную структуру: развивалась гражданская авиация (по сравнению с 1940 г. рост пассажироперевозок составил 190 раз!), заметную роль стал играть автомобильный грузовой и пассажирский транспорт (за двадцать лет перевозки выросли соответственно в 29 и 240 раз!), на железных дорогах в локомотивном парке стал лидировать тепловоз (в 1965 году его доля составляла 45 %). Огромную страну объединила развитая транспортная система, одна из самых совершенных в мире. В удаленные уголки страны стали летать новенькие самолеты, ходить современные тепловозы. Доступность билетов, обеспеченная, в том числе, и низкой себестоимостью топлива, давала возможность людям активно ездить по стране, путешествовать, навещать родных и близких.

Существенной была нефтяная компонента и в модернизации строительства. На смену лагерьному труду с механизацией в виде тачки двуручной (или как ее называли, «машины ОСО (особое совещание) — два руля, одно колесо) пришел технологический процесс с использованием разнообразной строительной техники. С 1950 по 1965 гг. оснащенность экскаваторами, бульдозерами и передвижными кранами выросла соответственно в 33, 86 и 76 раз. Такой бурный рост техники также требовал соответствующих количеств доступных нефтепродуктов.

Даже село, переживающее нелегкие времена, ощутило живительный эффект «черного золота». Тысячи тракторов, комбайнов и другой техники пришли на поля и поддержали производительность

труда, не допустив стремительного развала аграрного сектора. Энерговооруженность одного работника выросла с 1,7 л. с. в 1950 г. До 7,7 л. с. в 1965 г., т. е. в 4,5 раза. К началу 1960 гг. было механизировано около 98 % посевных работ и порядка 92–94 % работ по уборке зерновых культур [5, с. 95, 138].

Нельзя не отметить и мощный инновационный потенциал газовой отрасли. Приведем лишь один пример. В 1961 году началось строительство газопровода Бухара-Урал, который должен был связать газовые месторождения Средней Азии и сидящий на голодном топливном пайке бурно развивающийся Урал. В те годы СССР не производил трубы большого диаметра. По долгосрочному соглашению 1960 года советские внешнеторговые организации разместили в Западной Германии заказы на поставку таких труб. Канцлер ФРГ Конрад Аденауэр вначале одобрил контракты, но затем под давлением США наложил на них запрет, заявив 11 апреля 1963 года, что осуществление заказа «угрожает безопасности ФРГ». Правительство в Бонне, следуя рекомендациям КОКОМ (координационный орган НАТО), ссылаясь и на «интересы безопасности союзников». Крупнейший проект оказался под угрозой срыва. Однако в кратчайшие сроки Челябинский трубопрокатный завод (ЧТПЗ) выполнил правительственное задание и срочно наладил выпуск труб диаметром 1020, пустив стан «1020». Впервые в мире была разработана и освоена новая технология производства двушовных труб, не уступающих по прочности зарубежным. Производство этих труб повлекло за собой настоящую инновационную революцию в металлургии.

Первые шаги молодой отрасли коренным образом повлияли и на повседневную жизнь миллионов людей. За сухим выражением «коммунально-бытовое потребление газа» в то время крылся переворот в качестве и уровне жизни целых поколений. Используемый в приготовление пищи, для нагрева воды и отопления помещений — газ приносил с собой заметное облегчение советского быта. Заметно упрощались готовка и стирка, были решены многие проблемы с горячей водой, постепенно уходили в прошлое керосинки и примусы. Не так ощутимые для Москвы, которая была обеспечена газом сразу после войны, эти перемены были колоссальными для других крупных городов и поселков. Разве можно было говорить о налаживании хоть сколько-нибудь приличных условий жизни, когда в таком «визитном» городе, как Ленинград, отсутствовало даже центральное отопление? А что говорить о селе? Если в 1955 году газоснабжением было охвачено всего лишь 8 % населения европейской части страны, то через десять лет уже 22 %. По сути, именно в то время начали складываться и

укрепляться те стандарты жилищного обустройства, которые привычны и понятны современному человеку [4, с. 46].

На индустриальном этапе мощный, быстро растущий и находившийся на передовых научно-технических позициях НГК являлся необходимой составной частью проведения широкомасштабной модернизации народного хозяйства и отражал объективные тенденции углеводоризации экономики. Важно отметить, что наряду с решением задачи завершения индустриализации, НГК во многом обеспечивал курс руководства страны на улучшение качества и уровня жизни населения, что, конечно же, является важнейшей стороной модернизации.

Переходный этап. От индустриального к постиндустриальному обществу? Согласно теории модернизации, на определенном этапе развитые индустриальные общества осуществляют переход к постиндустриализму. В экономике таких обществ приоритет принадлежит уже производству не товаров, а услуг, при этом главным производственным ресурсом становятся информация, уровень образования, профессионализм, обучаемость и креативность работника.

В СССР, где административно-командная экономика, с большим или меньшим успехом осуществляла программу форсированной индустриализации, задачи поздне- и постиндустриального развития вызывали определенные сложности. Сложившаяся система хозяйствования все чаще давала сбои. Экономика росла, ширилась, усложнялась. Когда в стране тысяча заводов и тысяча фабрик — это одно, а когда этих фабрик и заводов уже десятки и сотни тысяч? Невозможно все учесть, спланировать. Все больше проявлялись такие системные пороки, как незаинтересованность работников в результатах своего труда, материалопожирание, слабое реагирование на достижение научно-технического прогресса, плохо развитая сфера потребительских услуг. Очевидно, чтобы развиваться, система должна была регулироваться. Но как?

Поиск решений начался еще в начале 1960-х гг. 9 сентября 1962 года в главной газете тех лет «Правда» была напечатана статья «План, прибыль и премия» профессора Харьковского инженерно-строительного института Евсея Либермана, где говорилось о том, что существующую систему планирования надо перестраивать, что предприятия должны не просто выполнять плановые показатели, а быть в них напрямую заинтересованы, что надо уйти от строй регламентации их работы. Развернувшаяся в печати экономическая дискуссия и эксперименты на ведущих предприятиях позволили сформулировать основные принципы реформы 1965 года, иначе известной как косыгинская. Официальная формулировка — «совершенствование планирования и усиление

экономического стимулирования промышленного производства». По сути — попытка ввести отдельные рыночные регуляторы и нерыночную планово-распорядительную среду, или, как тогда говорили, выдвинуть вперед экономические методы управления в противовес начавшему превалировать административному подходу.

На практике это выглядело так. Во-первых, путем уменьшения числа планируемых показателей была существенно увеличена производственная самостоятельность предприятий. Государство отказалось от детальной регламентации и предоставило производственным единицам право решать большинство вопросов самостоятельно. Наряду с натуральными показателями, важнейшими индикаторами их работы становились прибыль и рентабельность. Во-вторых, из части заработанной прибыли на каждом социалистическом предприятии образовывалось три фонда, средствами которых завод или фабрика распоряжались самостоятельно: 1) фонд развития производства; 2) фонд материального поощрения и 3) фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства. Получалось, что чем эффективнее работало предприятие, чем большую прибыль оно получало, тем большими были его фонды и средства для дальнейшего развития производства, выплаты премий, строительства жилья, санаториев, домов отдыха. Появлялась прямая заинтересованность конкретного работника в результатах своего труда и предприятия в целом.

Сегодня мы не можем сказать однозначно, каковы были истинные горизонты реформы 1965 года. Очевидно, в изначальной ее конструкции имелись серьезные противоречия. Так, например, было непонятно: как может сочетаться важная роль прибыли и нормативно устанавливаемые цены? Или каким образом предприятие должно было маневрировать ресурсами, если действовала жесткая система их распределения через Госснаб? По всей видимости, ответить на эти вопросы реформаторы планировали, как говорится, со временем — по мере постепенного продвижения преобразований.

Но какой бы противоречивой не была заявленная в 1965 году конструкция реформы, уже на начальном этапе она дала ощутимые положительные результаты. Так, восьмая пятилетка (1966–1970) вошла в советскую историю как одна из самых успешных. Улучшилась динамика макроэкономических показателей (как по официальным, так и по альтернативным расчетам), быстро росли уровень и качество жизни населения — люди стали больше зарабатывать, резко повысилась обеспеченность населения одеждой и бытовой техникой, динамично решался жилищный вопрос, коренные изменения произошли в такой сфере, как отдых и досуг. Казалось бы, у страны блестящие перспективы

и следует продолжать реформу. Однако в тот момент, когда имелись все предпосылки перейти к следующему этапу реформирования, руководство страны сворачивает новый курс, выбирая путь консервации административно-командной системы с ее пороками, препятствующими развитию постиндустриальной экономики. Почему?

В результате великих геологических открытий первой половины 1960-х гг. стало ясно, что страна обладает крупнейшей в мире ресурсной базой — Западно-Сибирской нефтегазоносной провинцией. А это уникальные месторождения нефти в Широтном Приобье (Мегионское, Усть-Балыкское, Федоровское, Мамонтовское, Самотлор), а также не имеющие аналогов запасы газа в Ямало-Ненецком автономном округе. Конечно, имелось одно, но существенное «НО». Ресурсная база размещалась в крайне тяжелых климатических и инфраструктурных условиях: болота, низкие температуры в зимний период, необжитые места, отсутствие коммуникаций и бытовых условиях. И тем не менее... Была развернута беспрецедентная программа по освоению тюменских недр. С нуля в тяжелейших климатических и инфраструктурных условиях были построены дороги, электростанции, промыслы, города и поселки. Когда в мире разразился нефтяной кризис 1973 года, энергетические позиции СССР были как никогда прочными. В 1975 году СССР вышел на первое место в мире по добыче углеводородов в мире. Более того, у страны имелись ресурсы не только для покрытия собственных потребностей, но и для массивного выхода на западные рынки.

С начала 1970-х гг. Советский Союз наращивает экспорт углеводородов в долларовую зону. Проведенные нам расчеты показывают, что доходы только лишь от продажи нефти, нефтепродуктов за свободно конвертируемую валюту выросли с 1,9 млрд долларов в 1973 году до 13 млрд долларов в 1980 году (подчеркнем, что это доллары того периода). А ведь был еще и экспорт газа. Очевидно, что с освоением Западной Сибири и благоприятной мировой конъюнктурой цен, у страны появился совершенно новый фактор развития — значительные финансовые поступления от экспорта углеводородов. Казалось бы, новый источник валютных поступлений должен был еще больше укрепить позиции СССР. Однако, на деле все вышло совсем иначе.

Вместо того, чтобы продолжать прогрессивные экономические косыгинские преобразования, направить деньги на очередную модернизацию, получив в руки мощный источник валюты, руководство страны фактически отказалось от проведения сомнительных с идеологической точки зрения реформ и пошло по пути опаснейшей иллюзии того, что все недостатки работы отечественного народного хозяйства можно компенсировать растущим экспортом углеводородного

сырья. Действовала простая установка: «Не хватает продовольствия? Ничего купим за рубежом. Нечего советским людям носить? Тоже не проблема — импортируем, сколько надо». Рассмотрение внешнеторгового баланса показывает, что большая часть нефтедолларов тратилась на закупку за рубежом продовольствия и товаров народного потребления. Только на импорт по 4 позициям — зерно, мяса, одежда и обувь — расходовалось более 50 % экспортной выручки, а в отдельные годы — например, в 1975 году — этот показатель достигал 100 %.

Особенно пагубные последствия подобного подхода к распределению доходов от экспорта нефти и газа проявились в научно-технической сфере. Сегодня 1970–1980-е годы в глобальном масштабе характеризуются как время научно-технической революции, определяющими процессами которой являлись электронизация, комплексная автоматизация самых разных сторон жизни. Многочисленные постановления руководства страны о развитии автоматизированных систем управления (АСУ) и обработки информации (АСОИ) свидетельствовали о понимании главных тенденций НТР. Однако для реализации этих устремлений требовался мощный парк вычислительной техники. А с этим вопросом дела обстояли не так просто.

Следуя стратегии опоры на собственные силы, Советский Союз запустил в производство и весьма успешно эксплуатировал два семейства ЭВМ — БСМ и Минск. Лучшая отечественная ЭВМ — БСМ-6 создавалась для решения задач, преимущественно, военного характера. Для гражданских нужд эта «громадина», скорее похожая на небольшой завод, чем на вычислительную машину, и характеризовавшаяся высоким быстродействием, но ограниченной памятью, была мало пригодна. Машины семейства Минск более отвечали насущным потребностям экономики, но были в страшном дефиците. Идеологические союзники СССР — страны СЭВ наладили выпуск современных ЭВМ единой серии — ЕС (в качестве образца для них был взят компьютер модели 360 фирмы IBM 1965 года). Однако, нехватка этих машин также не позволяла решать насущные задачи автоматизации в необходимых масштабах.

Казалось бы, в такой непростой ситуации важнейшей задачей внешней торговли должна была стать закупка за рубежом как самих ЭВМ, так и современных технологий и техники для их расширенного производства. Задача эта, несмотря на все перипетии «холодной войны», была абсолютно реальна. Так, например, в 1970-е годы СССР через третьи страны закупил три мощнейших вычислительных комплекса «Сайбер» со специализированным математическим обеспечением для

обработки данных сейсморазведки. Эти машины были установлены в Нарофоминске, Тюмени и Иркутске, и, по мнению отечественных геологов, сыграли неоценимую роль в развитии поиска и разведки месторождений нефти и газа. Однако, к сожалению, это был скорее единичный пример, чем общая практика. В целом, на такой важнейший показатель модернизации экономики, как закупка и развитие электронно-вычислительных технологий, тратилась ничтожная часть нефтяных и газовых долларов [5, с. 282].

Таким образом, несмотря на, казалось бы, все имевшиеся к тому предпосылки, углеводороды и их производная — экспорт — в 1970–1980-е гг. не сыграли той мощной модернизационной роли, на которую были все основания рассчитывать. Более того, иллюзия «нефтяного эльдорадо» привела к отказу от сложной и кропотливой работы с собственным народным хозяйством и все большей зависимости страны от конъюнктуры мирового энергетического рынка. В то время, как передовые страны переходили к постиндустриализму, Советский Союз развивался в рамках индустриальной парадигмы, сохраняя и усугубляя противоречия, заложенные в мобилизационной административно-командной системе.

Информационное общество. В 1990-е годы мир охватила всеобщая компьютеризация, имевшая значение компьютерной революции. За короткий период времени развитие компьютерных технологий обеспечило создание принципиально новых средств труда и технологических возможностей. Бурное распространение персональных компьютеров модифицировало почти все стороны жизни человека: связь, транспорт, быт и многое-многое другое. Современное общество все больше и больше становится компьютерным или информационным.

Имеют ли место указанные процессы в нашей стране? Разумеется. Компьютеризация оказалась настолько объективным и глобальным явлением, что даже жесточайший экономический кризис 1990-х гг., связанный с переходом к рыночной экономике, не стал непреодолимым препятствием на пути компьютерной революции. Более того, как только намелились положительные тенденции развития, руководство страны в качестве главной идеи выдвинуло задачу всесторонней модернизации на пути развития современных информационных технологий и приступило к реализации таких амбициозных проектов, как, например, Сколково.

Важные изменения произошли и в самом НГК. В течение последних 20–30 лет человечество в целом и, особенно, РФ сталкивается с тем, что добыча нефти обеспечивается за счет вовлечения в разработку все более «трудных» запасов (нефть с низкими физико-химическими характеристиками, аккумулированная в сложных резервуарах). «Легкая»

нефть, которая обеспечила бурный рост добычи углеводородов в Западной Сибири, закончилась. Нужны совершенно иные технологии, нужны инновации.

Что конкретно имеется ввиду? Так, добывать нефть из сложно построенных резервуаров возможно только на основе адекватных геолого-математических моделей. А это требует уже сейчас и, еще больше, в будущем новых комплексов вычислительной техники, стремительного развития алгоритмической и программной базы, такого ускорения процессов моделирования, которое бы позволило корректировать технологические схемы добычи нефти из сложных залежей непосредственно в процессе их разработки. Важнейшим технологическим подходом к освоению трудной нефти также является бурение горизонтальных скважин. Но что такое эффективное горизонтальное бурение? Это, прежде всего, проблемы подземной навигации, поддерживаемой мощными группировками космических спутников. Повышение дебитов, а, следовательно, и экономической рентабельности нефтедобычи, неразрывно связано с применением методов гидроразрыва пласта и искусственного фракционирования коллекторов (создание искусственной системы трещин). Современные технологии нефтедобычи требуют кардинальной перестройки целых отраслей промышленности. Нужны принципиально новые насосы и компрессоры, нужны другие трубы, нужны иные устройства типа забойных парогенераторов и тому подобное. Для всего этого нужна другая металлургия, резкий скачок в развитии теории и практики развития композитных материалов, современные средства навигации и новейшие автоматизированные системы управления, как отдельными скважинами, так и промыслами в целом. Переход к новой парадигме добычи нефти — это, вообще говоря, революция в нашей промышленности.

Конечно, нам могут возразить. Зачем изобретать велосипед? Быть может, необходимые технологии уже есть на Западе? Но на Западе есть далеко не все. Западный нефтяной сервис, даже в тех случаях, когда он эффективен, весьма дорог. Ну и, наконец, самое главное, добыча нефти и газа в стране — это сама основа существования нашего общества. Хочется верить, что возврата к «холодной войне» не будет. Но наша политическая и экономическая состоятельность и независимость должны быть обеспечены, в значительной степени, собственным нефтяным сервисом и собственной промышленностью.

Таким образом, можно сделать вывод, что модернизация экономики, внедрение инноваций — это не противопоставление некой ресурсной экономике. Без модернизации и инноваций мы можем просто потерять нашу ресурсную экономику и очнуться у «разбитого корыта». Выше мы

коснулись проблем нефтяной промышленности. Но ситуация в газовой отрасли тоже по-своему сложна. И точно так же требует скорейшего внедрения инновационных подходов. Это связано с высокой конкурентностью газового рынка и необходимостью реализации таких крупных проектов, как, например, освоение Штокмановского месторождения на шельфе в Баренцевого моря. Сегодня можно говорить о том, что нефть и газ все больше становятся информационными продуктами.

Требуется не противостояние ресурсной и инновационной экономик, а их тесное переплетение — ресурсно-инновационная экономика (термин академика А.Н. Дмитриевского). Вырисовывается следующая схема: поддержание возможностей добычи влечет инновационное изменение ресурсных отраслей, это, в свою очередь, определяет кардинальную модернизацию обеспечивающих отраслей — металлургии, химии, электроники, ресурсный сектор производит и финансовые потоки для инновационной деятельности.

Анализ развития отечественного НГК и его влияния на модернизационные процессы позволяет сделать главный вывод о том, что нефтяная и газовая промышленность, сама по себе, не является ни губителем высоких технологий, ни панацеей от всех экономических и социальных недугов. Это инструмент освоения несметных природных богатств страны, источник энергетических и финансовых ресурсов. Развитие НГК и то влияние, которое оказывает нефтегазовая отрасль на жизнь страны, целиком зависит от того, в чьи руки попадают плоды его деятельности, какова степень здоровья той экономической и политической системы, которая эти плоды принимает.

Список литературы:

1. Газовая промышленность СССР. М., 1967.
2. Мальцев Н. А., Игrevский В. И., Нефтяная промышленность России в послевоенный период. М., 1996. — С. 134;
3. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994.
4. Рунов В. А., Седых А. Д., Алексей Картунов. М., 1999.
5. Славкина М. В. Великие победы и упущенные возможности: влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945–1991 гг. М., 2007.

СЕКЦИЯ 4.2

ЭТНОЛОГИЯ

ПЕРСОНАЖИ МАНСИЙСКИХ ДЕТСКИХ СКАЗОК А.М. КОНЬКОВОЙ (на примере сборника «Сказки бабушки Аннэ»)

Кумаева Мария Владимировна

аспирант ЮГУ, г. Ханты-Мансийск

E-mail: kumaeva4@yandex.ru

Анна Митрофановна Конькова мансийская сказочница, писатель. Она известна такими литературными произведениями как «И лун медлительных поток..», роман-сказание ею написан в соавторстве с Сазоновым Г. К. Также такими книгами как «Свидание с детством», «Сказки бабушки Аннэ», «Вожак Ивыр». «Давным-давно, когда еще олени с людьми не дружили, когда ханты и манси не ездили, не летали, а по лесам и болотам ходили, себе пищу добывали, а мудрые древние старики говаривали: «Не пойдешь — не пожуешь», в вершине речки Найденной стояло стойбище древних манси...» Так начинается одна из сказок бабушки Аннэ — Анны Митрофановны Коньковой о своем народе — манси [3, с. 2].

В детских сказках А. М. Коньковой преобладают простые обороты речи, краткость, небольшие по объему тексты, персонажами сказок являются маленькие лесные животные. В каждом тексте есть тема борьбы добра со злом. Национальная специфика жанра сказки о животных пронизывает текст на всех его уровнях. Такие произведения дают каждому ребенку, слушателю и читателю сказок Коньковой А. М. возможности постигать богатства культурного многообразия народа манси. В произведениях Анны Митрофановны сохранен культурный компонент, в частности, мансийские имена персонажей (Маснэ, Петось, Туйтсам-Снежок и т. п.), также и образы животных, передающие национальный характер, то пространство, где происходят события в сказках, например, в сказке «Каждый другом силён» читаем: «Только они улеглись (Зайчонок и Выдренок), как из-за поворота реки показался рыбак. Плывёт он на своей долбленной лодочке и песни напевает...», здесь события происходят в речке. В другой сказке «Хочу Не хочу», читаем: «..

отец (Заяц) без отдыха по лесу носится, сочные листочки собирает..», здесь события происходят в лесу. Сказительница Анна Митрофановна Конькова так через фольклор знакомит читателей с особенностями быта, жизни, народа манси. В сборнике сказок Анна Митрофановна в конце книги дает дополнительные объяснения, толкования мансийских слов, которые употреблены, опубликованы в текстах, незнакомых или непонятных для читателей слов, значение которых нуждается в пояснениях.

В сказках А.М. Коньковой персонажи — маленькие животные, так как сказительница писала тексты, предназначенные для маленьких детей, назовем персонажи: Зайчата, Лисята, Соболята, Утята, Мышата, Выдренок, Бурундучок и т. д. И редко в её сказках встречаются большие животные-персонажи, такие как Лось, Медведь. А. В. Гура отмечает: «Что касается сказок, то при всей их фантастичности они, в большинстве своем, слабо связаны с глубинно-мифологическими пластами народных верований. Причем, это особенно характерно именно для сказок о животных, в которых взаимоотношения между животными служат, как правило, аллегорией человеческих взаимоотношений в различных бытовых ситуациях» [2, с. 205]. Дети, на примерах поведения и поступка персонажей сказок, учатся понимать, оценивать, рассуждать о том, какой герой сказки совершил правильный поступок, а какой неверно поступил в той или иной ситуации.

Мы согласимся с утверждением Овчинниковой Л. В. о том, что «авторы... нередко создают художественную модель жизни в волшебной стране в форме сериала, истории с продолжением со «сквозным» героем, особым хронотопом, «единым» взглядом автора на события и персонажей, а также ориентацией на «своего» читателя. Время литературной сказки-сериала принципиально изменено по сравнению с замкнутым, «событийным» временем фольклорной сказки, а художественное пространство максимально расширено и детально описано, что влияет на принципы построения сюжета» [5, с. 249]. У А. М. Коньковой таким персонажем мы считаем Зайчонка, который является главным, центральным героем в сказке «Хочу Не хочу», находит продолжение история событий из жизни Зайчонка и в сказке «Как Окунь полосатым стал», далее идет история о Зайчонке и в сказках «Каждый другом силен», «Маснэ и Зайчонок», «Зайчонок и Комполэн». Применение ласкательной формы Зайчонок, Выдренок, Лисята, Соболята и употребление автором-составителем таких языковых форм как «тетушка Лиса», «уговаривает сыночка», «комариков смачнет», «хвостики», «от брюшка до ушка», и т. п., позволяет сделать вывод, что сказки предназначены для маленьких детей. Употребляют персонажи

сказок по отношению друг к другу и такие слова как «Миленький Зайчонок», «Спас меня мой друг Выдренок», «Соболята! Лисята! Бегите, помогите мне!», в этих словах подчеркивается то, как герои сказок дорожат своими друзьями, как они помогают друг другу в беде, что создает положительное впечатление, воспитательное, познавательное для маленьких слушателей и читателей этих сказок. В текстах А. М. Коньковой главные персонажи употребляют и поучительные поговорки: «Нет, хоть и мал хвост, да мой. Большой хвост, да чужой» (говорит Зайчонок), «Сынок, добро делаешь — не кайся, а худом — не похваляйся», говорит сыну такие поучительные слова мама Зайчонка. «Бабушка посмотрела на иголку в игольнице и сказала: — И мала, и хрупка, а сила в ней велика», Лось говорит Зайчонку: «Земля и небо одним умом живут. Они знают, кому что дают». «Мудрый Лось» говорит поучительные слова Лисе: «Выходит, рыжая, хитрость твоя не от большого ума». Звучат в сказке и мудрые слова Валежины: «На земле всё к месту, всё на месте и с великою пользою».

Сказительница обращается в творчестве к русскому языку, это связано с тем, что А. М. Конькова родом из кондинских манси. Известно, что мансийский язык кондинских манси стал утрачиваться более ста лет назад, в связи с заселением мансийских земель другими народами. Отметим, что при публикации произведений на русском языке «...был большой круг читателей. Действительно, книги на родном языке читались малым количеством людей, они (книги) доходили только до библиотек, находящихся в крупных поселках, в то время в свободной продаже книги можно было приобрести только в городах. Носители же мансийского языка жили в маленьких населенных пунктах» [1, с. 187]. Анна Митрофановна в сказках использует и мансийские слова кондинских манси, например: «Туйтсам — Снежок», «Нирам, нирам! — Хочу, хочу-у-у!», «Ат нирам! Не хочу-у-у!» Мы находим в этом сборнике сказок такие мансийские слова с переводом на русский язык самой сказительницей: «Туйтсам — Снежок»; «апу — люльку качает»; «Виткась — злой Дух Воды»; «злой Болотный Дух Комполэн»; «Сойгын — Мышонок»; «Откликайся, Мень Пель — маленькое ухо!»; «Сорнин Канясь — Золотой Князь». В предложении «...жила бабушка Петось со своей внучкой Маснэ», употребляются женские имена на мансийском языке — Петось (Федосья), а имя Маснэ, по-видимому, восходит к архаизму, в наше время не употребляемому имени.

Сказки о животных часто строятся на мотивах проделок хитрых, злых персонажей над другими, в сказках А. М. Коньковой это Лиса, Окунь, Орел, Соболю. Пропп В. Я. отмечает: «Победа слабого над сильным имеет, по-видимому, очень древние корни и древнее

происхождение. Рассказы о проделках лисы рассказывались женщинами и детьми у охотничьих народов тогда, когда отец бывал на охоте. Удача слабого и его победа над сильным в рассказе должна была способствовать удаче в действительности» [6 с. 101].

В сказках даются нравственные законы народа. В основе жизни лежит труд, и как бы ты ни был мал и слабосилен, трудись: может, именно твоей крохотной силы и недостает, чтобы завершить общее дело. К какому бы роду-племени ни относились люди, надо с ними жить в мире. Коллективная дружба — основа благополучия. Слово старших несет народную мудрость, послушание избавляет детей от многих бед. Будь верен дружбе, не оставляй слабого в беде, будь смелым и честным, не лги, не причиняй другим зла и т. п. [4, с. 70].

В детских сказках такие мифологические существа как Виткась — злой Дух Воды, злой Болотный Дух Комполэн — являются олицетворением зла. Многие сказки еще сохранили остатки некоторых древнейших языческих представлений, веры в хозяев лесов, рек, гор, стихий.

В сказках Анны Митрофановны мы находим мансийские поверья, так в сказке «Хочу Не хочу», мы читаем: «Сынок растет быстро — вот уже лесные звери ему ножки подарили, птицы, что с юга вернулись, на крыльях ему язык принесли». С давних времен пожилые люди говорят, что маленький ребенок, не научившийся разговаривать в первые годы своей крохотной жизни, в зимнее, весеннее время года, обязательно начнет разговаривать после того, как прилетят перелетные птицы с юга, «они ему язык принесут».

Список литературы:

1. Алгадьев А. П. Второй этап творчества Ю. Шесталова — этап обращения к русскоязычной прозе // Языки и культура народов Югры: Материалы регион. студ. Науч.-практ. Конф. — Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2008. — 404 с.
2. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции // Жанры народной прозы: Уч.-мет. Пос. — Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002. — 411 с.
3. Конькова А. М. Сказки бабушки Аннэ: сказки, легенды. — ГИСТЕЛ ДРУК, А-1031 Вена, Мюнцгассе 6, Австрия, 1993. — 117 с.
4. Мельников М. Н. Русский детский фольклор. — М.: изд. «Просвещение», 1987. — 240 с.
5. Овчинникова Л. В. Русская литературная сказка XX века. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 312 с.
6. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. — М.: Наука, 1976. — 327 с.

СЕКЦИЯ 4.3

АРХЕОЛОГИЯ

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЯКОВСКИХ ПЛЕМЕН

Марьенкина Татьяна Анатольевна

*аспирант отдела археологии и этнографии НИИ ГН при
Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск*

E-mail: marjenkina.tanya@yandex.ru

Поселения поздняковских племен на Оке известны в большом количестве, нежели могильники. Они расположены главным образом на борových террасах, в условиях удобных для рыбной ловли, но не в меньшей мере для выпаса стад на широких окских заливных лугах. Можно выделить три группы поселений по их размерам: малые, средние и большие.

Все памятники поздняковской культуры занимают обширную, но компактную территорию. На востоке они захватывают Нижегородскую область и часть территории Марийской республики, на западе — верховья р. Оки и ее мелкие притоки. Основное ядро памятников поздняковской культуры занимает среднее и нижнее течение р. Оки и ее левые притоки. Именно здесь найдены наиболее яркие и типичные памятники этой культуры. Особенно изобилуют памятниками поздняковской культуры районы городов Муром и Рязани и притоки Оки, рек Тешы, Велетьмы, Ушны, Пры и Прони [4, с. 133].

Интересно отметить, что большинство открытых поселений в низовьях р. Оки имеют небольшой культурный слой, иногда не превышающий 20–25 см.

Первое поселение поздняковской культуры было раскопано в Мордовщиковском районе Нижегородской области, у деревни Поздняково на разветвляющихся дюнах на правом берегу реки Теша, О. Н. Бадером и Б. С. Жуковым в 1925 — 1927 гг. Коллекция состояла из керамики и кремневых орудий и была отнесена к ранней стадии развития поздняковской культуры. С этого открытия началось выделение поздняковской культуры [2, с. 22]

На северо-западной окраине Рязани, у села Канищево, в пойме р. Оки, на узкой песчаной дюне протяженностью более 2 км расположен ряд древних поселений.

Наиболее хорошо сохранились на Канищевских днах памятники эпохи бронзы. На северо-западной окраине дна расположено одно наиболее интересное поселение развитого бронзового века — Логинов Хутор.

Поселение открыто В. А. Городцовым. Большая часть поселения в настоящее время оказалась уже разрушенной. В 1968 г. экспедиция ГИМ разбила раскоп в 200 кв. м, а в 1969 г. раскоп был увеличен, и вскрытая площадь на поселении достигла 356 кв. м. [6, с. 65].

В результате работы было установлено, что поселение сохранилось лишь на небольшом участке, активно разрушается со стороны обрыва террасы весенними паводками, с другой — песчаными карьерами и выдувами.

На вскрытой площади удалось проследить остатки двух жилищ-землянок. Жилище 1 площадью 65,7 кв. м. было углублено в материк на 75–80 см и имело почти правильную четырехугольную форму. Центр землянки, а также пространство вдоль юго-восточной и северо-восточной стен были заняты скоплениями золы и угля. Особенно мощные скопления наблюдались в северо-восточном и северо-западном углах дома. Около центрального очага найдены сильно прокаленные крупные булыжники, по-видимому, обрамлявшие очаг. В очаге, зольниках и около них концентрировалось основное количество находок. Вход в землянку был расположен с широкой стороны дома и обращен в сторону озера. Жилище, открытое на поселении Логинов Хутор, необычно лишь тем, что на его полу обнаружено много зольников. Практически зольники занимают почти половину всей площади пола. В них концентрируется большинство находок. Около очага были найдены большая курильница, бронзовый нож, целые и разбитые сосуды [5, с. 138].

Кроме того, изобилие в жилище зольников и кострищ, а также большое количество целых сосудов в зольниках наталкивают на мысль, что здесь, вероятнее всего, мы имеем дело не с обычным жилищем, а с каким-то ритуальным сооружением. Это как будто подтверждается и тем, что к западу от этого сооружения на глубине 75 см от поверхности найдена могила.

Жилище 2 отличалось по характеру материала от жилища 1. Конструкция его была та же. Это землянка площадью 50 кв. м, углубленная в материк на 80–85 см. Но в жилище 2 был только один очаг, расположенный в центре.

Здесь найдены развал камней со следами большого прокала, вокруг камней — площадка обожженной глины, на ней — скопление золы и угля. Количество находок в жилище очень невелико. Это главным образом керамика. Ближайшие аналогии этой керамики можно указать на Алекановской стоянке, которая относится к ранней стадии поздняяковской культуры. Рязанский район Рязанской обл., старица р. Оки, на песчаной дюне «Могилки». Раскопки и разведки В.А.Городцова в 1898 г.

Коллекция не однородна. Подавляющая часть материала относится к эпохе неолита. Выделяется группа керамики, кремневых орудий, обломок бронзового кельта и бронзовая булавка, которые могут быть отнесены к ранней стадии поздняяковской культуры [4, с. 110].

Следует упомянуть из этих поселений наиболее изученную Наумовскую стоянку, расположенную на реке Сереже. В 1965 году Черников В.Ф. проводил раскопки Наумовского поселения. Оно протянулось с запада на восток. Размеры 300 на 80 м. Было нарушено грунтовой дорогой, поросло соснами, западная часть разрушена карьером. Исследованы остатки заглубленного в материк жилища, подпрямоугольной формы. Размеры жилища 14,5 на 10 м. Ориентированного с СЗ на ЮВ вдоль берега озера. Близ его западного угла находился наклонный вход шириной 1,2 метра. Перекрытие, вероятно двускатная крыша, опиралось на четыре ряда столбов, по шесть в каждом ряду. Эти столбы располагались вдоль длинных стен и в центральной части жилища.

Внутри жилища находились три кострища: округлой в плане формы напротив входа, вытянутое вдоль юго-восточной стены и в центральной части, возможно, ритуального назначения. Края и дно ритуального кострища были выложены белым речным песком, вокруг зафиксированы девять ямок от столбиков. В жилище также находилась подпрямоугольная яма, размерами 1,9 на 0,8 м., которая, возможно, предназначалась для хранения пищи. Данное поселение было отнесено к позднему периоду поздняяковской культуры [1, с. 135].

Своего рода эталонным памятником поздняяковской культуры, изученным большой площадью, является Подборновское поселение, расположенное в Касимовском районе Рязанской области. Поселение находится на правом берегу реки Оки напротив деревни Поповка, на берегу озера Подборное.

Поселение раскапывалось Куфтиным Б. А. и Лебедевой Н. И. в 1925–1927 гг. [3, с. 67]. Поселение раскапывалось траншеями, и материал из него брался суммарно, без учета слоев и штыков. Все это отразилось на самом характере фиксации материала. Коллекция керамики, хранящаяся в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике, состоит из 9870 фрагментов сосудов. Анализ керамического материала Подборновской стоянки показал, что он, как и вся материальная культура поздняяковских племен носит в себе черты, связывающие её со срубными племенами, а также с племенами абашевской, андроновской и примокшанской культур [8, с. 35].

В 1996–1997 гг. экспедицией Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области проведено плановое обследование памятников археологии в Шиловском районе Рязанской области, в результате которого были

рассмотрены памятники, расположенные на правом берегу реки Оки в окрестностях села Ерахтур. В 1996 году памятник обследовала Берестова И. Н., в 1997 году раскопки на поселении проведены Челябиновым В. П. [7, с. 63]

Поселение расположено на мысу правобережной террасы реки Оки на Северо-восточном берегу старичного озера Ерхинка в 5 км. к востоку от современного русла реки Оки, в 2,4 км к северо-западу от церкви села Ерахтур и 1,4 км. от Ерахтурского лесничества. Мыс образован оконечностью дюны. Северо-западный откос мыса пологий, юго-западный обрывистый, активно разрушаемый тальми водами. Высота поселения от среднего уровня поймы 3–7 м., от уровня воды в озере 9–13 м. Территория памятника заросла соснами высотой до 20 м. По поселению проходит грунтовая дорога. Площадь памятника 100 на 40 м. В раскопе на уровне материка выявлены остатки постройки, западная часть которой разрушена оползнем. Здесь же расчищен уступ шириной до 1 м., ограниченный с обеих сторон рядами ямок. Всего в раскопе выявлено 39 ям различной формы и глубины.

Многие стороны жизни племен поздняяковской культуры пока еще изучены слабо. Несмотря на то, что поселения поздняяковцев были первые подвергнуты изучению, мы все-таки мало знаем о сооружении и типах домов, о планировке их поселков. Актуальным остается вопрос о судьбах носителей поздняяковских древностей.

Список литературы:

1. Археологическая карта России: Нижегородская область. Часть 1./ М.: Институт Археологии РАН. 1995. — 384 с.
2. Бадер О.Н. Краткий очерк археологических работ в довоенный период на Оке.// Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969. — С.22.
3. Куфтин Б. А. Новая культура Бронзовой поры в бассейне р. Оки на озере Подборном близ города Касимова Рязанской губ. // Материалы к доистории Центрально-промышленной области. М.: Наука, 1927. С.56–88
4. Мансуров А. А., Бадер О. Н. Археологическая карта окрестностей Касимова. // Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974. С.112–134
5. Попова Т. Б. Исследование памятников эпохи бронзы на Канищевских дюнах под Рязанью. // Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974. — С. 135–187.
6. Попова Т. Б. Раскопки поселения Логинов хутор. Археологические открытия 1968 года. М. 1969. С.65
7. Челябинов В. П. Поселение поздняяковской культуры Ерахтур 5./ В. П. Челябинов, Д. А. Иванов.// Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1998. — С. 59–78.
8. Челябинов В. П. Керамика Подборновского поселения. //Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань: 1992 — 89 с.

СЕКЦИЯ 4.4

КНИГОВЕДЕНИЕ И БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ

РАЗВИТИЕ КНИГОИЗДАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (1991–2010 гг.)

Козловская Анна Игоревна

аспирант МГУП им. И. Федорова, г. Москва

E-mail: aikozlovskaya@gmail.com

Беларусь практически всегда относилась к странам с высокой книжной культурой. В 1991 году, после выхода из состава Советского Союза, БССР (ныне Республика Беларусь) взяла курс на развитие самостоятельной национальной экономики и на переход от планово-распределительного механизма регулирования экономики к рыночному.

Для переходного периода в истории белорусского книгоиздания характерны следующие аспекты: развитие и применение новых информационных технологий, разработка научно-технологической основы книжного дела, интеграция белорусского книгоиздания в мировое издательское сообщество.

Сегодня издательское дело в Беларуси, как и иные сферы жизни, подчинено законам рыночной экономики и еще не до конца оправилось от последствий экономического кризиса 2008 года.

Опираясь на статистические и аналитические данные, рассмотрим тенденции, характерные для книгоиздания Беларуси в настоящее время.

Ежегодное увеличение числа издательских структур (в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь № 17 «О лицензировании отдельных видов деятельности» (с 01.01.2011 г. признан утратившим силу в связи с принятием Указа Президента Республики Беларусь от 1 октября 2010 г. № 450). По состоянию на 1 января 2011 года лицензии на осуществление издательской деятельности на территории Республики Беларусь имеют 837 субъектов хозяйствования, что на 33 лицензии больше в сравнении с показателями на 1 января 2010 года. Но при этом, согласно данным Министерства информации Республики Беларусь, 57% юридических

лиц, имеющих лицензию на издательскую деятельность, в 2010 году не осуществляли выпуск книг.

Рост числа небольших издательств. Данная тенденция является общемировой и характерной не только для издательского бизнеса. В книгоиздании не все зарегистрированные издательские организации участвуют одинаково активно. Большую часть от общего количества издающих структур составляют средние и мелкие предприятия, которые по понятным причинам не могут составить конкуренцию крупным издательствам. Так, в 2010 году до 5 единиц издательской продукции выпустили в свет 152 субъекта хозяйствования,; 58 лицензиатов издали всего от 5 до 10 единиц продукции, от 11 до 50 наименований — 33 организации и только 15 издательств — от 101 до 200 наименований.

Укрупнение книгоиздательских структур за счет средних и мелких издательств и концентрация книгопроизводства в нескольких крупных структурах. Для белорусского книгоиздательского бизнеса можно выделить 10 издательств-лидеров, которые выпускают 36,6% от общего числа наименований книг и брошюр, выпущенных за год (по статистическим данным 2010 г.), а по тиражу — 73,8 % [1, с. 6]. И удельный вес их как в ассортименте, так и в тиражах постоянно растет. Это издательства, которые основаны с участием российского капитала (например, ООО «Харвест») или получили весомую часть книжного рынка посредством выпуска учебной и учебно-методической литературы (например, издательства «Белый ветер», «Народная асвета»).

Неравномерное распределение издательств по территории РБ. Наибольшая издательская активность характерна для г. Минска. По состоянию на 2010 г. здесь сконцентрировано в общем объеме книгопроизводства РБ 81,5% по числу названий, а по тиражам выпускаемых книг и брошюр — 96,9 % [1, с. 8]. Такая концентрация издательской деятельности в одном месте тормозит функционирование книжного рынка, затрудняет эффективное обеспечение населения книгами, а также сдерживает развитие книгоиздания в областях страны.

Но самым главным параметром, по которому можно оценить эффективность книгоиздания страны, является анализ динамики выпуска книг и брошюр по количеству выпущенных за год наименований и общему тиражу.

До 2008 г. в Беларуси наблюдалась *положительная динамика выпуска книг и брошюр по названиям.* Но экономический и финансовый кризис в корне изменил ситуацию. Последние три года в стране наблюдается ярко выраженная нисходящая тенденция выпуска

книг и брошюр по количеству наименований. Более подробно данный вопрос можно изучить, обратившись к диаграмме (рис. 1). Четкая тенденция увеличения репертуара изданий характерна для периода с 2005 по 2008 гг. Но для периода с 1991 по 2004 гг. положительная динамика является не столь явной, т. к. в 1992, 1995, 1999, 2002, 2004 гг. происходило некоторое снижение объемов выпуска книг и брошюр. Причины тому были разные. Например, уменьшение показателей на 341 название по сравнению с уровнем 1994 г. наблюдается в 1995 г., что стало следствием резкого роста цен на бумагу и удорожания кредитов для издающих организаций.

Рисунок 1

Снижение общих тиражей выпуска книг и брошюр (рис. 2). Данная тенденция не так явно выражена. Некоторые исследователи даже называют это явление «колебанием общих тиражей» [4, с. 26]. Если сравнивать статистические данные, приведенные на диаграмме, по пятилеткам, то наблюдается отрицательная динамика выпуска по тиражам. С 2008 по 2010 гг. отрицательная тенденция ярко выражена.

Рисунок 2

В целом, опираясь на показатели выпуска книг и брошюр по количеству названий и общего тиража изданий, можно выявить еще одну тенденцию — *снижение среднего тиража одной книги*. Этот тренд общемировой, и Беларусь не исключение. В 2009 г. средний тираж одной книги составил 4,1 тыс. экз., а в 2010 г. — 3,9 тыс. экз. (рис. 3). На одного жителя республики в 2010 г. издано 4,5 книг и брошюр, в 2009 г. — 5,5 книг [3, с. 78].

Рисунок 3

Анализ статистических данных показывает, что в ходе формирования новой издательской системы произошла смена модели книжного выпуска. Так называемая количественная модель, характерная для периода застоя, когда число названий выпускаемых книг и брошюр в течение двух десятилетий было практически неизменным, уступила место прогрессивной качественной модели, при которой развитие книгоиздания осуществляется преимущественно путем расширения репертуара и проведения тиражной политики, соответствующей платежеспособному покупательскому спросу [2, с. 102].

Таким образом, можно сделать следующий вывод. За период 1991–2010 гг. книгоиздание Республики Беларусь претерпело большие изменения, прошло трудный путь преобразования. Это было время становления издательской системы нового типа в условиях перехода белорусского общества к рыночным отношениям. За первое десятилетие нового тысячелетия белорусская книга получила весьма динамичное развитие. Несмотря на проблемы, возникшие в отрасли по причине мирового экономического кризиса 2008 года и финансового кризиса в республике в 2011 году, можно дать положительные прогнозы о будущем белорусского книгоиздания.

Список литературы:

1. Друк Беларусі, 2010: статьистычны зборнік / Міністэрства інфармацыі Рэспублікі Беларусь, Нацыянальная кніжная палата Беларусі; складал. Т. Р. Рабушка]. — Мінск: НКП Беларусію.. — 2011. — 80 с.
2. Ленский Б. В. Книгоиздательская система современной России. — М.: Наука, 2001. — 206 с.
3. Материалы коллегии Министерства информации Республики Беларусь по итогам работы в 2009 году / Министерство информации Республики Беларусь. — Минск, 2010. — 145 с.
4. Ничипорович С. А. Развитие издательско-полиграфического комплекса Беларуси в условиях становления рыночных отношений. — Минск: ООО «Харвест», 2001. — 176 с.

СЕКЦИЯ 4.5

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РОССИИ (вторая половина XIX–начало XX вв.): ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Хвостова Ирина Алексеевна

к. ист. н., ННГУ, г. Нижний Новгород

E-mail : iri-khv@mail.ru

В последние годы значительно возрос интерес к изучению отечественной истории, включая историю государственного и местного самоуправления. Особенно в этой связи необходимо выделить историю земских учреждений России: в условиях формирования демократического правового государства в Российской Федерации осмысление исторического опыта местного самоуправления, накопленного в ходе деятельности земств в конце XIX–начале XX вв. приобретает особую важность. Его тщательный анализ имеет большое научное и практическое значение: на современном этапе развития российской государственности земская модель все чаще рассматривается в качестве наиболее приемлемого образца для преобразования системы представительных органов власти.

Постепенно в общественном сознании укореняется представление о необходимости самоорганизации, самоуправления для более эффективного и рационального удовлетворения материальных и духовных потребностей населения в рамках местных сообществ, разрабатываются соответствующие законодательные акты, определяющие правовое положение и государственный статус местного самоуправления, его полномочия в различных сферах деятельности. При этом соответствующий опыт земских органов самоуправления может оказаться востребованным.

По истории земских учреждений и их деятельности существует значительное число различных работ исследовательского характера.

Самые первые из них — сочинения самих земцев, представителей земской интеллигенции, российских историков и правоведов II половины XIX века — появились уже в первые годы существования земских учреждений в России.

Ряд исследований, вышедших сразу после опубликования «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 года, включал в себя, прежде всего, анализ самого «Положения» 1864 года, а также основных аспектов земской деятельности (А. И. Васильчиков, А. А. Головачев и др.) [11; 17]. Сторонники т.н. «общественно-хозяйственной» теории местного самоуправления, они утверждали, что земские учреждения должны быть полностью самостоятельны в решении всех хозяйственных вопросов уезда или губернии, государству надлежит только осуществлять контроль за соблюдением формальной законности. В 60-е годы XIX века выдающийся представитель исторической науки, публицист и общественный деятель Б.Н. Чичерин писал, что самодержавной России необходимы выборные местные учреждения, наделенные значительными правами, как условие сохранения самодержавного образа правления [64, с. 760].

Идея о расширении прав земства, вплоть до участия в деятельности административных органов власти, в 70–80 гг. XIX столетия представлена в трудах либеральных земских публицистов (О. К. Нотович, В. Ю. Скалон) [47, 52]. В противовес им представители консервативного направления Г. А. Евреинов, П. Л. Корф ратовали за усиление правительственного контроля над деятельностью земских учреждений и роли в них дворянского сословия [21, 33].

В исторической и юридической литературе 90-х годов XIX века распространенной становится т.н. «государственная» теория местного самоуправления. Она рассматривала земские учреждения как государственные органы, которым поручены определенные отрасли местного хозяйства при сохранении за правительственной властью права надзора и вмешательства в дела земств. Эта теория была обстоятельно разработана А. Д. Градовским, Н. М. Коркуновым, М. И. Свешниковым [20, 30, 51]. Они высказывали убеждение, что государство, передавая некоторые из своих функций в руки выборных учреждений, должно предоставить им возможность действовать на правах государственной власти. Сторонниками т.н. «государственной» теории местного самоуправления, были известные историки А. А. Корнилов и В. О. Ключевский [32, 28]. Они указывали на необходимость расширения порученных земствам дел, полной

самостоятельности этих органов, их независимости от правительственной администрации.

В конце XIX–начале XX века на общероссийском уровне формируется традиция всестороннего исследования земской деятельности. Самым крупным — по значению, объему и представленному фактическому материалу — обобщающим научным трудом по истории деятельности земских учреждений России является четырехтомное фундаментальное исследование Б. Б. Веселовского [12]. Им представлен анализ финансовой, хозяйственной, политической и культурной деятельности земства на трех уровнях: общероссийском, губернском и уездном. Автор имел достаточно оснований для того, чтобы подводить итоги многолетней работы органов местного самоуправления. Не идеализируя деятельность органов земского самоуправления в самых различных областях, он стремился показать слабые и сильные стороны проводимых социально-экономических мероприятий, считал необходимым проанализировать накопленный материал. Автор выделил основные направления работы земства как на губернском и уездном уровне. Книга изобилует статистическими и фактическими данными. Еще одним ее достоинством является стремление исследователя быть объективным, деидеологизированным в своих выводах и заключениях.

Важное место в историографии темы заняли проблемы эволюции земского законодательства и анализ земской избирательной системы. Этим сюжетам посвящены исследования В. В. Ивановского и А. А. Корнилова [26, 31]. Н. Н. Авинов пришел к выводу, что в начале XX века для развития земской деятельности необходимо было расширить избирательные права населения, ввести т.н. «мелкую земскую единицу», и организовать систему связи между земствами различных губерний [2, 12].

В конце XIX–начале XX вв. активно исследовались отдельные стороны земской деятельности: медицина, народное образование, агрономия и другие. В работах Е. А. Звигинцева, С. Л. Маслова и других содержится богатый фактический и оценочный материал по земскому самоуправлению в каждой отрасли местного хозяйства [25, 42].

Значительное количество сочинений этого периода было посвящено проблемам участия земства в общественно-политическом движении, в частности земскому либерализму. И. П. Белоконский и Н. Н. Иорданский полагали, что главную роль в земской деятельности играет не самостоятельное управление местным хозяйством, а политическое движение, участие в нем земской интеллигенции.

Представители либерального народничества и земской демократической интеллигенции верили, что земства смогут вывести страну из кризиса [6, 27].

Авторами книг, брошюр и статей, как правило, являлись гласные и служащие общественных учреждений. Последнее обстоятельство объясняет преимущественно практическую, и, в меньшей степени, исследовательскую направленность публикаций. В большинстве изданий описывается деятельность органов самоуправления в XIX веке. Напротив, количество работ, посвященных истории земских учреждений в 1905–1916 гг. незначительно. К 50-летию юбилею земства был приурочен выпуск монографий, авторы которых выстраивали свое повествование и выводы следующим образом: достижения земства во всех сферах, по сравнению с дореформенным периодом, колоссальны, но при сопоставлении с соответствующими результатами в европейских странах — далеко не столь эффективны. Основные причины сложившейся ситуации усматривались в несовершенстве законодательства, ограничительной политике правительства и недостатке финансовых средств [38, 53, 57].

В целом, в дореволюционной историографии по истории органов местного самоуправления представлен обширный фактический материал и ценный опыт изучения истории земских учреждений. Многие выводы дореволюционных исследований сохраняют свою актуальность и значимость и для современного этапа исторической науки.

После октябрьских событий 1917 года земства были упразднены. Вплоть до 50–60 гг. XX века земская деятельность практически не освещалась в советской историографии, рассматривались лишь отдельные вопросы (например, участие земской интеллигенции в революционном движении) [39].

Ведущую роль в формировании оценки земской деятельности в советской историографии сыграла статья В. И. Ленина «Гонители земства и аннибалы либерализма», опубликованная в 1901 году [36]. В ней, исходя из политической задачи борьбы с либерализмом, земская реформа оценивается как одна из уступок самодержавного правительства волне революционного натиска, а земство — как орудие укрепления самодержавия, привлечения к нему части либерального общества, с самого начала обреченное быть «пятым колесом в телеге русского государственного управления» [36, 34]. Таким образом, в советский период в значительной части как региональных, так и общероссийских исследований особенности земских реформ, участие земской интеллигенции в либеральном движении и прочие проблемы по истории земств анализировались с ленинских позиций.

В работах советских историков 20–40 гг. XX века, в отличие от трудов дореволюционных авторов, земство рассматривается на широком историческом фоне как эпизодическое явление российской истории, сыгравшее определенную роль в социально-экономическом развитии государства. При этом, во-первых, преобладала критическая оценка земской работы; во-вторых, само земство изучалось в контексте общих проблем антисамодержавного движения. Проблемы истории земства в отечественной исторической науке, потеряв актуальность, отступили на задний план, а исследователи обратились, прежде всего, к изучению истории освободительного движения и классовой борьбы. Довоенный период отмечен появлением лишь единичных работ, рассматривающих вопросы истории земства и земской реформы [65].

В целом же, проблемы возникновения, становления и развития земской деятельности в исторических исследованиях до 80-х гг. XX столетия получали тенденциозное освещение, что диктовалось влиянием существующих в тот момент политико-идеологических установок.

С началом некоторой либерализации общественной жизни в 50-е годы XX века возникает исследовательский интерес и к истории земских учреждений. В монографии В. В. Гармизы «Подготовка земской реформы 1864 года» детально прослеживаются предпосылки, причины и предыстория введения местного самоуправления в России [15]. Появляются работы Л. Г. Захаровой о земской контрреформе 1890 года и Н. М. Пирумовой, где рассматривается история земских учреждений России, подробно освещаются программные требования земских либералов, их роль в общественной жизни, анализируется социальный и профессиональный состав земской интеллигенции [24, 48].

Проблема деятельности земств и их взаимоотношений с государственной властью в отдельных аспектах затрагивалась в работах ведущих советских историков. В. Г. Чернуха обращалась к истории земского самоуправления при анализе внутренней политики правительства в 50–80 гг., А. П. Корелин и Ю. Б. Соловьев — при изучении состава российского дворянства и политики властей в отношении «первенствующего сословия» [62, 29, 55]. П. А. Зайончковский проанализировал политический кризис 70–80 гг. XIX века, обратив внимание на поведение земств в этот период [23]. К изучению проблем земского либерализма обращались К. Ф. Шацилло, Е. Д. Черменский, П. И. Шлемин и др. исследователи [66, 61, 67].

Обзор деятельности земских учреждений на протяжении всего периода их существования, особенно в 1917–1918 гг., дает в своем труде Г. А. Герасименко. В последующих публикациях автор проанализировал основные аспекты реформ Временного правительства, а также рассмотрел особенности земского общественного движения [16].

В 90-е годы XX в. интерес к опыту земского самоуправления резко возрос, как со стороны профессиональных историков, так и со стороны общественности. Катализатором этого интереса явилось знаменитое «послание» А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию» (1990). Писатель придал земской теме политическое звучание: «Октябрьский переворот насильственно сломал всякое земство, заменив его советами... Я полагаю, что «советы депутатов» надо шаг за шагом... заменить земской системой» [54, 13]. Роспуск советов народных депутатов всех уровней осенью 1993 г. еще более актуализировал идею о возрождении земского самоуправления в России. В ноябре 1993 г. была создана неправительственная организация «Российское земское движение», а в 1994 г. вышел первый номер журнала политико-публицистического толка «Земский вестник».

Постепенно ситуация вокруг возможного возрождения земских учреждений становится менее политизированной, и проблема земского самоуправления подвергается серьезному и осмысленному научному исследованию. Российские историки постепенно отходят от жестких ленинских позиций в оценке земской деятельности и делают попытку представить ее объективный всесторонний анализ. Они подвергают тщательному изучению проблемы влияния деятельности органов местного самоуправления на развитие хозяйственно-культурной жизни российских губерний и уездов II половины XIX — начала XX вв. Среди таких трудов можно выделить работы В. Ф. Абрамова, Л. Е. Лаптевой, А. Н. Букова и др [1, 35, 10, 8].

Появляется ряд серьезных научных исследований, посвященных социальным, политико-правовым, финансово-экономическим и прочим аспектам земской деятельности. К их числу можно отнести монографии А. Н. Верещагина, В. В. Куликова, М. Д. Масановой, А. Ю. Шутова и др. авторов [34, 41, 68].

Особое место в изучении земской проблематики занимают региональные и локальные научные исследования, начало которым было положено в 60-е гг. XX века (работы Н. Л. Хайкиной, М. И. Черныша, Л. М. Побережской и др.)

[59, 63, 49], когда началась интенсивная разработка проблем, связанных с образованием и деятельностью земских учреждений

отдельных губерний. Основательному исследованию применительно ко II половине XIX в. подверглись Самарское, Пензенское, Рязанское, Нижегородское и другие земства. Оживлению и расширению географии исследований по истории земств также способствовали отдельные научные конференции. К. М. Тимошкин, А. П. Лиленкова, О. Л. Будаева и др. региональные исследователи уделили основное внимание хозяйственной практике земств, анализу земских бюджетов; в ряде диссертаций имеются разделы по социальному составу земских учреждений, участию местных земских деятелей в политических движениях, показана специфика отдельных земств [56, 37, 9].

Диссертационные исследования 80–90 гг. XX в. построены на широкой источниковой базе, в них вовлечено множество документов местных архивов, предложены современные методики работы с историческими источниками. Для многих из таких работ характерны положительные оценки земских культурно-хозяйственных достижений, отдельным земцам воздавалось должное за инициативность, трудолюбие и патриотизм. Региональные историки стремились определить особенности исследуемых губернских и даже уездных земств. Комплексный анализ системы местного самоуправления на локальном уровне представлен в достаточно значительном количестве научных работ (труды Н. А. Арнольдова, А. А. Ярцева, О. Н. Богатыревой, Д. А. Николаева, Е. Н. Морозовой и др.) [4, 70, 7, 44, 43]. В них представлена попытка воссоздать объективную картину работы муниципалитетов, выявить динамику основных вложений земских капиталов на уездном и губернском уровнях, взаимоотношения муниципальной власти и правительственных органов, дать объективную оценку условий функционирования создаваемых органами местного самоуправления экономических структур (агрономических и сельскохозяйственных советов, железнодорожных комитетов, периодических совещаний, страховых учреждений и т.д.), социально-культурных проектов и политических инициатив.

Особое внимание ряд исследователей уделяет тщательному изучению отдельных сторон земской деятельности и реализации соответствующих мероприятий. Земский опыт хозяйственно-экономической и административной деятельности был исследован С. Н. Полосиным, О. С. Бахмутовым и др. специалистами в области отечественной истории [50, 5]. Авторы стремились раскрыть формы, методы, проблемы и результаты земской региональной деятельности по следующим основным направлениям: реформирование крестьянской экономики, повышение образовательного уровня

населения и рационализация системы здравоохранения, а также проанализировать степень востребованности названных преобразований крестьянским населением.

Культурно-просветительскую деятельность органов местного самоуправления проанализировали В. И. Никулин, Г. Б. Азаматова, Т. П. Мамаева и др. авторы [45, 3, 40]. В названных работах рассмотрены как общие вопросы по истории земских учреждений, так и приоритетные направления земской просветительской деятельности — процесс становления земских школ и библиотек, их количественный анализ, принципы финансового обеспечения, создания учебно-материальной базы и хозяйственного содержания школьных зданий. В круг изучаемых проблем были включены социальный состав учителей и учеников, а так же политические взгляды учительского персонала в конце XIX — начале XX вв. В основе работ Ю. Е. Железняковой, Н. И. Нестеровой и ряда др. исследователей лежат проблемы развития земской школы, как учебно-воспитательного учреждения; здесь же рассматривается методика подготовки учителей для земских школ, дается анализ используемой в дореволюционных образовательных учреждениях учебной и методической литературы [22].

Изучению земского общественного движения, выявлению его роли и места в общем контексте российской истории посвящены работы А. В. Воронежцева и М. С. Низамовой, целью которых стало осмысление социально-политической направленности деятельности земств, а также «мотивов возникновения и сферы приложения земских либеральных идей» [14, 46].

В целом, отечественная наука обогатилась рядом значительных трудов по истории земского самоуправления в России второй половины XIX — начала XX вв. За последние полвека накоплен достаточно богатый опыт изучения проблем истории земства в работах как общего, так — регионального и локального характера; попытки осмысления этого опыта неоднократно предпринимались во введениях к монографическим исследованиям и диссертационным работам. Обобщению опыта отечественной историографии второй половины XX в. посвящена диссертация В. А. Горнова, который выделал три периода в развитии земской историографии: 1) 1945–1956 гг. — «время первых попыток» изучения»; 2) 1957–1977 гг. — «период развития узловых проблем»; 3) с 1977 г. — «интенсивный научный штурм» [19, 8].

Таким образом, изучение истории земских учреждений имеет давние научные традиции. Становление каждой из них влекло за собой изучение все новых проблем и аспектов земской деятельности, как на

общероссийском, так и на региональном уровне. Для 60–90 гг. XIX века характерно появление ряда теорий местного самоуправления, авторы которых излагали определенные взгляды на место и роль созданных в 1864 г. земств. Изучались проблемы эволюции земского законодательства, и проводился анализ земской избирательной системы. На рубеже XIX–XX вв. шло активное исследование на региональном уровне отдельных сторон земской деятельности: медицины, народного образования и др. Наконец, в дореволюционной историографии создаются обобщающие научные труды по истории деятельности земских учреждений, первым из которых стало фундаментальное исследование Б. Б. Веселовского.

В советский период в центре внимания ученых находились земские реформы, проблемы взаимоотношений земства и бюрократии, места и роли земств в структуре государственного управления. В 80–90 гг. XX в. интерес к истории земских учреждений возрастает, началась интенсивная разработка проблем, связанных с образованием и деятельностью земских учреждений отдельных губерний.

На современном этапе изучение истории земства в России включает в себя и работы, непосредственно посвященные земству, отдельным аспектам его деятельности, и рассмотрение земской работы в рамках истории политических реформ и общественного движения, выявление общих историографических закономерностей в изучении местного самоуправления и земских социально-политических инициатив. Характерной особенностью современного этапа является значительное многообразие в оценочных подходах в виду востребованности и актуализированности научно-практических задач в изучении проблем земского самоуправления, в познании концептуальных особенностей отечественной истории, в целом.

Список литературы:

1. Абрамов В. Ф. Российское земство: экономика, финансы, культура. — М., 1996.
2. Авинов Н. Н. Главные черты в истории законодательства о земских учреждениях (1864–1913 гг.) // Юбилейный земский сборник 1864–1914 гг. Под ред. Б. Б. Веселовского и З. Г. Френкеля. — СПб, 1914. — С.1–15.
3. Азаматова Г. Б. Деятельность Уфимского земства в области народного образования в 1874–1917 гг. Дис...к.и.н. — Уфа, 2000
4. Арнольдов Н. А. Самарское земство в конце XIX — начале XX в. Дис...к.и.н. — Куйбышев, 1990.
5. Бахмутов О. С. Социально-экономическая деятельность земской организации Саранского уезда Пензенской губернии во II половине XIX — начале XX вв. Автореф. дис...к.и.н. — Саранск, 2003.

6. Белокопский И. П. Земское движение. — М.: изд-во «Задруга», 1914. — 399 с.
7. Богатырева О. Н. Земское самоуправление в Вятской и Пермской губерниях в пореформенный период (60–90-е гг. XIX в.) Дис...к.и.н. — Екатеринбург, 1995
8. Быстренко В. И. История государственного управления и местного самоуправления в России. — Новосибирск, 1997.
9. Будаева О. Л. Смоленское земство в конце XIX — начале XX века (1890–1904 гг.). Дис... к.и.н. — Смоленск, 1981.
10. Буров А. Н. Местное самоуправление в России: исторические традиции и современная практика. — Ростов, 2000.
11. Васильчиков А. И. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. — В 3 т. — СПб.: тип. Эд. Праца, 1869–1871. Т.1. — 368 с. Т.2 — 477 с. Т.3 — 377с.
12. Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. В 4 Т. — СПб.: изд-во О.Н. Поповой, 1909–1911. Т.1 — 646 с., Т.4 — 471 с.
13. Верещагин А.Н. Земский вопрос в России Политико-правовые отношения. — М., 2002.
14. Воронежцев А. В. Саратовское земство накануне и в период первой российской революции 1900–1907 гг. — Саратов, 1993.
15. Гармиза В. В. Подготовка земской реформы 1864 года. — М.: Наука, 1957. — 315 с.
16. Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. — М.: Наука, 1990. — 262 с.
17. Головачев А. А. Десять лет реформ. 1861–1871. — СПб.: тип. Ф. С. Сущинского, 1872. — 398 с.
18. Голубев В. Роль земства в общественном движении. — Ростов-на-Дону, «Донская речь», 1905. — 86 с.
19. Горнов В. А. История земства России II половины XIX — начала XX вв. и ее отражение в отечественной исторической науке (1946–1995). Автореф. дис...к. и. н. — М., 1996.
20. Градовский А. Д. Система местного самоуправления на Западе Европы и в России // Градовский А. Д. Собр. соч. т. 9. — СПб., 1904.
21. Евреинов Г. А. Заметки о земской реформе. — СПб., 1888.
22. Железнякова Ю. Е. Земская школа Казанской губернии. 1865–1917. Дис...к.и.н. — Казань, 2002.
23. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 гг. — М.: Мысль, 1964. — 510 с.
24. Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 года. — М.: МГУ, 1968. — 169 с.
25. Звягинцев Е. А. Полвека земской деятельности по народному образованию. — М., 1915. — 88 с.
26. Ивановский В. В. Русское государственное право. — Казань, 1898.
27. Иорданский Н. Н. Земский либерализм. — М.: Колокол, 1905. — 60 с.

28. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в 3 книгах, кн. 3. — М., 1993.
29. Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904. Состав, численность, организация. — М., 1979
30. Коркунов Н. М. Русское государственное право. — СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1893. — Т. 1. — 415 с.
31. Корнилов А. А. Из истории об избирательном праве в земстве. — СПб, 1906.
32. Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. — М.: Высшая школа, 1993. — 446 с.
33. Корф П. Л. Ближайшие нужды местного управления. — СПб., 1888.
34. Куликов В. В. Земские учреждения и правительственный контроль (II половина XIX — начало XX в.) М., 2001
35. Лаптева Л. Е. Региональное и местное управление в России II половины XIX века. — М., 1998.
36. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т.5. С.25–72.
37. Лиленкова А. П. Нижегородское земство в 1890–1904 гг. (социальный состав, бюджеты и практическая деятельность). Кандидатская диссертация. — Горький, 1973
38. Львов Г. Е. Полнер Т. И. Наше земство и 50 лет его работы. — М.: Задруга, 1917. — 60 с.
39. Малиновский Н. Народные учителя в революционном движении. — М., 1926.
40. Мамаева Т. П. Земская школа Курской губернии и роль губернского земства в ее развитии (1865–1917). Автореф. дис...канд. ист. наук. — Воронеж, 2002
41. Масанова М. Д. Земство и становление всеобщего обучения в России (1864 — 1880 гг.). — СПб., 2000
42. Маслов С. Л. Земство и его экономическая деятельность за 50 лет существования 1864–1914 гг. — М., 1914.
43. Морозова Е. Н. Формирование концепции и разработка проектов земской реформы (1856–1864 гг.). Дис...д.и.н. — Саратов, 2000.
44. Николаев Д. А. Нижегородское земство в 1865–1918 гг.: обзор хозяйственной деятельности и анализ социально-политических инициатив. Дис...канд. ист. наук. — Н.Новгород, 1999.
45. Никулин В. И. Культурно-просветительская деятельность Пензенского земства. Дис...к.и.н. — Саранск, 1997.
46. Низамова М. С. Казанское земство в конце XIX — начале XX в.: местное самоуправление и земское общественное движение. Дис...к.и.н. — Казань, 1995.
47. Нотович О. К. Основы реформ местного и центрального управления. — СПб., 1882.
48. Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX века. — М.: Наука, 1986. — 268 с.

49. Побережская Л. М. Подготовка и проведение земской реформы в Нижегородской губернии. Кандидатская диссертация. — Горький, 1967.
50. Полосин С. Н. Социально-экономическая деятельность земских учреждений Пензенского края в 1865–1917 гг. — Пенза, 1999.
51. Свешников М. И. Основы и пределы самоуправления. — СПб.: тип. «Безобразов и Ко», 1892. — 296 с.
52. Скалон В. Ю. Земские взгляды на реформу местного управления. Обзор местных отзывов и проектов. — М., 1884.
53. Слобожанин М. Из истории и опыта земских учреждений в России. — СПб, «Жизнь для всех», 1913. — 551 с.
54. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения // Литературная газета. 1990. 18 сентября.
55. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. — Л., 1973
56. Тимошкин К. М. Деятельность земств на территории Мордовии 1865–1890 гг. Дис... к.и.н. — Саранск, 1979.
57. Трутовский В. Современное земство. — СПб., Пг.: тип. «Худож. печати», 1914. — 109 с.
58. Турганова О. В. Культурно-просветительская деятельность Самарского земства во II половине XIX — начале XX в. Автореф. дис...канд. ист. наук. — Самара. 1999.
59. Хайкина Н. Л. Земские учреждения Самарской губернии в 1864 — 1881 годах. Дис. к.и.н. — Куйбышев, 1961
60. Чарнолуцкий В. И. Земство и народное образование. — СПб.: Знание, 1910. — 342 с.
61. Черменский Е. Д. Земско-либеральное движение накануне революции 1905–1907 гг. // История СССР. 1965. №5.
62. Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. — Л., 1978.
63. Черныш М. И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. — Пермь, 1959.
64. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. — М., 1866.
65. Шефер А. Л. Органы «самоуправления» царской России. — Куйбышев, 1939.
66. Шацилло К. Ф. Тактика и организация земского либерализма накануне первой русской революции // Исторические записки. Т.101. М., 1978.
67. Шлемин П. И. Земское движение и либеральная интеллигенция на рубеже 80–90 гг. XIX века // Вопросы истории СССР. — М., 1972.
68. Шутов А. Ю. Земские выборы в истории России (1864–1917 гг.) Исследование избирательных систем. — М., 1997.
69. Щербакова Н. В. Егорова Е. С. Местное самоуправление в России. — Ярославль, 1996.
70. Ярцев А. А. Земство северо-западных губерний России 1864–1904 гг. Дис...к.и.н. СПб, 1995.

**«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ, ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ»**

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

17 октября 2011 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 24.10.11. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 7,75. Тираж 550 экз.

Издательство «Априори»
630099, г. Новосибирск, ул. Романова, 28
E-mail: info@a-ti.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Априори»
630099, г. Новосибирск, ул. Романова, 28